

М. Б. Пиотровский
—
КОРАНИЧЕСКИЕ
СКАЗАНИЯ

М. Б. Пиотровский

КОРАНИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

Москва
«НАУКА»
Главная редакция
восточной литературы
1991

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

وَإِلَهُكُمْ وَاحِدٌ وَتَحَرَّكَ مُسْلِمُونَ

وَكَذَلِكَ أَنْزَلْنَا إِلَيْكَ الْكِتَابَ وَالَّذِينَ

أَتَيْنَاهُمُ الْكِتَابَ يُؤْمِنُونَ بِهِ وَمِنْ تَحْتِهَا

بَرَكَاتٌ لِلْعَالَمِينَ

М. Б. Пиотровский

КОРАНИЧЕСКИЕ
СКАЗАНИЯ

ББК 86.38+63.3(0)4
П32

Пиотровский М. Б.

П32 Коранические сказания.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.— 219 с.: ил.

ISBN 5-02-017250-2

Написанная живым, доступным языком, книга известного арабиста, исламоведа содержит изложение коранических легенд и преданий, анализ их истоков, их бытования в доисламской Аравии и в странах арабо-мусульманской культуры.

В оформлении использованы средневековые арабские рукописи.

040300000-006
П013(02)-9112-91

ББК 86.38+63.3(0)4

ISBN 5-02-017250-2

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»,
1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — об «исторических» преданиях, содержащихся в Коране — Священном писании ислама. Сказания о прошлом составляют значительную часть его текста, концентрируют в себе большинство его главных идей, особенности его художественного языка.

Задача книги — собрать воедино разбросанные по всему Корану повествовательные сюжеты и мотивы, изложить их содержание в последовательности событий, исследовать ту роль, которую они играют в Коране. Анализ коранических ссылок на историю позволяет обрисовать и некоторые черты религиозно-культурной ситуации, в которой родился ислам.

Ислам возник как локальное религиозно-политическое течение, выросшее из многовековой истории Аравийского полуострова. В то же время он явился и откликом на духовные потребности всего Ближнего Востока в период распада древнего миросозерцания и становления средневекового общества. Благодаря политическим победам и умению вбирать в себя новое и чужое он стал одной из главных форм идеологического осмысления действительности эпоху средневековья. Огромную роль в победах ислама сыграла личность его основателя Мухаммада, посланника и пророка Аллаха. Изучение коранических сказаний позволяет конкретно определить сочетание чужого и своего в исламе, дает возможность как бы увидеть, ощутить личность его основателя.

Коранические сказания, подвергнутые анализу и объясненные, могут стать для читателя хорошим путеводителем по тексту Корана. С их помощью легче ориентироваться в этом собрании проповедей, предполагающих на-

лично у слушателей и читателей некоторого предварительного знания предмета.

Ислам и Коран являются результатом человеческого творчества. Для самого творца и для сотен миллионов его последователей они — деяние божества. Книга исходит из первого положения, но, уважая внутреннюю логику коранического текста, я не стану злоупотреблять кавычками и «якобы», говоря о естественном для Корана «участии» Бога в его создании.

Книга предназначена для широкого читателя. В таком виде на русском языке коранические сказания излагаются впервые. Адресована она и специалистам, поскольку предлагает новый подход ко всему комплексу сказаний. Они рассматриваются в первую очередь с точки зрения их места в коранической проповеди и их связи с аравийской культурной средой.

В течение десяти лет я занимался специальными исследованиями коранических сказаний. Результаты моих изысканий проверялись в докладах на различных встречах арабистов и исламоведов, публиковались в виде статей и разделов в книгах. Они легли в основу статей о мусульманской мифологии в энциклопедических словарях «Мифы народов мира» (М., 1980, 1982; 2-е изд. М., 1987, 1988), «Ислам» (М., 1990), в справочниках «Ислам» (М., 1983; 2-е изд. М., 1986) и «Ислам» (М., 1989). Я благодарен моему другу и коллеге А. Б. Куделину, давно и настойчиво советовавшему рассказать о моих исследованиях и размышлениях в отдельной работе. Она обсуждалась и была одобрена Группой исламоведения и Сектором Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Я признателен всем моим коллегам, взявшим на себя труд прочитать книгу еще в рукописи и помогшим исправить часть ее недостатков: П. А. Грязневичу, В. В. Лебедеву, Е. Н. Мещерской, Вл. В. Полосину, С. М. Прозорову, Е. А. Резвану, А. Б. Халидову, А. Л. Хосроеву, И. Ш. Шифману и многим другим.

У книги есть две стороны. Одна — выводы, к которым я пришел, многократно анализируя и сопоставляя повествовательные тексты Корана слово за словом. Вторая — мои чувства сопереживания моменту рождения религии, вызванные многократным и внимательным чтением этой удивительной Книги. Хотелось бы, чтобы написанное помогло хотя бы немногим немусульманам лучше узнать один из главных памятников человеческой культуры — Коран.

На обложке воспроизведены два листа из рукописи Корана, выполненной почерком *куфи* в V–VI/XI–XII вв. в Ираке. Хранится в Главной мечети г. Сана в Йеменской Арабской Республике. Шифр IN:6=8.1.

На лицевой стороне: текст из суры «аль-Кахф» («Пещера», 18:4/3–6/5); на оборотной — из суры «аль-Исра'» («Перенес ночью», 17:90/92–92/94). Воспроизводится по книге: Masahif San'a. Kuwait, 1985, с. 33, 32.

Для титула использовано оформление художественной рукописи Корана, выполненной почерком *мухаккак* в VIII/XIV в. в Египте. Хранится в Доме мусульманских древностей в Национальном музее Кувейта. Шифр LNS 74 MS.

Слева текст из суры «аль-Анкабут» («Паук», 29:46/45–47/46). Справа в обрамлении почерком *сулс* выписаны аяты из суры «аль-Ваки'а» («Падающее», 55:77/76–80/79). Воспроизводится по книге: Variety in Unity. Kuwait, 1987, с. 33.

Я благодарю генерального директора Управления древностей Йеменской Республики господина Исма'ила аль-Аква' и директора Дома мусульманских древностей Кувейта шейху Хуссу ас-Сабах за любезное разрешение воспроизвести хранимые ими прекрасные рукописи.

МУХАММАД

Он любил уединяться на горе Хира' около родного города Мекки. Его звали Мухаммад сын 'Абд Аллаха, и было ему тогда, в 610 (или в 608) году, 40 лет.

В одну из ночей месяца рамадан во сне ему явился некто с книгой, завернутой в парчовое покрывало, и сказал: «Читай!» — «Я не умею читать», — ответил он. Явившийся стал душить его завернутой книгой (или свитком), потом отпустил и сказал: «Читай!» — «Я не умею читать». И снова пришедший душил его. Испугавшись за свою жизнь, Мухаммад спросил наконец: «Что же мне читать?» Зазвучало:

Читай, во имя Господа твоего, который сотворил.

Сотворил человека из сгустка.

Читай! И Господь твой щедрейший,
который научил каламом,

научил человека тому, чего он не знал¹ (96:1—5).

Мухаммад повторил это и был оставлен в покое. Потом он рассказывал: «Я проснулся, и в сердце моем словно сделана надпись»².

Он вышел на склон горы, на которой ночевал, и вдруг услышал голос с неба: «О Мухаммад, ты — посланник Аллаха, а я — Джибриль». В небесах, опершись ногами на горизонт, стоял его ночной гость. Куда бы ни оборачивался Мухаммад, он оказывался перед ним. Потом Джибриль исчез.

Так, согласно мусульманскому преданию, началось ниспослание божественных откровений, которые, собранные вместе, составляют Священную Книгу ислама — Коран.

Коран (точнее — аль-Кур'ан) означает «чтение», «чтение вслух». Это то, что требовал читать и читал вслух Мухаммаду один из приближенных к Богу (Аллаху) ангелов — Джибриль, называемый у христиан архангелом Гавриилом. Бог сделал его посредником между собой и человеком, которого избрал пророком и своим посланником к людям. Мухаммад должен был выслушать слова божьи, запомнить их, повторять их людям и проповедовать веру в то, чему его и их учил Бог.

Город Мекка, где жил Мухаммад, находится в западной части Аравийского полуострова, в гористой местности, называемой Хиджаз. Там Мухаммад родился (около 570 г.) и вырос в доме своего деда 'Абд аль-Мутталиба. Родителей он потерял очень рано. Как и большинство жителей Мекки, Мухаммад принимал участие в караванной торговле. Он стал распорядителем дел богатой вдовы Хадиджи и скоро женился на ней.

Мекка была важным торговым и религиозным центром. Около нее ежегодно собиралась одна из самых знаменитых ярмарок Аравии — Указская. В самом же городе возвышалась аль-Ка'ба — одно из главных святилищ Аравии. В восточный угол здания был вмурован «черный камень» — оплавленный метеорит, считавшийся магическим посланием с небес людям и служивший предметом поклонения и ежегодных паломничеств. Внутри аль-Ка'бы помещалось изображение местного божества Хубаля, а вокруг нее стояли идолы всех других божеств, почитавшихся аравийскими язычниками в разных местах полуострова. Поблизости от города находилось святилище общеаравийской богини аль-'Уззы. Жили в Мекке и люди, исповедовавшие иудаизм и христианство. Были там и так называемые *ханифы* — праведники, отвергавшие языческое многобожие, но ни к какой из существовавших тогда религий себя не причислявшие. Уединенные размышления, пост, забота о бедных — все это входило в обычаи религиозного быта мекканцев. Мухаммад любил эту сторону жизни сородичей и часто уединялся в окрестностях Мекки, где на горе Хира' и было ему первое видение³.

Потом их было еще несколько. Мухаммад радовался и боялся. Он радовался тому, что с ним говорит Бог — Аллах, то через Джибрила, то прямо. Он боялся того, что это не настоящее божественное откровение, а просто одержимость или транс прорицателя-кашина. Справиться с сомнениями помогли ему жена Хадиджа и ее двоюродный брат Варака. Они убедили Мухаммада, что с ним проис-

ходит то же самое, что некогда происходило с Моисеем,— с ним говорит Бог.

Уверенность росла, и Мухаммад решился на то, чего требовал от него Аллах. Он вышел к людям и стал провозглашать перед ними Коран — слово Божье. Проповедь истинной религии приняла форму простой передачи слов божества. Коран — не рассказ об Аллахе и людях, живших некогда в прошлом, а прямая речь Аллаха. Иногда она обращена к Мухаммаду, иногда прямо к людям, иногда Аллах сам говорит о себе в третьем лице. Однако все это — священные слова, идущие прямо от божества, избравшего для общения с людьми арабский язык. Коран был проповедью и частью диалога. Он и поучал людей, и отвечал им на их вопросы, возражения и действия, разъяснял то, что они давно знали, но неверно понимали. Мы не знаем в деталях, что происходило во время проповеди, далеко не всегда знаем, на какие события настоящего или прошлого намекает Коран. Многие в его текстах было непонятно уже внукам и правнукам современников Мухаммада. Коран невозможно читать с листа, его нужно изучать, понять, а затем перечитывать или слушать и читать вслух снова и снова. Тогда постепенно и постоянно открываются в нем новый смысл, новые красоты стиля и чувства. В этом одна из дополнительных причин огромной ритуальной и магической роли Корана.

Итак, Мухаммад начал провозглашать Коран перед своими соотечественниками. Мысли его были просты. Он призывал мекканцев отказаться от веры во множественность божеств, поклоняться только одному-единственному богу — Аллаху. Этого бога мекканцы знали и прежде, но как одного из многих. Теперь им объявлялось, что так зовут единственного Бога. Других же божеств просто не существует; те, кто верит в них, заблуждаются и будут за это наказаны. Аллах сотворил мир — небеса, землю, звезды, горы, растения и человека. Он благодетельствовал людей, дал им средства пропитания, обеспечив их благоденствие. Люди возгордились, считая, что они сами — творцы всех благ. Но в мире все совершается по воле Аллаха. Он дает людям, и он же берет от них. Он наказывает за гордыню и нечестие, он вознаграждает за смиренность и веру.

Жизнь человечества не бесконечна. Миру придет конец. Тогда все будет перевернуто и уничтожено; все мертвецы воскреснут и будут приведены к Аллаху на суд. С каждого будет спрошено по его делам и каждому будет по ним воздано. Те, кто верил в Аллаха и поступал благочестиво

и праведно, будут навечно помещены в райские сады и будут жить там в блаженстве под сенью тенистых деревьев у прохладных ручьев. Тех же, кто был неправеден и верил в языческих богов, ждет огонь геенны, страшные мучения жара и холода.

Эти идеи не были особенно новыми. Единобожие, наказание за грехи проповедовали иудеи и христиане. Христиане красочно рассказывали о конце света, рае и аде. Собственно, Мухаммад и говорил, что его Аллах — тот же бог, что и у иудеев, и у христиан. Только они, получив однажды через своих пророков Мусу (Моисея) и Ису (Иисуса) истинные откровения, забыли и исказили их. Мухаммад поэтому полагал, что иудеи и христиане с радостью примут его проповедь, очищающую их религию, увидят в нем долгожданного мессию. Этого, конечно же, не случилось.

Отвергли Мухаммада и соплеменники. Поначалу мекканцы просто смеялись над человеком, смущавшим их нормальную жизнь эмоциональными выкриками и предостережениями, призывавшим отказаться от того, что составляло часть привычного жизненного уклада. Они сочли его помешанным, но не очень опасным.

Однако постепенно проповедь Мухаммада стала привлекать то одного, то другого. Вокруг пророка образовалась постоянная группа людей, внимательно слушавших его откровения, видевших в них ответ на их собственные вопросы и чаяния. Возникло ядро будущей общины мусульман — людей, предавших себя Аллаху. Разными были эти люди — рабы, вольноотпущенники, безродные бедняки, молодые юноши из знатных мекканских родов. Верхушка мекканцев стала ощущать опасность этого небольшого объединения, которое грозило уничтожить одну из основ мекканской торговли — культ аравийских божеств.

Начались споры. Мухаммада громко обвиняли в одержимости, от него с ехидством спрашивали чудес. Его поносили как рассказчика пустых, всем известных историй, как человека, выступающего против самого святого — уважения к вере своих предков.

В ответ раздавались новые и новые коранические проповеди. Они становились менее экзотичными, но более информативными. Мухаммад рассказывал о своем боге, у которого появилось и второе имя — Рахман (Милостивый), о том, как он могуч и всесилен, как он благорасположен к людям, сколько он им сделал добра и как они неблагодарны. Постепенно в проповедях все большее и

большее место занимают повествовательные элементы — сказания о прошлом. Коран устами Мухаммада доказывал ссылками на прошлое все те главные мысли, которые декларировались прямо. Пророк перечислял народы и людей, которые получали от Аллаха необыкновенные дары. Аллах дал царю Сулайману чудесные свойства и способность повелевать духами-джиннами. Он сделал Да'уда чудесным песнопевцем. Рассказывалось, как Аллах наказывал тех, кто колебался в вере или забывал об Аллахе. Коран повествовал о древних благочестивых людях — Ибрахиме-Аврааме, Мусе-Моисее, 'Исе-Иисусе, которые тоже были пророками Аллаха. Они несли людям то же, что и Мухаммад. Многим из них, как и Мухаммаду, люди не верили, многих изгоняли и преследовали. Однако, как ни велики бывали страдания пророка, Аллах никогда не забывал о нем. Врагов же истинной веры рано или поздно обязательно постигало наказание. Аллах уничтожал их. Иногда люди следовали призывам пророка, но затем легко искажали его учение. За это их тоже постигало или должно постигнуть наказание.

Сложилась специфическая картина мировой истории. Сменявшие друг друга народы достигали благоденствия по воле Аллаха, но забывали о Боге, не слушали посланного Аллахом пророка и за это погибали в посланных Богом катастрофах.

Сходные повествования о прошлом по этой схеме должны были подтвердить истинность и закономерность миссии Мухаммада, предупредить мекканцев, что их ждет наказание.

Однако мекканцы этого наказания не боялись. Они в большинстве не желали верить в Бога Мухаммада, а тем более — признать в нем самом пророка, человека, возвышенного божеством над сородичами. Начались первые гонения. Мусульман прогоняли из общественных мест, били, не давали им собираться и молиться. Старшие члены родов запрещали молодежи встречаться с Мухаммадом и остальными мусульманами. Сам Мухаммад был в относительной безопасности. Глава его рода, дядя пророка Абу Талиб, ислама не принял, но считал своей обязанностью хранить члена своего рода от враждебных выпадов. В других родах мусульманам было тяжело. Тогда по решению Мухаммада часть мусульман перебралась из Мекки в Эфиопию. Там правил христианский (т. е. верующий в единого бога) царь. Там они надеялись найти и нашли убежище от притеснений мекканцев.

В Мекке же Мухаммад продолжал проповедовать и бороться. У него появлялись новые сторонники, он представлял все большую и большую опасность для устоявшегося порядка жизни мекканцев. Почти все жители города были членами племени курайш, некогда пришедшего в Мекку из пустыни. Племя делилось на отдельные роды. Род, к которому принадлежал Мухаммад, назывался хашим. На него тоже обратилась вражда мекканцев. Хашимитам даже пришлось однажды выдержать осаду и бойкот со стороны других курайшитов. Они вышли из этого положения с честью, от Мухаммада не отступились, но и их терпение иссякло.

Уже около десяти лет проповедовал Мухаммад (откровения начались около 610 г.), успеха же все не было. Умер Абу Талиб, и главой рода хашим стал Абу Лахаб, активный противник Мухаммада, склонный лишить его защиты рода. Умерла Хадиджа, родившая ему четырех дочерей и постоянно поддерживавшая его в трудные минуты, которых в жизни Мухаммада было так много.

Он решил искать успеха вне Мекки, ведь не к одним же курайшитам обращался Аллах! Неудачей кончилась попытка проповедовать в городе Таиф. Поклонники почитавшейся там богини Аллат закидали пророка Аллаха камнями. Мухаммад начал проповедовать арабийцам, приходившим на мекканскую ярмарку. Он становился все более известен за пределами родного города, и постепенно появилась надежда. К словам Мухаммада прислушивались люди из лежавшего к северу от Мекки оазиса Йасриб. С йасрибскими племенами Мухаммад был связан и дальним родством, в младенчестве некоторое время жил в их городе.

Большинство населения Йасриба составляли тогда два племени — аус и хазрадж, постоянно враждовавшие друг с другом. За долгие годы список взаимных обид стал столь обширным и запутанным, что, даже желая примирения, они не могли договориться. В таком случае был нужен посторонний беспристрастный и авторитетный третейский судья.

Йасрибцы сочли, что Мухаммад для этой роли подходит. Вне Мекки его авторитет благочестивого, мудрого и как-то связанного с высшими силами человека был, видимо, выше, чем в родном городе. Йасрибцы согласились признать Мухаммада пророком Аллаха и передать ему в руки управление своим городом. В Йасрибе жили еще три небольших племени, исповедовавших иудаизм, — кайнука,

надир и курайза. Мухаммад надеялся, что у них, верующих в единого бога, он найдет поддержку и признание.

Йасрибцы заключили с Мухаммадом соглашение, подтвержденное клятвой в местечке 'Акаба, и мусульмане стали постепенно покидать свой родной город и перебираться в Йасриб. Они совершали *хиджру* — переселение в безопасное место и получили поэтому прозвище *аль-мухаджирун* («совершившие хиджру»). Йасрибцы, принявшие ислам, стали называться *аль-ансар* («помощники»). Последним покинул Мекку Мухаммад, сопровождаемый своим верным соратником, одним из первых мусульман — Абу Бакром. Отъезд был тайным, ходили слухи, что мекканцы задумали убить пророка.

20 сентября 622 г. ⁴ Мухаммад прибыл в Йасриб. Произошла его *хиджра* (переселение), одно из главных событий в истории ислама. От первого дня этого года по лунному календарю ведется мусульманское летосчисление. Йасриб стал потом называться Мадинат ан-наби — Город пророка или просто аль-Мадина — Город.

Был построен дом Мухаммада, около него — первая мечеть. Постепенно сложились обязательные правила благочестивого поведения, права и обязанности мусульман. Законы жизни ниспосылались людям Аллахом. Он продолжал внушать Мухаммаду новые *аяты* Корана, где подробно разъяснялось, как надо строить жизнь общества, как людям вести себя по отношению к пророку, как делить имущество и военную добычу. Провозглашались запреты на ростовщичество, азартные игры, пьянящие напитки, на употребление в пищу свинины. Упоминались и излагались различные эпизоды из древней истории, подтверждавшие те или иные правила, уточнявшие и развивавшие прежние сюжеты из жизни пророков.

Возникло новое объединение людей, которое скрепляло не родство по крови, но вера в единого бога. Это была мусульманская община — *умма*. Мухаммад управлял ею по праву пророка, единственного человека, способного общаться с Аллахом и получать от него указания и приказы. Ему было подчинено все население Медины, в том числе язычники, постепенно переходившие в ислам, и иудеи.

Мусульмане совершали регулярные пять молитв в день, постились, произносили формулу символа веры: «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха». Они были обязаны отдавать часть доходов, полученных от торговли, сельского хозяйства и

войны, на нужды общины, поддерживать бедняков милостыней. Были отменены выплаты процентов по долгам, взятым до ислама, запрещено взимание процентов с долга вообще. Очередная из столь многочисленных в истории человечества попыток создать справедливое общество равных. Равенство скоро было нарушено, но поначалу оно привлекало многих.

Примера благополучно живущей общины, впрочем, было недостаточно для того, чтобы религия Аллаха, ислам, победила повсюду. Для убеждения язычников было нужно, чтобы Аллах силой доказал свое превосходство над другими богами, чтобы сбылось предсказанное наказание мекканцам. Поэтому с самого начала жизни в Медине Мухаммад стал готовиться к вооруженной борьбе с жителями родного города. Начались военные стычки и набеги, призванные помешать регулярному движению мекканских торговых караванов. Защищаясь, мекканцы готовили ответные действия. В 624 г. произошло сражение у колодцев Бадр. Небольшой отряд мусульман во главе с Мухаммадом столкнулся с мекканским ополчением, вышедшим защитить свой караван. Несмотря на численное превосходство мекканцев, мусульмане победили. «Не вы их убивали, но Аллах убивал их»⁵ — так был понят смысл этой победы как верующими, так и многими неверующими. Ислам начал свое триумфальное шествие.

Мекканцы поклялись отомстить, и на следующий год большое войско двинулось к Медине. На подходах к городу около горы Ухуд состоялось сражение, где мусульмане сначала побеждали, но потом были вынуждены отступить. Мухаммад был ранен в лицо. Военное поражение было связано и с внутренними сложностями в лагере мусульман. В Медине сформировалась внутренняя оппозиция пророку. Ее составили мединцы, принявшие ислам, но недовольные единовластием Мухаммада. Коран, неоднократно осуждающий их происки, называет этих врагов лицемерами (*аль-мунафикин*). «Лицемеры» были заинтересованы в победе мекканцев или, во всяком случае, не хотели абсолютной победы Мухаммада.

Враждебную позицию заняли и иудейские племена. Надежды Мухаммада на признание с их стороны не оправдались. Более того, мединские иудеи стали открыто издеваться над пророческими претензиями Мухаммада. Они поднимали на смех его ссылки на Ветхий завет, объявляли его невеждой. Ответом на это был постепенный разрыв. В Коране усилился антииудейский настрой, все сильнее

стало подчеркиваться, что последователи Мусы-Моисея исказили его учение. В рассказах о библейских персонажах выделяются особо эпизоды неповиновения иудеев пророкам, неисполнение ими божественных предписаний. Прародец Ибрахим-Авраам объявлялся не иудеем и не христианином. Все более осознавалось и выражалось отличие ислама от других видов единобожия, его самостоятельность как отдельной религии.

Другим ответом на вражду иудеев стали усиление арабского элемента в исламе. В самом начале пребывания в Медине мусульмане при молитве обращались лицом к Иерусалиму. Со второго года хиджры и навсегда *киблой* (т. е. направлением, которое надо соблюдать при молитве) стала мекканская аль-Ка'ба. Она превратилась в главное святилище ислама. Коран объявил Ибрахима строителем аль-Ка'бы. Паломничество к аль-Ка'бе стало обязанностью мусульманина. Соответственно одной из главных религиозных и политических задач стало освобождение Мекки от господства многобожников и очищение аль-Ка'бы от языческих идолов и ритуалов.

Прямые столкновения с иудеями привели к карательным мерам. В несколько этапов иудеи Медины были частично перебиты, частично изгнаны.

Мекканцы, поддерживаемые мединской оппозицией, продолжали военное давление на мусульман. В 627 г. они снова подошли к Медине. Атака, однако, захлебнулась. Враги натолкнулись на ров, который мусульмане по совету перса Сальмана вырыли на пути войска. Решительной победы не добился никто.

Вскоре, укрепив свое положение в Медине и обеспечив себе поддержку многих кочевых племен, Мухаммад счел возможным выступить прямо против Мекки. Весной 628 г. большое войско вышло из Медины и остановилось в месте, называемом Худайбийя, на подходах к Мекке. Было объявлено, что мусульмане хотят совершить паломничество-*хаджж*. Мекканцы испугались неожиданно окрепших и решительных мусульман и вступили с Мухаммадом в переговоры. Было заключено соглашение при Худайбии, согласно которому между мусульманами и курайшитами устанавливалось перемирие. Мухаммад обязался прекратить наступление и отказаться от боевых действий против Мекки. Он обещал также вернуть и впредь возвращать курайшитских перебежчиков. За это курайшиты обязались на следующий год на три дня покинуть Мекку и дать мусульманам возможность спокойно совершить хаджж. Вес-

ной 629 г. такое «малое паломничество» (не в сезон) мусульман к аль-Ка'бе состоялось.

Время перемирия было использовано для накопления сил, подчинения оазисов, лежавших к северу от Медины, для привлечения на сторону ислама новых кочевых племен. Когда пришла уверенность в победе, Мухаммад в конце 629 г. снова двинулся к Мекке. Мекканская знать, трезво оценив обстановку, поняла неизбежность поражения. Главный враг пророка Абу Суфьян прибыл к нему просить прощения и объявил о своей покорности. Легко и с готовностью в начале 630 г. подчинились и остальные мекканцы.

Мухаммад воспринял эти их действия благосклонно — прощал всех и даже назначал своих соплеменников на важные должности. Лишь несколько человек из особо ярых врагов ислама были казнены. Прежние враги сразу заняли видное место в верхушке мусульманского общества. Смирилась и приняла ислам аль-Ка'ба. Из нее были выброшены языческие идолы. Спустя некоторое время язычникам запретили совершать к ней паломничество. Через Коран были провозглашены новые, но восходящие к прежним правила хаджжа.

Столицей мусульманской общины продолжала оставаться Медина. Мухаммад в Мекку жить не вернулся. Из Медины он рассылал послов в разные концы Аравии и к соседним великим державам у аравийских границ, к сасанидскому шахиншаху, к византийскому императору. Конечно, ни Хосров II, ни Ираклий не ответили пророку, но аравийские правители понимали, что на полуострове громко заявила о себе новая динамичная сила. Большое впечатление произвел разгром мусульманами в 630 г. многочисленного ополчения кочевых племен, а затем — взятие Таифа. Из разных мест Аравии, прослышав о военных победах Мухаммада, в Медину приезжали делегации Вожди племен и мелкие правители выражали готовность заключить союз, часто — принять ислам. Постепенно весь Аравийский полуостров в большей или меньшей степени подчинился Медине.

Пророк, полностью уверовавший в грядущее торжество своей миссии, мечтал о расширении власти ислама и далее. В последний год жизни его особо занимала подготовка военного похода в Заиорданье, где мусульманские отряды уже потерпели однажды поражение от местных арабов-христиан, союзников Византии. Снаряженное для похода на север войско уже стояло наготове около Меди-

ны, когда пророк заболел и умер 8 июня 632 г. По преданию, сказалось действие яда, некогда поднесенного ему.

Войска уходили на север и на восток. Постепенно покорились окраинные царства Аравии, за ними — Сирия, Ирак, Египет, а потом — Северная Африка, Испания, Иран, Средняя Азия. Возникло огромное государство, многочисленная религиозная община. Жизнь ее в принципе строилась на идеях, провозглашенных Мухаммадом и сохранных в виде текста Корана и *хадисов* — преданий о его высказываниях и поступках.

КОРАН

Основу религии, оставленной Мухаммадом людям, воплотил в себе Коран — «Чтение» того, что сообщил своему посланнику на протяжении почти двадцати лет его деятельности Милостивый и Милосердный Господь — Аллах¹.

Мухаммад передавал людям божественные откровения каждый раз, как они к нему приходили. Иногда он вещал прямо, но чаще воспроизводил то, что услышал ранее. Неоднократно повторялось и произнесенное прежде. Тексты Корана запоминались легко. Их форма была для этого удобна — краткие ритмизованные и рифмованные прозаические отрывки. Они включали в себя звучные формулы, которые, часто повторяясь, объединяли и скрепляли текст. Такие характерные для устного творчества формульные сочетания удачно прижились в тексте Корана и превратились в специфические черты его стиля, считающегося у мусульман неповторимым и неподражаемым.

Коран помнили наизусть и цитировали по памяти сам Мухаммад и его соратники. Иногда в качестве вспомогательного средства делали записи на пальмовых черенках, бараньих лопатках, пергаменте.

Когда Мухаммад умер и постепенно стали уходить из жизни, погибая в битвах за веру, его сподвижники, стало ясно, что текст Корана надо сохранить в письменном виде. Лучшие знатоки текста записывали и диктовали то, что они знали, еще при первом *халифе* («заместителе» пророка) Абу Бакре (632—634). Довольно скоро обнаружилось, что существующие списки и устные версии расходятся во многих важных и мелких деталях. Третий халиф, Осман (644—656), приказал составить сводную авторитетную редакцию. После изучения и отбора вариантов был составлен текст, объявленный единственно верным. Все осталь-

ные варианты должны были быть уничтожены. Уничтожили их не сразу, но до нас дошли только обрывочные сведения о том, что в них содержалось. Все старейшие рукописи и фрагменты Корана отражают османовскую редакцию.

Эту же редакцию воспроизводит используемый сегодня в мусульманском мире текст священной книги. Существуют, однако, различные «чтения» османовской редакции. Это — разногласия по поводу отдельных огласовок текста, некоторых грамматических вариантов. Различия вызваны в основном тем, что в арабском письме обычно обозначаются только согласные звуки, долгие гласные и дифтонги. Краткие гласные воспроизводятся по памяти и исходя из правил грамматики. Чтобы избежать ошибок, в тексте Корана в отличие от других арабских текстов всегда воспроизводятся и все специальные значки, означающие краткие гласные и некоторые особенности произношения. Однако разные варианты чтения возникли прежде введения этих огласовок.

Есть группа общепризнанных вариантов чтения спорных мест. Все они допускаются, как не искажающие смысла Корана. В настоящее время почти во всем мусульманском мире общепринятым стало «чтение» по Хафсу от 'Асима. В Северной Африке популярно «чтение» Нафи'. Различия в «чтениях» невелики и смысла текста в большинстве случаев не меняют.

Само собой разумеется, что при устной передаче и редактировании изначальный текст Корана менялся, что-то выпадало, что-то добавлялось, варианты становились различными текстами и т. д. Впрочем, в окончательно кодифицированном виде текста Корана во времена Мухаммада и не было. Это было подвижное сочетание отдельных групп фраз и отрывков, которые только после смерти пророка были приведены в определенную систему. Тем не менее большинство ученых, анализировавших текст Корана, считают, что османовская редакция содержит довольно достоверный текст. Основная часть этой редакции — слова, действительно произнесенные Мухаммадом, и дошли они до нас почти полностью такими, как он их произносил.

В настоящем своем виде Коран состоит из 114 глав, которые называются *сурами*. Суры состоят из *аятов* — ритмически завершенных фраз, основных единиц коранического текста. Существуют различные варианты деления текстов Корана на аяты, поэтому их нумерация в пределах одной суры иногда расходится. Суры расположены в

Коране по не совсем последовательно выдержанному механическому принципу: самые длинные впереди, самые короткие — в конце. Открывает Коран краткая сура «аль-Фатиха» («Открывающая»), содержащая кратчайшие формулировки основных идей ислама. Ее текст составляет основу мусульманской молитвы:

Хвала Аллаху, который миров Господин,
Милостивый, Милосердный он один,
Дня страшного суда Властелин.
Тебе мы поклоняемся,
Помощь дается нам
Тобою одним.
Веди нас по пути тех, кто тобою водим.
По пути тех, на кого простерлась воля твоя,
На кого ты не гневаешься, кто не знает
заблужденья кручин ².

Второй идет самая длинная сура — «аль-Бакара» («Корова»).

Формальное распределение сур по их объему частично совпало с хронологическим принципом. В начале оказались тексты, «ниспосланные» в конце жизни Мухаммада, в Медине. Тогда проповедь была более спокойной, рассудительной и соответственно более длинной.

В начале же своей деятельности Мухаммад говорил резкими, обрывистыми фразами, очень коротко. Соответственно ранние суры оказались в конце книги. Среди них особо популярна одна, называемая «аль-Ихлас» («Очищение», 112). Как и «аль-Фатиха», она содержит краткие формулировки основ мусульманского понимания Бога:

Скажи: «Он — Аллах — един,
Аллах вечный,
не родил и не был рожден,
и не был Ему равным ни один!»

Кончается Коран сурой «ан-Нас» («Люди», 114):

Скажи: «Прибегаю к Господину людей,
царю людей,
Богу людей,
от зла наущателя скрывающегося,
который наущает груди людей,
от джиннов и людей!»

Каждая глава — сура — обычно посвящена многим темам. В них сочетаются прямые призывы веровать в Аллаха с угрозами наказания в Судный день, описания ада и рая — с упреками соотечественникам Мухаммада, истории о библейских пророках — с правилами жизни мусульманской общины, богословская полемика с иудеями и христианами — с утешениями отчаявшемуся Мухаммаду.

Принято считать, что внутри сур аяты соединены механически. Однако это — распространенное заблуждение. Внимательное сопоставление контекстов каждой суры и анализ близких по сюжету контекстов показывает, что внутри глав разные сюжеты на самом деле взаимоувязаны с помощью смысловых аллюзий, которые порой очень сложны или непонятны для современного человека. Внимательное отношение мусульман к хронологической последовательности аятов привело к тому, что в большинстве случаев в суры объединены аяты, произнесенные в один и тот же период. Исключения особо оговариваются в коранических комментариях.

Вероятнее всего, Мухаммад не собирал аяты в суры, но его сподвижники, объединяя различные стихи вместе, конечно же, руководствовались и собственной памятью, и своим ощущением внутренней связи отдельных мотивов и сюжетов. Она рождена сходством идей, которые выражались Кораном в различных формах. Сочетаемость идей, сюжетов, аллюзий при внимательном чтении в большинстве случаев можно увидеть. Именно взаимосвязь частей суры, в свою очередь, позволяет понять истинное значение каждого отдельного отрывка. Поэтсму в книге, анализируя отдельные сказания, я попытаюсь по возможности объяснить их смысл и из того контекста, в который они помещены в соответствующей суре.

Иногда говорят также, что названия сур абсолютно произвольны и тоже выбраны механически, по редкому слову, встречающемуся именно в этой суре. Это и так, и не совсем так. Как мы увидим далее, ключевые слова, которые вынесены в заголовок, как правило, связаны с самыми яркими фразами или сюжетами в этих сурах. Очень часто они указывают на повествовательный рассказ, который является в ней центральным. К примеру, название суры «Корова» («аль-Бакара») связано с историей Мусы-Моисея. Иудеи требовали у него точнейшего описания коровы, пригодной для жертвы богу. Это требование было выражением их непокорности и привередливости, их бунта против пророка. Мотив осуждения иудеев за стропти-

вость, их враждебность даже к своему собственному пророку был одним из важнейших в мединский период. Сура «аль-Анбийя» («Пророки») содержит самый стройный и художественно завершенный список древних пророков. Название суры «ан-Намль» («Муравьи») подчеркивает несамостоятельность ее главного сюжета — истории царицы Савской. Вся эта история, занимающая большую часть суры, — только элемент отсутствующего в кораническом тексте большого цикла о Сулаймане-Соломоне. Поэтому история о царице начинается с беседы царя с муравьями.

Для Корана характерна определенная и своеобразная стилистика. Это проповедь, где сюжеты и мотивы перебивают друг друга, сменяются прямая речь и повествование от третьего лица. Ритмизованность текста, рифмованность большинства аятов создают сложно и тщательно организованную ораторскую прозу, похожую, даже в своих самых строгих частях, на заклинания. Рифмованная проза такого типа называется у арабов *садж'*. Это была принятая форма, в которую облекали свои откровения языческие прорицатели-кахины.

Постоянное повторение фраз и, часто, сюжетов — принципиально важная черта Корана. Он состоит из множества «параллельных мест», которые перекликаются со сходными по сюжету или по выражениям другими местами Корана. Так создается несколько измерений коранического текста. Примеры такого сочетания мы увидим не один раз при сведении воедино повествовательных сюжетов из разных сур.

В Коране немало и противоречащих друг другу аятов. Противоречия эти, впрочем, часто диалектичны и дополняют друг друга, описывая сложный образ мира и бога. Некоторые же из противоречий, касающиеся вопросов права и ритуала, вполне конкретны. Согласно указаниям, содержащимся в самом Коране, в таком случае считается, что аят, ниспосланный позже, отменяет предыдущий. В мусульманском богословии возникла специальная дисциплина — наука об отменяющем и отмененном, исследующая взаимоотношения противоречивых аятов.

Для такого анализа необходимо было знать, какие аяты появились раньше, а какие — позже. Благочестивая потребность стимулировала изучение хронологии Корана. Существует соответственно целая группа трактатов жанра «причины ниспослания», изучающая обстоятельства и время появления разных частей Корана. Все суры делятся

на мекканские и мединские. Известны случаи включения в суру одного периода аятов из другого. Существует схема (правда, не всегда принимаемая безоговорочно), определяющая последовательность ниспослания всех сур.

Мусульманская датировка, конечно, небезупречна, часто опирается на общее мусульманское представление о логике развития пророков и ислама, а не на реальные сведения о действительных обстоятельствах произнесения того или иного аята. Европейские исследователи попытались дать свою собственную хронологию сур и аятов. Тщательнее всего этот вопрос был разработан в «Истории Корана» Т. Нёльдеке и Ф. Швалли³. Однако и европейская хронология в тех случаях, когда точных данных нет (а таких случаев большинство), тоже опирается на логику развития религиозной системы (на этот раз — в своем, христианском понимании).

Поэтому все существующие хронологии могут быть оппорены. При каждом конкретном исследовании коранического текста приходится специально изучать вопрос о хронологических связях рассматриваемых аятов. Часто они могут оказаться не соответствующими общей хронологической связи сур, в которых эти аяты находятся. Поэтому не всегда следует поддаваться соблазну хронологически распределить различные варианты одного и того же сказания, пользуясь общей хронологической схемой⁴.

При осторожном же отношении к деталям эту общую схему можно и нужно обязательно иметь в виду. В ней отражаются и история сложения Корана, и особенности его содержания. Первый большой период «ниспослания» — мекканский. В нем обычно выделяют три малых периода. Самый ранний представлен краткими сурами, особенно похожими на заклинания. В них — сжатое изложение догматов единобожия, красочные и впечатляющие своей малопонятностью картины Судного дня, адских мучений грешников, поношения противников ислама. Язык этих сур лаконичен, фразы короткие, рифмы резкие. Во многих случаях слова подобраны скорее по своей звуковой выразительности, чем по смыслу, а иногда явно подсказаны рифмой и ритмом и, возможно, вообще родились в уме или сердце Мухаммада. Именно эти суры напоминали мекканцам таинственные прорицания кахинов, заклинания колдунов. С художественной стороны это самые яркие части Корана.

Второй период обычно называют «рахманским». В это время особенно часто используется для обозначения Ал-

лаха термин Рахман (Милостивый). Суровость «господина Судного дня», каковым Аллах предстает в начальный период проповеди, несколько смягчается. Те же самые утверждения, заклинания, проклятия, предостережения становятся более пространными, содержательными и потому более мягкими. Фразы удлиняются, слова не столь резки по звучанию. Мысли выражаются подробнее. Появляются первые повествовательные тексты — сказания.

Затем начинается «пророческий период». На него приходится большая часть повествовательных текстов. Доказывая историческую закономерность своей деятельности, Мухаммад рассказывает и пересказывает истории древних пророков. Изложение становится более связным, с большими кусками текста, составляющими композиционно единое целое. Появляется большая последовательность идей и событий. Ритм более ровный. Язык притягивает спокойной красотой, хотя и сохраняет экзатичность. Это самые изящные суры Корана, а изящнейшая из них, по общему мнению мусульман, сура «Йусуф» (12).

В Медине меняется весь образ жизни общины мусульман. Изменились и содержание Корана, и его стиль. Проповедь стала более длинной и монотонной. Большое место в ней заняли правила и законы, полные земных бытовых деталей. Однако прозаичность сур мединского периода иногда излишне преувеличивается. В них явно ощущается их экзатическое происхождение. Мухаммад был искренен до конца. Законы, правила, сообщения об исключении из правил для самого Мухаммада — все это приходило к нему как бы «извне», в состоянии экстаза, творчество продолжало быть неосознанным. Мединские аяты сложнее и длиннее мекканских, но и в них всегда есть внешний и внутренний напряженные ритмы. Есть в них и поэтические гимны большой красоты (например, *аят аль-курси* — «аят трона», 2:255/256), есть и интересные повествования, которые одновременно привлекательны художественно и заострены идейно.

В этой книге нас интересуют повествовательные отрывки, излагающие исторические сказания, сказания о древних праведниках, мудрецах и героях.

Повествовательные отрывки, сказания, рассказы занимают большое место в коранических текстах всех хронологических периодов. Даже в самых ранних сурах есть упоминания неких древних героев, народов, намеки на какие-то легенды. Поэтому к кораническим сказаниям я отношу: отдельные упоминания имен, пророков и народов.

за которыми стоят какие-то известные сюжеты; отдельные фразы, намекающие на известные события; одиночные эпизоды из известных повествований; краткие указания или изложение сути сказаний, наконец, более или менее подробное изложение одного или нескольких эпизодов из легендарных циклов о героях и народах.

Ни один из этих элементов коранических сказаний не существует в текстах сам по себе. Цели их приведения вполне конкретны — подтвердить коранические изречения историческими авторитетами, подтвердить древней историей закономерность ислама, истинность единобожия; историей обосновать коранические предсказания о грядущей каре неверным; примерами из прошлого подбодрить или устыдить своего пророка; лишний раз, как бы чужими устами, повторить основные формулы коранической проповеди.

Одновременно с помощью коранических сказаний создается и иллюстрируется особая концепция древней истории как цепи сменяющих друг друга катастроф, порожденных неверием и греховностью людей. Преимущество истории человечества сохраняется благодаря немногим праведникам, спасаемым Богом во время катастроф.

Общие и конкретные задачи использования исторических сказаний в контексте Корана определили форму их изложения. В нашем распоряжении всегда — упоминания и напоминания, призванные что-то подтвердить или проиллюстрировать. За ними стоят и подразумеваются собственно сказания, целые циклы, которые слушатели должны были знать для того, чтобы понять, о чем идет речь. Мы же их, как правило, не знаем. кое-что удалось и удается реконструировать.

О коранических сказаниях, как и о Коране вообще, востоковеды писали много⁵. В глаза им всегда бросалось, как и всякому европейскому читателю, обилие хорошо знакомых библейских, ветхозаветных и новозаветных персонажей. Им и уделялось обычно основное внимание. Персонажи аравийской истории, герои народных сказаний исследовались со значительно меньшим усердием и интересом. Основным приемом даже самых почтенных ученых до последнего времени был поиск прямых истоков тех или иных библейских легенд Корана. В самом грубом виде это было выражено в заголовке знаменитой книги А. Гейгера «Что взял Мухаммад из иудаизма» (1902). Более сдержанно это же сказано в заголовке известной книги В. Рудольфа «Зависимость Корана от

иудаизма и христианства» (1922). Такая постановка вопроса искажает историческую картину. Коран родился в том же мире, что и Ветхий и Новый заветы, он тесно связан с иудаизмом и христианством, с их идеями и их литературой несомненными родовыми связями, генетическими узами. Ислам был очередным вариантом и развитием традиционных форм религиозной жизни Ближнего Востока, а не провинциальным искажением украденных и плохо понятых идей и текстов, как это часто получается, даже против воли авторов, при таком упрощенном подходе.

Между тем тщательные исследования, в частности обзорная по эрудированности и тонкости анализа книга Х. Шпейера «Библейские истории в Коране», показывают, что прямых источников заимствования для коранических рассказов практически обнаружить не удастся. Есть явные, прошедшие долгий путь отзвуки библейских канонических и апокрифических текстов, есть параллели к различным послебиблейским иудейским и христианским преданиям. Все это — часть единого культурного мира. Изучать его интересно и плодотворно как целое, частью которого является Коран. При этом именно благодаря Корану мы можем понять многие важные черты этого целого.

В этой книге я, опираясь на уже сделанную до меня большую работу по сравнению преданий разных религий, уделяю основное внимание месту сказаний собственно в Коране, их композиционным и идейным особенностям, характеру подачи материала. Я полагаю, что своеобразное использование Кораном историко-религиозных сказаний является важной особенностью коранической проповеди, использовавшей для достижения большей убедительности прием «обрамленной проповеди» (древний пророк повторяет речи Аллаха и Мухаммада) и прием «двойников» (пророки древности помещаются в ситуации, аналогичные мекканским).

Я стремился по возможности реконструировать то, что знали о тех или иных персонажах современники Мухаммада, выяснить, какие мотивы были для них новыми, какие темы они более всего любили в своих вечерних беседах.

В некоторых случаях удается понять характер отбора и переработки общераспространенных сказаний, а также определить, как отразилась в них личность Мухаммада. Сказания Корана — один из важнейших и относительно

мало еще использованных источников по истории жизни и внутренних переживаний аравийского пророка. Об этом писали и Х. Шпейер и Р. Парет⁶, однако многое оставалось и остается по сей день невыявленным. Я попытался выделить некоторые новые аспекты того, как отразились в коранических сказаниях личность и судьба Мухаммада.

Я уделил особое внимание незаслуженно обойденным исследователями сказаниям и преданиям из аравийской истории. Они значительно богаче и интереснее, чем это кажется на первый взгляд. Это уникальный материал по конкретной истории, причем истории своей, аравийской. Характер ее отражения в Коране высвечивает многие важные стороны той обстановки, в которой рождался ислам. Оказавшись рядом с рассказами о библейских пророках, аравийское прошлое становилось частью мировой истории.

При работе я старался как можно меньше опираться на комментарии к Корану (разумеется, тщательно их изучая). Известно, и это будет не раз продемонстрировано ниже, что комментаторы уже плохо знали реальную жизнь, в которой рождался Коран. Пытаясь разъяснить и расширить повествовательный элемент Корана, они обращались к тем же источникам, что и востоковеды, — к иудейским и в меньшей степени к христианским преданиям. Объединенные с комментариями, коранические сказания оказываются значительно более зависимыми от определенных иудейских и христианских источников, чем это было на самом деле. По той же причине я отказался от пересказа более поздних мусульманских легенд, развивающих темы Корана. Они сделали бы книгу более занимательной, но заслонили бы собой истинную картину культурной среды, в которой рождался ислам.

Реконструкция этой среды остается лишь в небольшой степени решенной задачей нашей науки. Еще совершенно не изучено, какую роль в этой среде играли учения гностиков и иудео-христиан. Я думаю, что именно они составляли тот духовный фон, из которого ислам и вырос. Во всяком случае, кораническая схема мировой истории сродни гностической.

Изложенные выше подходы и акценты исследования определили порядок рассмотрения каждой группы сказаний. Сначала анализируется место каждого рассказа в кораническом контексте, наличие внутри его различных версий, особенности датировки. Потом выделяется все,

что связано с личностью Мухаммада, выявляются нарочитые исторические параллели к его жизни. После этого я определяю, в рамках возможного, знали ли соотечественники Мухаммада эти легенды, а если знали, то в каком виде. Важным моментом является анализ исторических реминисценций в доисламской арабской поэзии. Затем описываются возможные посредники в передаче сказаний в общеаравийский «фонд» — рассказы гностиков, иудео-христиан, христианские и аггадические предания. Только в самом конце обсуждается обычно ставящийся первым вопрос: какие тексты Ветхого и Нового заветов были изначальными источниками тех или иных образов и насколько их трактовка в Коране отлична от библейской или идентична ей.

В коранических сказаниях, библейских и аравийских, обнаруживаются некоторые следы древнейших мифологических символов потусторонней жизни и воскрешения⁷. Символика эта запрятана довольно глубоко и выявляется при очень настойчивом анализе. Поэтому сомнительно, чтобы она была действительна и понятна для современников Мухаммада. В их способности к узнаванию слушатели Мухаммада едва ли доходили и до библейского слоя. Тем не менее интересно, что мифологическая символика (колья палатки Фараона, корабль и стена в рассказе о Мусе и «рабе божьем» и т. д.) связана именно с проблемами жизни после смерти (жизни «потусторонней, предсудной»). Ведь проблема возможности жизни после смерти и воскрешения мертвых была одной из самых трудных в коранической проповеди. Именно этому не хотели верить аравийцы. Именно это Коран усиленно и настойчиво доказывал. Даже история творения в Коране во многом выглядит как доказательство возможности «второго творения», т. е. воскрешения.

ТВОРЕНИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

История начинается с творения. О том, что Аллах создал мир и как он это делал, в Коране говорится часто, но не в виде специального рассказа, а среди других доказательств могущества Бога. Не менее, а может быть, и более важным, чем творение (*халк*), представляется там власть Аллаха (*амр, малакут*) над существующим миром. Эта власть продолжает начатое при творении, она постоянно поддерживает движение светил, течение вод, рождение плодов, животных и людей. Именно это описывается чаще и подробнее.

Творил Аллах легко, с помощью слова-приказа, покаясь на своем троне, стоявшем на водной поверхности. Несколько раз повторяется фраза, кратко выражающая как бы суть творения: «Он сотворил небеса, и землю, и то, что между ними, в шесть дней; потом утвердился на троне» (25:59/60; см. также 7:54/52; 10:3; 11:7/9; 32:4/3; 50:38/37; 57:4).

Два дня ушло на творение неба и земли, которые были сначала единым целым. Небо было создано из дыма, и составлено оно из семи небес. На верхнем был помещен трон Аллаха, а на ближнем — солнце, луна, звезды, «башни» (знаки зодиака), светильники, направляющие путь жизни человека и управляемые Аллахом. Четыре дня творилось то, что находится на земле, от «прочной стоящих» гор до созданного из воды всего живого («всякая живая вещь»). Земля, растения, ветры, воды, реки, по паре каждого животного — все это было создано для того, чтобы человек благоденствовал. Человек же в своей гордыне не оценил щедрость Аллаха. Таков смысл коранического рассказа о сотворении мира. Собственно, это не рассказ, а одно из «исторических» доказательств виновности людей перед Богом.

Структуру этого сотворенного мира, как она описана в Коране, передал Пушкин в «Подражаниях Корану» и в примечании: «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!»¹:

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

Вот несколько образцов соответствующих коранических текстов:

«Поистине, Господь ваш — Аллах, который создал небеса и землю в шесть дней, а потом утвердился на троне. Он закрывает ночью день, который непрерывно за ней движется... И солнце, и луну, и звезды, подчиненные Его власти. О да! Ему принадлежит и создание, и власть. Благословен Аллах, Господь миров!» (7:54/52).

«Аллах — тот, кто воздвиг небеса без опор, которые бы вы видели, потом утвердился на троне и подчинил солнце и луну: все течет до определенного предела. Он управляет (Своим) делом, устанавливает ясно знамения,— может быть, вы уверитесь во встрече с вашим Господом!

Он — тот, кто распростер землю и устроил на ней прочно стоящие (горы) и реки и из всяких плодов устроил там пары по двое. Он закрывает ночью день. Поистине, в этом — знамения для людей, которые думают!» (13:2—3).

«Скажи: „Разве вы не веруете в того, кто сотворил землю в два дня, и делаете Ему равных? Это — Господин миров.

И устроил Он на ней прочно стоящие сверху ее; и благословил ее и распределил на ней ее пропитание в четыре дня — равно для всех просящих.

Потом утвердился Он к небесам — а они были дымом — и сказал им и земле: „Приходите добровольно или невольно!“ И они сказали: „Мы приходим добровольно“.

И установил Он из них семь небес в два дня и внушил каждому небу его дело; разукрасили Мы ближайшее небо светильниками и для охраны. Таково установление великого, мудрого“» (41:9/8—12/11).

История творения является одним из важных элементов в восхвалении могущества Аллаха в напоминающей псалмы суре-гимне «ар-Рахман» (55:1—25):

Милосердный.—

Он научил Корану,

сотворил человека,

научил его изъясняться.

Солнце и луна — по сроку,

трава и деревья поклоняются.

И небо Он воздвиг и установил весы,

чтобы вы не нарушали весов.

И устанавливайте вес справедливо и не уменьшайте
весов!

И землю Он положил для тварей.

На ней — плоды, и пальмы с чашечками,

и злаки с травой, и благоуханные травы.

Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете
ложным?

Он сотворил человека из звучащей глины, как гончарная,
ная,

и сотворил джиннов из чистого огня.

Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете
ложным?

Господь обоих востоков

И Господь обоих западов.

Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете
ложным?

Он разъединил моря, которые готовы встретиться.

Между ними преграда, через которую они не устремятся.

Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете
ложным?

Выходит из них обоих жемчуг и коралл.

Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

У Него бегущие, высоко поднятые на море, как горы.
Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

Кораническая космогония, как видим, вливается в одну из главных тем коранической проповеди. Рассказы о творении должны убедить в великой силе Аллаха, в его праве управлять людьми, для которых он создал всю среду их обитания и все, что они имеют. Вместе с тем упоминания о творении служат и как бы подтверждением возможности грядущего суда, когда все люди воскреснут и предстанут перед Аллахом, своим творцом и судьей. Последнее особо характерно для мекканских сур.

Утверждение, что мертвые могут воскреснуть для суда, вызывало у соотечественников Мухаммада резкое неприятие. Оно противоречило традиционной психологии, укоренившимся представлениям о смерти. Описания сотворения мира в Коране полемически направлены против этих возражений. Аллах сотворил мир, он в силах осуществить и новое творение — воскресить всех людей и судить их. Говоря о гибели древних народов, Коран снова упоминает о творении. Творец имеет и силу и право уничтожить то, что он создал.

Коран особо подчеркивает, что мир творился легко: «И сотворили Мы небеса, и землю, и то, что между ними, в шесть дней, и не коснулась Нас усталость» (50:38/37). Мотив легкости творения связан со всем ходом развития коранической проповеди. Обычно его считают нарочито антииудейским, противостоящим библейскому образу Бога, который устал от творения и отдыхал в субботу². С этим связано и отрицание иудейского принципа обязательности нерабочего дня. Мусульманская пятница — день совместных молитв. Труд в пятницу не запрещен.

Особо выделяется в Коране трон Бога. Этот символ величия и покоя Аллаха приобретает в истории творения какое-то специальное значение, как бы связывает процесс создания мира с последующим божеским управлением им. Одно из самых любимых мусульманами описаний могущества Аллаха — «аят трона» (*аят аль-курси*):

«Аллах — нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что на небесах и на земле. Кто заступится перед Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до

пих, и то, что будет после них, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их, — поистине, Он — высокий, великий» (2:255/256).

Этот гимн родился в Медине. В Медине акценты сюжета творения меняются. Ослабевают полемическая заостренность. Он становится одним из примерно равнозначных и стандартных напоминаний о могуществе Аллаха. Ссылками на то, что так сотворил Аллах, Коран обосновывает в Медине различные мусульманские принципы и даже нововведения. К примеру, ислам отменил древний арабийский обычай время от времени вставлять в лунный календарь после месяца паломничества зу-ль-хиджжа дополнительный месяц, чтобы уравнять счет по лунному и солнечному календарям. Такое «исправление» нарушало последовательность трех священных месяцев: зу-ль-ка'да, зу-ль-хиджжа, мухаррам³. Отмена «вставки» выражена так: «Вставка — только увеличение неверия; заблуждаются в этом те, которые не веруют; они разрешают это в один год и запрещают в другой, чтобы согласовать с тем счетом, который запретил Аллах. И они разрешают то, что запретил Аллах» (9:37). А прямо перед этим стоит обоснование мусульманского принципа: «Поистине, число месяцев у Аллаха — двенадцать месяцев в писании Аллаха в тот день, как Он сотворил небеса и землю. Из них — четыре запретных, это — стойкая религия» (9:36).

Идея творения не была чужда мекканцам. Более того, в доисламских верованиях Хиджаза Аллах был известен как бог неба и бог-творец. Это следует, в частности, из коранических ссылок на мекканские представления об Аллахе⁴. Подробность упоминаний о творении в Коране указывает, однако, на то, что Мухаммад оперировал образами известными, но не общепринятыми. Известность и несомненность акта первоначального творения позволяла использовать его для доказательства и внедрения в умы действительно новой идеи о воскрешении и суде. Впрочем, эта последняя идея мекканцам была знакома, но не как своя, а как чужая и чуждая (у христиан).

Коран основывался, конечно же, на христианских и иудейских представлениях о сотворении мира. Это хорошо осознавали ранние мусульманские комментаторы, используя тексты этих религий для комментирования своего Священного писания. Известные в Мекке свои и чужие представления о том, как творился мир, восходят к после-

библейским преданиям (хотя их изначальные истоки — в древневосточной мифологии). Через христианских и языческих гностиков пришло представление о творении земли и неба из единой «праматери», о происхождении всего живого из воды⁵.

Библейский рассказ лежит в основе коранических представлений. Однако он претерпел значительные изменения как в послепиблейских сказаниях, так и в Коране. К примеру, подчеркнутое выделение гор среди того, что создал Аллах, имеет четкие библейские параллели (например, в псалмах). Однако только в Коране оно несет и значительную стилистическую нагрузку, ритмизуя повествование. Трон Бога приобретает новую роль именно в истории творения, увязывая его с общей идеей правления Бога над миром.

Сохранилось в Коране и представление о трудящемся Боге: «И Мы не создали небеса, и землю, и то, что между ними, забавляясь» (44:38); «И небо Мы воздвигли руками» (51:47). Этот исконный образ заслонен, как мы видели, стадиально более поздней и принципиальной для ислама идеей о легком творении.

Так древнейшее, древнее и современное сливались, создавая вторичную по своему характеру мусульманскую мифологию. Ниже мы неоднократно будем наблюдать этот процесс синтеза, рождения нового из элементов своего и заимствованного старого.

Сотворенный Аллахом мир был населен ангелами и джиннами. Ангелы — высшие существа, помощники Аллаха. Из них состоит стража ада и рая, они выполняют приказания Аллаха. Образ ангелов пришел к арабам из чужих религий, прежде всего из христианства. О них знали, в их существование верили и до ислама. Однако исконно арабским был образ джиннов — духов, могущих быть и враждебными и дружественными людям. Джинны плотно населили собою мир арабов. Они вдохновляли поэтов и прорицателей. С приходом ислама часть джиннов уверовала в Аллаха, а другие остались служить дьяволу. Злые джинны назывались еще и шайтанами (сатанами), они стали главной опорой Шайтана с большой буквы, дьявола — Иблиса⁶.

Ангелы жили главным образом на небесах, а на земле жили джинны. Однажды Аллах захотел создать себе «заместителя» на земле — человека.

Первый человек, от которого произошли потом все люди, был сотворен Аллахом из праха, «из звучащей

глины» (15:26). Бог придал ему форму, «сотворил его лучшим сложением» (95:4), вдохнул в него душу и решил сделать его своим заместителем на земле. Звали этого человека Адам; из его же плоти была сотворена супруга, имени которой Коран не называет.

Ангелам, парившим вокруг трона Аллаха, идея нового творения не понравилась. Как бы предвидя то, какими будут люди, они упрекали Аллаха: «Разве Ты установишь на ней (на земле) того, кто будет производить там нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святым Тебя?» (2:30/28). Чтобы доказать ангелам превосходство Адама, Аллах научил первочеловека именам всех созданных вещей, а потом предложил ангелам назвать их. Они этого не смогли. Адам же перечислил имена всех вещей. Тогда ангелы убедились в его превосходстве и послушно пали ниц перед человеком, когда Аллах приказал поклониться ему.

Один ангел, по имени Иблис, не стал кланяться. Он вскричал, что, сотворенный из огня, он не станет поклоняться тому, кто создан из глины. За это он был изгнан Аллахом с небес, но попросил отсрочки дальнейшего наказания до дня Суда и эту отсрочку получил. Тут же Иблис объявил, что использует ее для того, чтобы вредить людям, сбивать их с истинного пути, угодного Аллаху⁷.

Первой жертвой оказался Адам. Вместе с женой он был поселен в рай, где они питались любыми из плодов райского сада. Аллах только запретил им подходить к одному из райских деревьев, предупредив, чтобы они опасались козней Иблиса, которого Коран называет также Шайтаном — Сатаной. Иблис же напештал людям, что дерево запрещено им потому, что, вкусив его плодов, Адам и его жена станут подобны ангелам и будут жить вечно. Аллах же якобы именно этого и не хочет. Люди нарушили запрет Аллаха, но вечными не стали, а лишь осознали свою наготу, устыдились ее и стали шить себе одежды из листьев райских деревьев.

Аллах был разгневан. Адам предпочел послушаться советов Иблиса, не веря в покровительство Бога. За это он и жена его были изгнаны из рая на землю, а их потомство стало объектом борьбы между Аллахом и Иблисом.

Аллах предрек, что часть людей, хотя и ничтожная по числу, поддастся на козни дьявола и будет низвергнута еще ниже — в преисподнюю, в огненный ад.

Адам горевал о содеянном, раскаялся и молил Аллаха не оставлять его покровительством. Аллах внял его мольбам и сохранил в силе заключенный прежде договор между ним и Адамом, обещая руководить им и его потомками. Поэтому, несмотря на свой грех, Адам считается не просто первым человеком, но и первым праведником и пророком.

В Коране содержится несколько последовательных изложений истории Адама и многократные упоминания о том, что он был создан из праха и из глины⁸. Один из контекстов, в который помещены эти рассказы, стандартен и нам уже известен. Это подтверждение могущества Аллаха и его способности воскресить людей, раз он их создал. Например, в суре «аль-Хаджж» (22:5): «О люди! Если вы в сомнении о воскрешении, то ведь Мы создали вас из праха...»

Рассказывая об Адаме, Аллах упрекает людей за отсутствие благодарности к тому, кто их создал и сделал господами земли. Мотив Иблиса, непрестанно вредящего людям, тоже увязывает начало мира с современностью. Коран предупреждает живущих, чтобы они не повторяли ошибок своих предков. Отсюда рождается еще один мотив, тесно увязанный с конкретными условиями проповеди Мухаммада. Сородичи отвергали пророка, говоря, что предпочитают следовать традициям своих отцов, ничего в них не меняя. Об этих аргументах Коран напоминает многократно, в том числе и в связи с историей Адама (7:28/27). Он как бы говорит, что и отцы бывали обмануты Шайтаном, что и они могли совершать неуютное Богу, «мерзости».

Люди называются в Коране сынами, потомками Адама. В этом качестве Коран и напоминает им об истории их праотца. Он показывает могущество Аллаха и наставляет на примере Адама тех, кто последовал за ним и наследовал ему. Вот как изложена история Адама в суре «Преграды» («аль-А'раф», 7:10/9—27/26):

«Мы утвердили вас на земле и устроили вам там средства жизни — мало вы благодарны!

Мы создали вас, потом придали вам форму, потом сказали ангелам: „Поклонитесь Адаму!“ — и поклонились они, кроме Иблиса; он не был из поклонившихся.

Он сказал: „Что удержало тебя от того, чтобы поклониться, раз Я приказал тебе?“ Он сказал: „Я — лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины“.

Сказал Он: „Низвергнись отсюда; не годится тебе

превозносятся там! Выходи же: ты — среди оказавшихся ничтожными!»

Он сказал: „Дай мне отсрочку до дня, когда они будут воскрешены“.

Он сказал: „Ты — среди получивших отсрочку“.

Он сказал: „За то, что Ты сбил меня, я засяду против них на Твоем прямом пути.“

Потом я приду к ним и спереди, и сзади, и справа, и слева, и Ты не найдешь большинства их благодарными“.

Сказал Он: „Выходи оттуда опозоренным, униженным! Тех, кто последовал из них за тобой... Я наполню геенну вами всеми!

А ты, Адам, поселись ты и жена твоя в раю; питайтесь чем хотите, но не приближайтесь к этому дереву, а то вы окажетесь несправедливыми!“

И нашептал им сатана, чтобы открыть то, что было скрыто от них из их мерзости, и сказал: „Запретил вам ваш Господь это дерево только потому, чтобы вы не оказались ангелами или не стали вечными“.

И заклил он их: „Поистине, я для вас — добрый советник“.

Так низвел он их обольщением. А когда они вкусили дерева, явилась перед ними их мерзость, и стали они шить для себя райские листья. И воззвал к ним их Господь: „Разве Я не запрещал вам это дерево и не говорил вам, что сатана для вас — ясный враг?“

Они сказали: „Господь наш! Мы обидели самих себя, и, если Ты не простишь нам и не помилуешь нас, мы окажемся потерпевшими убыток“.

Он сказал: „Низвергнитесь! Одни из вас вдали для других. Для вас на земле местопребывание и пользование на время“.

Он сказал: „На ней вы будете жить, и на ней будете умирать, и из нее будете изведены“.

О сыны Адама! Мы ниспослали вам одеяние, которое прикрыло бы вашу мерзость, и перья. А одеяние богобоязненности — лучше. Это — из знамений Аллаха, — может быть, вы вспомните!

О сыны Адама! Пусть сатана не искусит вас, как он извел ваших родителей из рая, совлекши с них одежду, чтобы показать им их мерзость. Ведь он видит вас — он и его сонм — оттуда, откуда вы их не видите. Поистине, Мы сделали шайтанов покровителями тех, которые не веруют!»

Далее следует ряд заповедей, советов и предостережений, вводимых обращением — «О сыны Адама!»⁹.

Послекоранические предания обильно разукрасили коранический рассказ, добавив к нему имя супруги Адама (Хавва), историю о том, как Иблис пробрался в рай, укрывшись в охранявшем его змее, и т. д. Особое значение для нас имеет комплекс мотивов, связывающих Адама с Аравией. Эти мотивы в отличие от многих других, любимых мусульманскими легендами, не имеют корней в христианских и иудейских преданиях, они созвучны общей тенденции Корана к арабизации библейской истории. Можно предположить, что они восходят к достаточно ранним аравийским легендам о судьбе первочеловека, хотя прямых доказательств этому у нас нет. Нельзя, конечно, исключить и то, что они появились в подражание аравийским мотивам коранического сказания об Ибрахиме-Аврааме.

Когда Адама и Хавву низвергли с небес, он оказался на Цейлоне, а она — в Джидде, в Хиджазе. Сто лет оба бродили в поисках друг друга и встретились около Мекки, в местах, где сейчас совершаются обряды мусульманского паломничества — около горы аль-Муздалифа, в долине Арафат. В Мекке Адам поселился и там построил по приказу Аллаха первое здание аль-Ка'бы. С неба ему был послан прозрачный камень, на котором Адам сидел. Потом камень этот потемнел из-за грехов людей и стал Черным камнем, главной мекканской святыней¹⁰.

Легенды об Адаме были известны жителям Аравии и до Корана. В арабском языке уже существовало слово *шайтан*, которым в Коране именно в этом рассказе обозначается дьявол — Иблис. Арабские поэты христианского круга, например 'Ади ибн Зайд, сочиняли стихи об истории Адама и его жены¹¹.

В одной из самых ранних сур, «Смоковница» («ат-Тин», 95), Аллах клянется деревом, представленным как некое сочетание маслины и смоковницы и растущим в горах Синая. Сразу же за клятвой следует упоминание о том, что человек потерял свое высокое положение и был низвергнут:

Клянусь смоковницей и маслиной,
и горою Синаем,
и этим городом безопасным!
Мы сотворили человека лучшим сложением,
а потом вернули¹² в низжайшее из пизких... (1—5).

В этих стихах содержатся слитые воедино аллюзии на первого человека и его наказание и райское дерево. Они увязаны с арабийскими реалиями — Синай, «город безопасный» (Мекка). Это косвенное свидетельство знакомства доисламской Мекки с сюжетом об Адаме.

В ранних сурах появляется и иносказательное упоминание дьявола.

В суре «Люди» («ан-Нас», 114) Коран заклинает против «зла наущателя, скрывающегося, который наущает груди людей». Употребление глагола *waswasa* показывает, что текст имеет в виду Шайтана, — именно так обозначаются в рассказе об Адаме его действия. В более поздних мекканских сурах образ Шайтана укрупняется, особо подчеркивается его гордыня и взятая на себя роль совратителя человечества, его обещание повсюду вредить людям.

История о сотворении человека из праха вкладывается в Мекке и в уста древних пророков, например Салиха.

Наряду с постоянным упоминанием о создании человека из праха в мекканских сурах часто встречается и указание на сотворение «из сгустка», из воды. С упоминания этого началось, по преданию, и ниспослание Корана: «Читай, во имя Господа твоего, который сотворил человека из сгустка» (96:1—2). Подробнее сказано в суре «Паломничество» («аль-Хаджж», 22:5): «О люди! Если вы в сомнении о воскрешении, то ведь Мы создали вас из праха, потом из капли, потом из сгустка крови, потом из куска мяса, сформованного или бесформенного, чтобы разъяснить вам это». Здесь процесс первого творения (из праха) совмещается с процессом зачатия (вода, сгусток) и рождения каждого человека. Этот постоянно и многократно повторяющийся акт тоже объявляется результатом воли и приказа Аллаха¹³. Как и в рассказе о творении мира, этим подчеркивается, что Аллах творит постоянно. Он не просто первопричина, но постоянно наблюдающий и управляющий человеком его Господин.

В мединских сурах образ Адама более, чем прежде, становится как бы моделью истории отдельных народов и человечества: творение, дарование благ, отступничество, наказание, прощение. Особо подчеркивается мудрость Аллаха, знание им имен всех вещей. Как бы замыкая историю Адама в Коране, снова появляется образ небесного дерева. Это знаменитый, созвучный христианским гимнам аят в суре «Свет» («ан-Нур», 24:35)¹⁴:

«Аллах — свет небес и земли. Его свет — точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло — точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и производит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи».

Некоторые детали коранического рассказа об Адаме указывают на то, что известные в Аравии сюжеты были связаны с христианскими трактовками истории творения первого человека. В суре «Семейство 'Имрана» («Аль 'Имран», 3:59/52) Адам сопоставляется с 'Исой-Иисусом: «Поистине, 'Иса перед Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: „Будь“ — и он стал». Это один из наглядных примеров многомерного использования Кораном сказаний о прошлом. Сопоставление этих двух имен отражает популярную у христиан идею о параллелизме Иисуса и Адама. Вместе с тем оно используется для любимой Кораном полемики с христианами. Иисус, как и Адам, — сотворенный человек, а не бог.

Именно христианину был важен столь сильно выделяемый Кораном мотив совращения Адама дьяволом, первородного греха и непрерывных козней Сатаны против человека. Оба имени дьявола в Коране — христианского происхождения. Предполагают, и весьма основательно, что имя Иблис — это искажение греческого *диаболос*. Начальное *ди-* было принято за характерную арамейскую генетивную частицу. Оставшееся *аболос* превратилось в арабской речи в Иблис. Имя *шайтан* — сатана. Так называли, о чем уже говорилось, и до Корана некоторых злых духов. Коран называет так и их, и их главу — Шайтана-Иблиса.

Христианские источники образов, зафиксированных Кораном, могли быть сколь угодно разнообразными. На Ближнем Востоке бытовали сборники и циклы различных преданий об Адаме и Еве, среди них и сирийское сочинение «Пещера сокровищ», где, в частности, немало параллелей кораническому Адаму¹⁵. Но и они — лишь капля в море устных преданий, христианских и нехристианских, которые явились подлинным источником знаний Мухаммада и его слушателей.

Так, в проповедях гностиков Адам, как и в Коране, — один из главных передатчиков людям знаний о спасении. Адам-пророк, Адам, знающий имена всех вещей, сродни

гностическим представлениям о «первом Адаме», обладавшем всей полнотой знаний. Райское дерево — смоковница-олива — тоже встречается у гностиков ¹⁶.

Иногда коранические умолчания позволяют сделать предположения о возможном содержании стоящих за Кораном легенд. К примеру, отсутствие упоминания о том, что Ева была сотворена из ребра Адама, позволяет предположить, что кораническая легенда имеет в виду иное представление, а именно — что первочеловек содержал в себе два естества, даже двух людей, впоследствии разделенных ¹⁷.

Библейский текст, к которому, само собой разумеется, в конечном счете восходит кораническое сказание, дошел до Корана в различных изводах иудейских, гностических и христианских преданий. Все они, как и Коран, пользовались материей мифа для того, чтобы описать собственные учения и идеи. И тем не менее в Коране есть и интересные прямые отголоски собственно текста Библии. Слова Иблиса о том, что плоды дерева даруют человеку вечную жизнь (7:20/19), сочетают в себе цитаты из фраз, восходящих к двум разным моментам библейского рассказа (Бытие 3:5—7 и Бытие 3:22) ¹⁸. Кораническая фраза о том, что Адам и его жена были низвергнуты на землю «врагами друг другу» (2:36/34), соответствует библейской — Бытие 3:15 ¹⁹.

Коранический Адам стал очередной ступенью развития библейского образа. Сохранил он и следы добиблейской древневосточной мифологии, попавшие в Писание мусульман через Библию, а может быть, и не только через нее. К примеру, одно из описаний материала, из которого был сотворен Адам, — «звучащая глина» — является отголоском древних месопотамских представлений о творении человека. Библейскому варианту соответствует в Коране «прах», упоминающийся наряду со «звучащей глиной» ²⁰.

Однажды в Коране рассказано о сыновьях Адама, по именам не названных. Оба принесли жертву Богу, но тот принял ее только у одного. Обиженный Богом разозлился на своего брата и вскричал, что убьет его. Тот же, чья жертва была Аллахом принята, сказал, что, даже если брат поднимет на него руку, чтобы убить, он не поднимет руки в ответ; он верует в Аллаха, подчиняется ему и не совершит греха.

Тогда обиженный убил своего брата, а Аллах послал ворона, который стал разрывать когтями землю, как бы

показывая, как скрыть труп. Однако убийца не нашел в себе сил спрятать труп. Он раскаялся в содеянном и не стал подражать ворону. С тех пор Аллах внушил людям, что убить человека, если это не наказание за убийство или преступление,— величайший грех (Коран 5:27/30—32/35).

В этом кратком рассказе есть несколько мотивов, отсутствующих в библейском тексте истории о Каине и Авеле, но встречающихся в послебиблейской литературе иудеев и христиан. Это — спор Хабиля и Кабиля (так передает библейские имена мусульманское предание). Содержание разговора различно в разных легендах. Птица, учившая Кабиля-Каина зарывать труп, тоже встречается в библейских комментариях, но действует не совсем так, как в Коране²¹. Между известными записями послебиблейских сказаний и Кораном лежит пласт устных сказаний. Сказания эти были скорее всего иудейские. Когда Коран делает вывод из истории сыновей Адама, то говорится: «...предписали Мы сынам Исра'ила», т. е. иудеям. Вводится рассказ словами: «И прочитай им весть о двух сыновьях Адама» (5:27/30), что позволяет видеть тут новую для слушателей историю. Потому и рассказывается она подробно.

Рассказ содержится в суре мединского периода, обычно относимой к самым последним годам жизни Мухаммада. Он соседствует с различными заповедями, касающимися правил жизни общины. В этом контексте понятен и вывод рассказа, практически обосновывающего заповедь «не убий».

ПРОРОКИ ВЕЛИКИХ КАТАСТРОФ

Нух и потоп

О всемирном потопе и истории Нуха, библейского Ноя, в Коране рассказано несколько раз и весьма подробно. Его вспоминают, иногда и не называя по имени. Нух — важная фигура в той схеме мировой истории, которая настойчиво навязывается Кораном. Именно она в целом призвана историческими примерами показать истинность миссии Мухаммада, которому предопределено завершить собой ход истории человечества.

Мировая история, как мы уже говорили, предстает в Коране как цепь катастроф, происходивших с разными народами, последовательно сменявшими друг друга и последовательно же уничтожавшимися Аллахом. Многочисленные истории, которые мы будем разбирать ниже, построены по единой схеме. Пользуясь благами, дарованными Аллахом, каждый из этих народов забывал, что он должен быть за это благодарен Богу. Гордыня сменяла веру. Людям давалась последняя возможность исправиться. Человек из их среды избирался пророком Аллаха. Словами Бога он пытался вернуть сородичей на путь веры в единственного бога — Аллаха, предупреждал о возможном наказании. Лишь немногие слушали пророка. Большинство людей насмехались над ним, преследовали его сторонников. Тогда Аллах посылал им наказание — страшную катастрофу (потоп, землетрясение, ураган), в которой гибли все, кроме немногих уверовавших.

В тексте Корана история Нуха является композиционным элементом цикла рассказов о таких катастрофах. Обычно она открывает цикл. За ней следуют истории о гибели нечестивых соотечественников Лута, библейского

Лота; адитов, соплеменников аравийского пророка Худа; самудян, не признававших аравийского пророка Салиха; маджанитов, тоже аравийцев, к которым был послан пророк Шу'айб. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что все эти истории стояли всегда рядом уже в устной проповеди Мухаммада. Однако это весьма вероятно. Рассказы сходны не только по содержанию, но и стилистически, в них есть повторы, параллельные места, взаимные отсылки (например, упоминание Нуха в речи Худа). Даже если они не всегда стояли рядом, то, несомненно, представляют собой определенное единство внутри Корана.

В Коране Нух — один из самых благочестивых людей, когда-либо живших на земле: «Мир Нуху в мирах!.. Ведь, поистине, он — из рабов Наших верующих» (37:79/77, 81/79). В разных местах Корана он называется: *наби* — «пророк» (4:163/161), *'абд шакур* — «раб благодарный» (17:3), *назир мубин* — «увещатель ясный» (11:25/27), *расул амин* — «верный посланник» (26:107).

Посланник Аллаха, Нух уговаривал людей поклоняться только Аллаху, ему одному верить и страшиться будущего Суда. Призывы эти вызвали только насмешки, а потом — вражду. Нуха упрекали в том, что он лишь человек и, видимо, безумец, раз берется поучать знатных людей своего народа. Ему говорили, что если бы Аллах действительно захотел обратиться к людям, то послал бы к ним ангелов, а не ничтожного человека. Нуха обвиняли в том, что за ним следуют лишь низкие люди, а он не прогоняет их от себя. Пророку угрожали: «Если ты не удержишься, Нух, будешь ты побит камнями» (26:116).

Нух отчаялся и возроптал, он молил Аллаха: «Рассуди же между нами судом!» (26:118). Молитва Нуха приведена в 71-й суре Корана, которая названа по его имени «Нух»:

«Господь мой, я звал свой народ ночью и днем, но мой призыв увеличил только их бегство.

И поистине, всякий раз, как я их призывал, чтобы Ты прости им, они вкладывали свои пальцы в уши, и закрывались платьем, и упорствовали, и гордо превозносились.

Потом я призывал их открыто.

Потом я возвещал им явно и беседовал с ними тайно и говорил: „Просите прощения у Господа вашего, Он — прощающ, Он пошлет на вас небо дождем,

и поддержит вас имуществом и детьми, и устроит для вас сады, и устроит для вас реки.

Почему же вы не надеетесь на величие Аллаха?

Он сотворил вас по периодам.

Разве вы не видите, как сотворил Аллах семь небес рядами?

И сделал месяц на них светом, а солнце сделал светильником.

И Аллах взрастил вас из земли растением, потом возвращает вас в нее и выводит изведением.

Аллах сделал для вас землю подстилкой, чтобы вы ходили по ней дорогами широкими“.

...Господь мой, они ослушались меня и пошли за тем, богатство и дети которого увеличили у него только убыток.

И ухитрились они великой хитростью и сказали: „Не оставляйте никак ваших богов, не оставляйте никак Вадда, и Сува‘, и Йагуса, и Йа‘ука, и Насра!“

Поистине, они сбили с пути многих, и не увеличивай у тиранов ничего, кроме заблуждения!

...Господь мой, не оставляй на земле из неверных ни одного, обитающего в доме.

Если Ты оставишь их, они побьют Твоих рабов и не породят никого, кроме распутного, неверного.

Господи, прости мне, и моим родителям, и тем, кто вошел в мой дом верующим, и верующим мужчинам и женщинам. И не прибавляй для обидчиков ничего, кроме гибели!» (71:5—23, 26/27—28/29).

Аллах внял просьбе Нуха и обещал отомстить. Он успокаивал пророка, чтобы тот не отчаивался — он не виноват в неудаче: «Никогда не уверуют из твоего народа больше тех, которые уверовали. Не огорчайся же тем, что они делают» (11:36/38). Аллах приказал ему строить ковчег. Нух строил, а «знать его народа», проходя мимо, издевалась. Он отвечал: «...и мы будем издеваться над вами» (11:38/40). К врагам Нуха примкнула и его жена, не поверившая мужу (66:10).

Вот наступило время сбыться обещанию о наказании. «Закипела печь» (11:40/42, 23:27), нагревшая воду, которая хлынула с небес и из недр земли. Аллах приказал Нуху ввести в ковчег по паре всех живых существ, собственную семью и тех немногих, кто поверил ему. Один из сыновей Нуха не захотел плыть с ними, говоря, что спасется от воды на вершине горы. Он не внял мольбам

отца и утонул вместе со всеми людьми. Огромные, как горы, волны понесли корабль.

Потом по приказу Аллаха земля поглотила воду, небо прекратило дожди. Вода спала, и ковчег опустился на вершину горы аль-Джуди. Нух взмолился тогда Аллаху, прося вернуть ему погибшего сына, ведь Аллах обещал пощадить его семью. Аллах отказался: неверующий сын — «не из твоей семьи» (11:46/48).

Эта история рассказана в Коране несколько раз с разной степенью подробности¹. Все варианты, вероятно, восходят к самому Мухаммаду, он неоднократно излагал эти важные для его проповеди исторические сказания, каждый раз с различной степенью детализации, с измененными акцентами. Возможно, конечно, что варианты, собранные в Коране, — различные передачи соратниками Мухаммада одного и того же рассказа, однако это значительно менее вероятно.

Все сообщения о Нухе в Коране являются вариантами одной версии предания. Для всех характерны общая линия сюжета, единый набор мотивов, особый акцент на споры Нуха с сородичами и на обиды пророка, интересовавшие Мухаммада больше, чем детали потоп. У всех вариантов единый стиль, одна терминология, повторяющиеся ключевые слова и формульные сочетания. Самый подробный рассказ содержится в суре «Худ» (11). Его как бы дополняет сура «Нух», где передана уже известная нам молитва Нуха, входящая, видимо, в этот рассказ. Другие варианты — более сокращенное изложение того же рассказа, но иногда в них всплывают детали, утерянные в пространном варианте, например упоминание гвоздей в 54:13.

Есть в Коране и отголоски какой-то другой версии рассказа о потопе. Речь идет именно о всеобщем потопе, страшной катастрофе, от которой Аллах некогда спас людей. Они же забыли об этом благодеянии. «Мы ведь, когда вышла вода из берегов, понесли вас в плавучей, чтобы сделать это для вас напоминанием и чтобы внять этому могло ухо внимающего» (69:11—12).

В рассказах о Нухе очень много явных параллелей к биографии Мухаммада, точнее — к истории его ранних взаимоотношений с мекканцами. Их тут больше, чем в любом ином рассказе о древних пророках. Как я уже отмечал, большая часть аятов, повествующих о Нухе, сообщает о том, как он спорил с соотечественниками, а не о том, каким был потоп. Это связано с идейной задачей

этой и подобных историй в Коране. Они должны были предостеречь соотечественников Мухаммада, утрашить их наказанием, которое неминуемо придет к ним, как оно пришло к тем, кто гнал и унижал Нуха. Соответственно надо было убедительно показать, что с Нухом происходило то же самое, что и с мекканским пророком.

Совпадения диалогов Нуха и его современников с тем, что рассказывает Коран об обвинениях Мухаммаду, — подчеркнуты. В них — главная цель коранического рассказа о Нухе. Для нас же они открывают новый, хотя и не очень обильный источник по истории рождения ислама. В повествовании о Нухе-Мухаммаде могут оказаться детали, восходящие к реальным спорам и стычкам, происходившим в Мекке и нам неизвестным.

Нух проповедовал то же, что проповедовал Мухаммад, употребляя те же самые слова и фразы, которые использованы в прямых обращениях Корана к Мухаммаду и мекканцам. Он звал людей поклоняться только Аллаху, единственному богу; предупреждал, что наступит Судный день; что Аллаха заранее надо просить о прощении и милосердии. Он объявлял себя посланником, исполняющим волю Бога: «...и повелено мне быть предавшимся!» (10:72/73). О Мухаммаде говорится: «...и мне повелено быть предавшимся» (27:91/93).

Обвинения и упреки, которыми Нуха осыпала знать (*мала'*), совпадают с теми, на которые отвечал Мухаммад словами Корана. Ответы Мухаммада и ответы Нуха есть в тексте Корана, и они почти дословно совпадают. Однако в рассказе о Нухе есть и прямая речь его врагов. Слова врагов Мухаммада мы обычно реконструируем из ответов. Для такой реконструкции полезны и слова, которые произносят противники Нуха. Как и Мухаммаду, Нуху говорили, что он только человек, а посланником своим Бог обязательно выбрал бы ангела; утверждали, что Нух одержим джиннами, что он стремится к собственной выгоде, хочет возвыситься над другими и потому отягчает людям жизнь, нарушая ее привычное течение.

Нуху заявляли, что ничего похожего люди от своих отцов не слышали и отказываться от своих прежних богов не собираются. Напомним, что защита традиций предков была одним из главных и действенных аргументов в борьбе мекканцев с Мухаммадом. Нуху угрожали побить его камнями, как это делали со сторонниками Мухаммада в Мекке. Возможно, что в угрозе Нуху: «Если ты не удержишься, Нух, будешь ты побит камнями!» (26:116) —

прямо отразился эпизод угрозы нападения на самого Мухаммада.

Нух в Коране отвечал сородичам так же, как отвечал мекканцам Мухаммад. Он послан и выбран Аллахом, он не претендует на знание сокровенного, не желает никакой награды, не ищет выгоды, он не утверждает, что обладает сокровищами Аллаха или что он ангел. Он грозил людям наказанием, а они, издеваясь, говорили: «...приведи же нам то, что ты обещаешь» (11:32/34).

Когда Мухаммада называли прорицателем, сумасшедшим и поэтом, то говорили: «...поджидаем мы перемены судьбы над ним». Коран советовал Мухаммаду: «Скажи: „Подждите, и я вместе с вами поджидаю“» (52:30—31). О Нухе говорят похожее: «Это только человек, в котором безумие, выжидайте с ним до некоторой поры» (23:25).

В двух вариантах рассказа Нуха обвиняют в том, что к нему идут ничтожные и безрассудные люди, что ему надо бы прогнать их от себя. Нух отказывается, говоря, что судить их может только Аллах (26:111—114; 11:27/29—29/31). Речь, похоже, идет о каких-то прежних проступках этих людей. Возможно, и тут сохранился отголосок эпизода из жизни Мухаммада и его сподвижников. Ибо такая же ситуация описана в Коране в связи с Мухаммадом (6:52): «Не отгоняй тех, которые взывают к Господу их... Не на тебе расчет с ними ни в чем...» Прямо перед этим (6:50) Аллах вкладывает в уста Мухаммада те же слова, что и Нуху: «Скажи: „Я не говорю вам, что у меня сокровищницы Аллаха, и не знаю я сокровенного“».

Враги довели Нуха до отчаяния, он просит Бога рас судить его с соплеменниками, послать им обещанное наказание. Эмоциональный настрой этой молитвы отличен от библейских преданий. В ней много фраз, похожих на те, которые произносил как бы сам Мухаммад. Все настроение и мотивации очень хорошо укладываются в обстоятельства жизни Мухаммада в конце мекканского периода, накануне хиджры. Тогда от него отвернулись впервые даже члены собственного рода; казалось, что проповедь терпит полную неудачу. И кажется, что это не Нух, а Мухаммад говорит Аллаху: «Господь мой, не оставляй на земле из неверных ни одного, обитающего в доме... И не прибавляй для обидчиков ничего, кроме гибели!» (71:26/27—28/29).

Мухаммад в Мекке нашел выход, преодолел отчаяние, покинул родной город. Мольба наказать сородичей оста-

лась в рассказе о его «двойнике» — пророке Нухе. Именно для коранического рассказа характерен образ сына, который не внял призывам отца и потому был «исключен» Аллахом из семьи пророка. Для социально-психологического настроя мусульманской проповеди как раз была важна идея замены уз родства узами общности по религии. Людей должна была объединять вера в Аллаха. Проблема того, как совместить верность родовым связям и связям религиозным, мучила многих мусульман, в том числе и Мухаммада. Эпизод из истории Нуха приобретает в этом контексте острое звучание.

История о Нухе отразила обстоятельства жизни Мухаммада в Мекке, но в ней есть и другие конкретные элементы аравийской действительности. Ковчег опустился на гору аль-Джуди. Это название горы в Северной Аравии. Лишь позднее мусульманские комментаторы перенесли это название на библейский Арарат в Курдистанских горах². В суре «Нух» (71) перечислены имена божеств, от которых народ Нуха не хотел отказываться. Это аравийские божества, которым поклонялись в разных частях Аравии, — общеаравийский Вадд, химйаритский Наср, южноаравийские Йагус и Йа'ук, центральноаравийский Сува'³.

Такие детали не связаны с историей Мухаммада, с мусульманской трактовкой истории Ноя. Им есть лишь одно приемлемое объяснение. Мухаммад и его слушатели считали, что Нух жил и действовал в Аравии. Узнали они это скорее всего из бытовавших в Аравии легенд о Нухе, уже оторванных от своих корней. Заметим, что имя Нух тоже воспринималось как арабское. Оно имеет при склонении три падежа, тогда как имена, воспринимавшиеся как иностранные (большинство имен библейских персонажей в Коране), имеют в арабском языке только две падежные формы. Предание это не было и мекканским изобретением. Реалии не мекканские, а общеаравийские. Любимых в Мекке божеств в списке Нуха нет.

Этому предположению на первый взгляд противоречит текст Корана, где несколько раз говорится о том, что история Нуха нова для слушателей. В конце рассказа о Нухе в суре «Худ» (11:49/51) есть фраза, часто встречающаяся в Коране и обращенная к Мухаммаду: «Это из рассказов про сокровенное. Мы открываем их тебе, не знали их ты и твой народ до этого. Терпи же! Поистине, конец — богобоязненным!» Так говорится и в других ме-

стах, в частности в описании истории Марйам (3:44/39) и Йусуфа (12:102/103). В середине того же рассказа про Нуха вставлена фраза: «Может, они скажут: „Измыслил он его!“ Скажи: „Если я измыслил его, то на мне мое преступление, и я свободен от того, в чем вы грешите!“» (11:35/37). Эти вставки могут быть понятны в том смысле, что история Нуха была нова для слушателей. Помятуя об этом, редакторы Корана именно сюда вставили эти фразы. Однако обвинения во введении новшеств, даже если они действительно связаны с рассказом о Нухе (а они явно добавлены несколько позднее), могут относиться скорее к коранической трактовке, а не к самой истории. В самом деле, мы уже видели, что в Коране есть нарочитые отличия и смещения акцентов по сравнению с исходным библейским рассказом.

У нас есть еще свидетельства того, что история Нуха была известна в Аравии до Корана. Она фигурирует в стихах доисламских поэтов и поэтов — современников Мухаммада⁴. Поэтические обработки рассказа о Нухе часто содержат детали, которые в Коране упоминаются мельком или вообще отсутствуют. У поэтов другие акценты. Их интересует потоп, а не то, как именно мучили Нуха его соотечественники. В стихах отразилась иная версия истории о Нухе. Она отличается от коранической, хотя, видимо, послужила ее основой.

У поэта Тарафы (VI в.) Нух упоминается среди рассуждений о всемогуществе судьбы, как пример очень долго жившего человека⁵. Современнику Мухаммада Умаййе ибн Аби-с-Сальту приписывается стихотворение, где красочно и подробно описывается потоп. Рассказано о ковчеге, как он опустился на гору и как Нух послал искать землю ворона. Тот нашел ее, но не вернулся к людям. Тогда Нух отправил горлинку. Она вернулась с доброй вестью, и за это Нух подарил ей ожерелье, ту самую белую полоску, которая есть на шее у всех горлинок⁶. Главными оказываются мотивы, которых в Коране нет вообще. Вместе с тем описание ковчеха, несущегося по волнам, близко к кораническому аяту (11:42/44).

В другом стихотворении Умаййи Нух упомянут как человек, испытавший высшую милость Господа. Он спас его во время потопа. Вспоминается об этом опять в контексте рассуждений о могуществе судьбы — она властна даже над теми, кого особо опекает бог. В стихотворном описании потопа есть два мотива, важных и для Корана. Это — «запылавшая печь», с которой начинается катаст-

рофа, и строптивый сын, отказавшийся спастись в ковчеге⁷.

В стихотворении аль-А'ша, поэта, который был знаменит уже до ислама, но пережил Мухаммада, упомянуты Аллах, насмешки над Нухом, «печь», строптивый сын, гора аль-Джуди. Кратко упомянуто о посылке птиц на поиски земли, о чем в Коране речи нет⁸. Этот рассказ восходит к докораническим сказаниям, но подвергся влиянию их коранической редакции.

Следующий этап развития сюжета мы встречаем у поэта-христианина уже мусульманской эпохи аль-Кутами (конец VII — начало VIII в.). Он несколько раз рассказывает об истории Нуха, и его стихи выглядят первой иллюстрацией к кораническому рассказу⁹.

Все это свидетельствует о том, что в Аравии и до ислама бытовала особая версия предания о Ное-Нухе. Коран ее использовал, развил и перестроил.

Аравийское предание могло возникнуть под влиянием воззрений неизвестных нам в деталях гностических сект. Образ спасавшегося самостоятельно сына Ноя тоже созвучен гностическим мотивам. У сетян, к примеру, считалось, что потомки Сифа (Сета), сына Адама, спаслись от потопа без помощи ковчега¹⁰.

К месопотамским истокам, возможно, восходит образ жены Ноя. Он отсутствует в Библии, малозначителен в послебиблейских преданиях. Однако в более древних историях о потоке жены праведников действуют более активно¹¹.

Христианские и иудейские предания о Ное были многочисленны, разнообразны и красочны. Они широко бытовали по всему Ближнему Востоку, рассказывались и религиозными проповедниками, и сказителями. Часто они могли отрываться от своей религиозной пропагандистской сути. Их, как и многие другие предания, в качестве занимательных и назидательных легенд рассказывали на ярмарках и караванных стоянках Аравии.

Много вариантов легенд, бродивших по раннесредневековому Ближнему Востоку, записано в различных христианских сводах рассказов о древних событиях, в сборниках иудейских преданий. Однако нужно всегда помнить, что это лишь части, выхваченные из моря устных сказаний. Поэтому параллели между мотивами, встречающимися в Коране, и деталями конкретных христианских и иудейских текстов не означают прямой и даже опосредованной связи между ними. Они указывают нам лишь на примерные ис-

токи и среду, откуда эти мотивы попали в Аравию, где распространились и были благодаря своей известности использованы Кораном. Обычно оказывается, что каждый коранический мотив, имеющий параллели, находит их себе и в христианских и иудейских текстах.

Именно в многочисленных текстах обеих религий появился образ Ноя, над которым издеваются соплеменники. Существование такого описания истории Ноя, видимо, и стало поводом для использования в Коране образа Ноя как одного из прототипов и «двойников» Мухаммада¹². В иудейских и христианских преданиях был разработан и воспринятый арабской поэзией мотив об улетевшем и не вернувшемся вороне. В библейском тексте он улетает и возвращается, хотя радостную весть приносит голубка: «...и выпустил ворона, и он, вылетев, отлетал и прилетал» (Бытие 8:7). В иудейских комментариях к книге Бытия зафиксированы сказания, представляющие более подробную, чем в Библии, картину деятельности Ноя и враждебной реакции соплеменников¹³. Аггада рассказывает об издевательствах над Ноем. Христианин Ефрем Сирийский тоже упоминает о том, как соплеменники Ноя веселились, слушая его речи¹⁴. Эти мотивы еще далеки от того, что появилось в Коране, однако они и им подобные могли послужить толчком для «творчества» Мухаммада.

В раввинской литературе сложилось представление о том, что вода потопа была горячей. Рабби Йоханан: «Каждую каплю, которую Бог обрушил на поколение потопа, он сначала раскалял в геенне»¹⁵.

Кораническая фраза о том, что ковчег служит людям «напоминанием» (54:15; 69:12), может считаться просто образным выражением. Однако в ней можно видеть и отражение иудейских рассказов о том, что остатки корабля Ноя сохранились на одной из высоких гор¹⁶.

История о строптивом сыне напоминает о легендах о непослушании различных сыновей Ноя. Чаще всего упоминают Хама, но не всегда только его. Существовали в иудейской литературе и сказания о том, что кроме ближайших родичей Ноя спаслись и некоторые другие люди, причем как в ковчеге, так и без его помощи. Коран как бы переделывает эти легенды в согласии со своей логикой и главной идеей.

В иудейских и христианских преданиях есть представление о том, что жена Ноя недостаточно помогала и даже была враждебна своему мужу¹⁷. В соответствии с этим или же опираясь на более ранние легенды о потопе, Ко-

ран ставит ее рядом с женой Лота-Лута, как одну из тех женщин прошлого, которые предали пророков. Возможно, что этот повторяющийся в Коране мотив призван с помощью противопоставления подчеркнуть верность первой жены Мухаммада, Хадиджи, поддержка которой сделала Мухаммада стойким перед долгим сопротивлением большинства мекканцев его проповеди. Аят о жене Нуха считается обычно мединским по происхождению, поэтому он мог вызывать аллюзии и вообще с женами Мухаммада, Коран ведь особо выделял их среди других мусульманок.

Глубинная основа коранического рассказа о Нухе, само собой разумеется, — библейская история о потопе (Бытие 6:9—9:28). Она дошла в Коран через несколько ступеней передачи и переработки. Тем не менее интересно сравнить эти два рассказа. В Коране сохранилась общая сюжетная линия. Сохранились многие мелкие, но характерные детали. К примеру, подчеркивается описание природы потопа как слияния небесных и подземных вод: Бытие 7:11: «...разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные открылись»; Бытие 8:2: «И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба»; Коран 54:11—12: «И открыли Мы врата неба с водой извергающейся, и извели из расщелин земли источники, и встретилась вода по повелению, которое было решено»; Коран 6:6: «...посылали на них небо обильным дождем и заставляли реки течь у них, а потом погубили их за грехи и произвели после них другое поколение»¹⁸.

Отличия, однако, значительны. Общий стиль коранического рассказа, с одной стороны, более суров, с другой — более жив и непосредствен. Библейские мотивы дошли до Аравии как бы в двух комплексах мотивов. Один — это воспоминание о страшной катастрофе, постигшей некогда людей. Она была поводом для рассуждений и размышлений о ничтожности человека, о боге, судьбе. Это особо волновало христиан, гностиков, благочестивых аравийских ханифов. Другой — назидательная, страшная, но в первую очередь интересная история, где было много действия, действующих лиц, диалогов. Особое место заняли истории о непослушном сыне, вороне и голубке. Популярная история стала важной частью мировой истории, доказывающей достоверность претензий Мухаммада на пророческий сан с помощью образа его «двойника» Ноя-Нуха.

История о Нухе была столь нарочито обработана, что Мухаммада, видимо, обвиняли в нововведениях. Она же стала затем как бы образцом для других историй о пророках и катастрофах. Она предшествует им хронологически, но тесно увязана с ними в единый цикл. Все последующие истории сходны с ней и по общему построению, и по характерным деталям, и по главным идеям. Создается впечатление, что тип таких сказаний был отработан сначала на образе Нуха. Напомним, что Нух воспринимался как персонаж своей, аравийской истории наряду с действительно аравийскими Худом, Салихом и Шу'айбом и тоже считавшимся аравийским Лотом-Лутом.

Худ = «брат адитов»

В Аравии, в местности аль-Ахкаф, в следующем поколении после Нуха жили люди, отличавшиеся высоким ростом и называвшиеся адитами. Они были благополучными земледельцами, имели большие стада, сады с полноводными каналами. На вершинах холмов адиты ставили свои крепости. И вот однажды их постигла засуха.

Тогда один из них, по имени Худ, был выбран Аллахом стать его посланником к собственному народу. Он принялся призывать их поклоняться Аллаху, и только ему. Он звал их отбросить богов их предков, которые есть только «имена, которые дали вы и ваши отцы» (7:71/69). Он пугал их грядущим наказанием, упрекал за гордыню, за то, что они неблагодарны — ведь именно Аллах сделал их преемниками и наследниками народа Нуха, даровал им высокий рост и благоденствие. Худ говорил, что он — посланник Аллаха, проповедует им только то, что приказал Бог, что самому ему в этом деле нет никакой корысти, что ему не нужно награды. Он обещал, что если сородичи уверуют, то Аллах пошлет им дождь и прекратит засуху.

Знать же его народа (*мала'*) и все те, кто не уверовал, обвиняли Худа во лжи. Они говорили, что Аллах не мог сделать своим посланником человека, который ест и пьет, как они. Они отказывались забыть богов своих отцов и поверить в «сказки древних», которые Худ выдает за «откровения» от Аллаха, возводя этим клевету на почитаемого бога. Сородичи утверждали, что Худ глуп и безумен, что, видимо, кто-то из богов лишил его разума. Люди смеялись над тем, что Худ обещал им воскресение после

того, как они превратятся в кости и прах. Они издевались над ним: «Приведи же нам то, чем ты грозишь» (7:70/68).

Худ грозил, увещевал и предупреждал: «Господь мой заменит вас другим народом!» (11:57/60). Он жаловался Аллаху, что не виноват в упорстве и неверии своих сородичей, и просил Бога рассудить между ним и ими.

Тогда Аллах послал адитам наказание в «день злощастия длительного» (54:19), когда «постигло их то, над чем они издевались» (46:26/25). Они увидели «облако, направляющееся к их долинам», и решили, что засуха кончилась: «Это облако, которое прольет нам дожди!» (46:24/23). Принесло оно, однако, не дождь, а вихрь, «шумящий», и «буйный», и «губительный», гром и молнию. Ураган бушевал семь дней и восемь ночей, вырывая и унося людей, бросая их, «как стволы пальм опрокинутых» (69:7). Все адиты погибли. «И наутро оказалось, что видны только жилища их» (46:25/24). Только Худ и немногие уверовавшие были пощажены¹.

История адитов и Худа, их «брата» и пророка, несколько раз повторяется в Коране в едином комплексе с историей Нуха и других пророков. Неоднократно она вводится фразой, как бы продолжающей единый зачин всей этой группы историй: «Мы отправили уже Нуха к его народу... и к адитам — брата их Худа» (7:65/63); «Вот, Мы послали Нуха к его народу... и к адитам — брата их Худа» (11:50/52). Иногда явно «адитский» рассказ идет сразу после истории Нуха, но без особой связки и без упоминания имен 'ад и Худ (23:31/32). Однажды этот рассказ и ему подобные соединены рефреном: «И Мы облегчили Коран для понимания, но найдется ли хоть один припоминающий!» (54:17, 22 и т. д.). Есть в Коране и краткие упоминания адитов отдельно или вместе с самудянами. Всегда речь идет о том, что адиты были погублены за свои проступки перед Богом. Всегда об адитах говорится в назидание людям, однако степень подробности и разработанности рассказа различна. Исследуя ее, можно обнаружить несомненную эволюцию вариантов в рамках единой коранической версии.

В самых ранних аятах (89:6/5—7/6) назидательное упоминание об адитах звучит совсем как сентенция о могуществе судьбы в устах доисламского арабского поэта: «Разве ты не видел, как поступил твой Господь с 'адам, Ирамом, обладателем колонн?» Потом появляются более подробные упоминания об адитах, их гибели от шумящего ветра. Еще позднее, в следующие мекканские перио-

ды, появляется предостерегающий адитов пророк. Имени его Коран еще не называет, нет рядом и рассказа о Нухе (41:13/12—16/15). Потом пророка называют «брат адитов» и появляется название места их обитания — аль-Ахкаф (46:21/20). Затем рядом с адитами появляется рассказ о Нухе и весь цикл пророческих историй (54:18—21). Увеличивается доля повествования собственно о пророке по отношению к описанию гибели-катастрофы. Появляется имя пророка — Худ.

Имя это представляет собой некоторую загадку. Оно созвучно употребляемой, в частности и в Коране, форме множественного числа от *йахуд* («иудей»). Это подтолкнуло комментаторов к тому, чтобы отождествить коранического Худа с Евером, предком-эпонимом евреев. Однако именно присутствие созвучного слова в Коране указывает на различие значений. Два слова употребляются совершенно по-разному, следовательно, их различие ощущалось четко. *Худ* может быть понято и как производное от глагола *хада* («покаяться») ².

Причастие-эпитет, стоящее в тексте рассказа, могло быть воспринято слушателями (сразу или потом) как имя. В более ранних текстах имени вообще не было, и место оставалось «свободным». Ниже мы увидим, что аналогичное толкование допустимо и для имен других аравийских пророков. Впрочем, имя Худ и другие имена того же корня, например Хавид, Худат, Хавад'иль, Ахвад, Ахвад'иль, часто встречаются в древних надписях из Северной Аравии ³. Поэтому Худ может быть просто обычным аравийским именем, не несущим никакого осознаваемого слушателями особого смысла.

В наиболее развитых и подробных вариантах коранического рассказа об адитах Худ — главная фигура и стержень сюжета. Основное место в рассказе уделено его проповедям и спорам адитов с ним. О катастрофе говорится кратко, хотя и выразительно. Как и в истории Нуха, диалоги Худа и адитской знати созвучны спорам, которые вел в Мекке Мухаммад. «Мухаммадовы» элементы тут примерно такие же, как в истории Нуха, хотя они менее ярко выражены и менее часты. Подобно всем другим пророкам от Нуха до Мухаммада, Худ учил людей поклоняться Аллаху, угрожал Судным днем, объявлял себя пророком. Как и Мухаммада, его упрекали тем, что он лишь человек, а претендует на то, что поручают только ангелам. Его считали одержимым, обвиняли в преступном посягательстве на богов, чтимых предками.

В ответ Худ, как и Мухаммад, называл прежних богов «пустыми именами», повторял фразу Мухаммада: «...выжидаете, и я буду выжидать!» Противники называют проповеди Худа «творениями первых» (26:137, *асатир аль-аввалин*), как часто называли аяты Корана враги Мухаммада. Интересно утверждение адитов, что Худ своими проповедями клеветает на Аллаха: «Это — только человек, который измыслил на Аллаха ложь, и мы ему не верим» (23:38/40). В Мекке знали бога Аллаха, но Мухаммад придал этому божеству всеобъемлющий характер, и именно это вызывало у мекканцев протест. История о древности и в этом созвучна жизни Мекки времени Мухаммада.

В рассказе о Худе сохранились и интересные фрагменты споров о возможности воскресения. «Разве он обещает вам, что вы, когда умрете и будете прахом и костями, что вы будете изведены? Далеко, далеко то, что вам обещано! Есть только наша ближайшая жизнь; мы умираем и живем, и не будем мы воскрешены» (23:35/37—37/39). Таким был один из главных аргументов в полемике с Мухаммадом. «Жизнь после смерти» казалась мекканцам невероятной, противоречила глубинным представлениям доисламских арабов о смерти.

Наконец, восклицание Худа: «И Господь мой заменит вас другим народом» — совпадает с настроением и речами Мухаммада, когда он в конце мекканского периода жизни, потеряв поддержку сородичей, угрожал им поисками сторонников вне родного племени. Как известно, именно это он и сделал, обеспечив тем самым триумф своего учения.

Оснащение легенды деталями из жизни Мухаммада было, видимо, последним этапом развития рассказа внутри Корана. Первоначально, в ранних сурах, он использовался для того, чтобы восславить могущество и суровую мстительность Аллаха. Материалом служили известные в Аравии исторические легенды из собственного прошлого.

Адиты были широко известны по всей Аравии, правда, в основном тем, что они давным-давно погибли. Как пример исчезнувшего могущества их постоянно поминали доисламские поэты. Только у них народ уничтожался не волей Аллаха, а прихотями всемогущей судьбы⁴. Упоминается в стихах и некий «брат аль-Ахкаф», подобный «брату их (адитов)» в Коране⁵. Однако в поэзии почти нет никаких деталей из легенд, которые легли в основу коранического рассказа. Между тем такие легенды суще-

ствовали, что следует уже из того, что Коран мельком, намеками, как на известное всем, касается таких мотивов, как засуха, высокий рост адитов. Описание гибели народа 'ад тоже похоже на эпизоды, вырванные из общей картины, знакомой слушателям.

Комментаторы Корана в связи с адитами, так же как и в связи со всеми пророческими рассказами, приводят обширный материал. Обычно такого рода комментарии питались иудейскими и христианскими преданиями, ставшими известными мусульманам уже после сложения Корана. Однако для аравийских сюжетов там материалов не было. Здесь источником могли послужить только местные предания, в большей или меньшей степени восходящие к докораническим сказаниям. Поэтому, хотя и осторожно, с оговорками, для разъяснения коранического текста мы можем использовать мусульманские предания об адитах.

Интересно, что в этих преданиях Худ стоит несколько одиноко, главная сюжетная линия рассказа развивается почти без него⁶. Это косвенно указывает нам на независимость этих преданий или их части от коранического текста, где все строится вокруг Худа. Согласно самой распространенной и пространной версии, адиты были могущественным и процветающим народом, знаменитым своими богатствами и постройками. Когда однажды их постигла засуха, пророк Худ призывал их уверовать в единственного бога, Аллаха. Они же, следуя традиции, отправили в Мекку делегацию, чтобы молить о дожде Господина аль-Ка'бы. В мусульманской передаче истории, а только такой мы и располагаем, господином аль-Ка'бы является тот же Аллах. Делегацию возглавил некий знатный адит, которого предание называет Кайль. Это не имя, но социальный термин, которым в доисламской Южной Аравии называли крупных феодальных правителей. В значении «царь», «могущественный вождь» он был хорошо известен по всему полуострову⁷. Кайль и его соратники увлеклись гостеприимством, развлечениями крупного торгового города, вином и танцовщицами и совсем забыли о цели своей поездки. Хозяевам пришлось тактично напоминать им о засухе на родине, вложив соответствующие фразы в уста развлекавших гостей певец.

В ответ на запоздалые молитвы адитов голос с неба предложил им выбрать одно из трех облаков, появившихся на небесах. Они выбрали самое темное, полагая, что

в нем более всего дождя. Оно и принесло их народу уничтожение.

Был среди адитов, приехавших в Мекку, один мудрец по имени Лукман. Пока все молились о судьбе своего народа, он обратился к Богу с «личной» просьбой — даровать ему бессмертие. Аллах подарил ему очень долгую жизнь, равную жизни семи сменявших друг друга орлов. Лукман тоже упоминается в Коране, но о нем речь пойдет отдельно (см. гл. «Герои и мудрецы»).

Все комментаторы единодушно помещают аль-Ахкаф в Южной Аравии, считая, что Коран имеет в виду пустыни, примыкающие к восточной части долины Хадрамаут. Мнение о южноаравийском происхождении адитов стало в мусульманской, а затем и в востоковедной литературе общим местом. Однако эта локализация далеко не бесспорна. Название местности — аль-Ахкаф, подобно многим другим топонимам Аравии, означает вид рельефа — песчаные дюны. Соответственно оно могло относиться ко многим пустынным районам. Имя 'ад не встречается во многих тысячах известных нам южноаравийских надписей. Однако оно хорошо известно, и именно как имя рода или племени, по североаравийским надписям доисламского времени⁸. В Северной же Аравии Птолемей помещает во II в. некий народ, имя которого созвучно имени 'ад: oaditae⁹. В доисламской поэзии нет никаких намеков на южноаравийское происхождение адитов. Их упоминают в списках погубленных судьбой людей и народов из разных мест севера и юга полуострова. В некоторых стихах, однако, есть указания на связи адитов с североаравийской историей. Ибн аз-Зиба'ра из племени фихр говорит о том, что адиты вместе с джурхумитами жили в Мекке до курайшитов¹⁰. Христианский доисламский поэт Кабиса ибн Джабир связывает «время адитов» с североаравийским городом Таймой¹¹.

Главным же аргументом в пользу североаравийской исторической основы, на которой выросли арабийские сказания об адитах, является текст Корана. В нем много сведений и рассказов, прямо или косвенно связанных с Йеменом. О них речь пойдет в другом месте. Для нас сейчас важно, что все эти истории построены и стилистически оформлены совершенно иначе, чем история об адитах. Последняя, напротив, по стилистике и реалиям весьма близка к кораническим рассказам о самудянах и мад'янитах — несомненно североаравийских народах. В ранних сурах 'ад и самуд называются вместе, как на-

роды единой судьбы. С ними соседствует «Ирам, обладатель колонн», или «многоколонный Ирам». Построение коранического предложения давало комментаторам основание вообще считать Ирам городом или постройкой адитов.

Это далеко не бесспорно, но связь между 'ад и Ирам несомненна. Ирам комментаторы соответственно тоже помещают в Южную Аравию. Его описывают как сказочный мертвый город в пустыне. Он весь построен из благородных металлов и драгоценных камней, но не виден глазу. Только изредка открывается он заблудившимся в пустыне путникам.

Для современной науки, однако, не составило большого труда обнаружить, что Ирам Корана — именно так и называвшийся в надписях и в арабской традиции римско-набатейский храм II—III вв. в ар-Рамм (Ирам) в Северном Хиджазе¹². Он действительно имел много колонн. Развалины его лежали на важных торговых путях, по которым постоянно ездили жители Мекки.

Я полагаю, что в рассказе об Ираме и адитах в Коране следует видеть давно распространенные в Аравии и оторвавшиеся от своих исторических корней легенды, отразившие гибель и упадок крупных торговых и земледельческих центров набатейской культуры в Северо-Западной Аравии во II—IV вв. Погибли они, в частности, и под ударами усиливавшихся в Аравии кочевников-бедуинов. Адиты Корана — это возгордившиеся своим благополучием земледельцы. Аллах наказывает их сначала засухой. Возможно также, что в рассказе о катастрофе, поразившей адитов, отразилась и память о частых в Северной Аравии стихийных бедствиях — селевых паводках и (в древности) землетрясениях.

Сказание об адитах, сыгравшее немалую роль в «пророческих» циклах Корана, восходит к арабийским преданиям об арабийском же прошлом. Еще в доисламский период они получили и некоторое историко-философское осмысление. Их использовали для доказательства бренности земного благополучия, всемогущества судьбы. Весьма вероятно, что на их форму и на их назидательный пафос повлияли иудейские и христианские легенды о пророках и катастрофах, хорошо известные в Аравии, в первую очередь легенды о Ное и Лоте. К примеру, упоминание о том, что ветер бушевал над адитами семь ночей и восемь дней (69:7), могло возникнуть в подражание библейскому рассказу о потопе.

Верблюдица пророка Салиха

«И к самудянам — брата их Салиха», — сказано в суре «Худ» после рассказов о Нухе и об адитах (7:73/71). Самудяне — преуспевающий народ, живший уже после адитов среди садов и источников, посевов и пальм, «плоды которых нежны» (26:148). В долинах они строили дворцы, в скалах высекали себе дома (7:74/72). Одним из мест их жительства был аль-Хиджр, район и город в Северном Хиджазе. Самудяне отклонились от «правильного пути», «полюбили слепоту» (41:17/16), возгордились и забыли об Аллахе.

Тогда Аллах сделал одного из них, по имени Салих, своим посланником. Он стал увещевать соотечественников, напоминать о том, что их благополучие и само существование — дар Аллаха. Только Аллаху, говорил он, надо поклоняться, надо страшиться наказания от Аллаха и во всем слушаться его пророка, которым избран он — Салих.

Знать самудян отвергла его притязания, говоря, что до него они молились богам своих отцов и не собираются от них отказываться. Они утверждали, что он околдовал, что он — «лгун, высокомерный» (54:25, 26). Часть людей, однако, поверила Салиху. Самудяне разделились на две враждующие группы. Верующих спрашивали, неужели они верят в то, что Салих послан от Господа. Они отвечали не совсем на заданный вопрос, что верят в то, с чем он послан, в идеи его проповеди (7:75/73). Салих же звал их не покоряться нечестивцам, говорил, что так действовать побуждает и заставляет его высшая сила.

Враги, особенно девять самых главных противников Салиха, собрались тайно напасть на него и его семью. Они по птицам гадали о нем и заявляли, что гадание не подтверждает божественность его миссии (27:47/48—50/51), призывали Салиха чем-нибудь доказать его пророческий сан, смеялись над обещанным им наказанием.

Тогда в качестве знамения от Аллаха самудянам была послана верблюдица. Ссылаясь на Аллаха, Салих потребовал у самудян беречь ее, дать ей свободно пастись на «земле Аллаха» (7:73/71) и делиться с ней питьевой водой: «...для нее питье, и для вас питье в день определенный» (26:155); «...вода поделена между ними: каждое питье в свое время» (54:28). Это был прямой вызов, и в

ответ на него один из самудян или один из их союзников (он назван *сахиб* — «приятель», 54:29) убил верблюдицу, подрезав ей поджилки на ногах.

Через три дня последовало наказание, в которое они никак не хотели верить, над которым смеялись: «Приведи к нам то, что ты обещаешь, если ты посланник!» (7:77/75). На заре их постигло «сотрясение» (7:78/76), «воплъ», «единственный вопль» (11:67/70; 54:31), сверкание молнии (41:13/12; 51:44), «...и наутро они были в своих жилищах павшими ниц, как будто и не жили там» (11:67/70—68/71). Они не встали более (51:45), превратились в подобие сухой травы в загонах для скота (54:31). Все самудяне были истреблены. Гибель миновала только Салиха и тех, кто ему поверил. Пророк отвернулся от погибших и сказал: «О народ мой! Я передал вам послание Господа моего и давал вам совет, но не любите вы советников» (7:79/77) ¹.

Все краткие и длинные рассказы о самудянах представляют собой варианты одной версии сказания. Их размеры, стиль и выбор эпизодов, однако, различны. Особо выделяются подробные рассказы, где много места уделено спорам самудской знати с Салихом, где стилистика и даже отдельные фразы очень близки к составляющим с ними единый комплекс историям о Нухе, адитах, Худе и Шу'айбе (7:73/71—79/77; 11:61/64—68/71). В одном случае рассказ о Салихе сочетается только с рассказом о Луте (27:45/46—53/54). Однажды народ, явно идентичный самудянам, назван «жителями аль-Хиджра», а имя пророка не названо (15:80—84). Частью или остатками самудян комментаторы считают и таинственных «обитателей ар-Расса», которых Коран упоминает в той же цепочке погубленных за неверие пророкам народов, что и 'ад и самуд (25:38/40; 50:12) ². Характерна насыщенная краткость, подобная заклинанию, в перечислении основных эпизодов предания о самудянах в суре «аш-Шамс» («Солнце», 91):

Сочли лжецом самудиты в своем заблуждении.

Вот поднялся их злосчастнейший,

и сказал им посланник Аллаха: «Верблюдица Аллаха и питье ее!»

И сочли они его лжецом и подрезали ее, и истребил их Господь их за их прегрешение и уравнил это, не страшась последствий этого (11—15).

В вариантах предания можно заметить некоторую эволюцию коранического текста, последовательную обработку исконного предания, — от кратких упоминаний о гибели всем известного народа к объяснению ее как наказания, посланного Аллахом. Возникают подробные рассказы о пророке, непослушание которому стало причиной гибели. Имя пророка, Салих, весьма распространенное у мусульман сегодня, в доисламских текстах (в поэзии и в надписях) практически не встречается. Слово является действительным причастием от глагола *салаха* и означает «исправляющий», «правильный», «праведный», «благочестивый». В еще большей степени, чем имя Худ, о котором говорилось выше, оно может быть просто определением к слову *ах* — «брат», воспринятым позже как имя собственное.

В рассказах о Салихе меньше фраз, прямо совпадающих со словами Мухаммада, чем в историях Нуха и Худа. Однако общие мотивы этих высказываний те же. Салих — еще один «двойник» Мухаммада. Он учит тому же — поклоняться только Аллаху, страшиться Судного дня. Он говорит о том, что проповедует не по своей воле, что не стремится ни к какой награде. Его обвиняют в гордости, во лжи (как и других пророков, но иными словами), его называют «очарованным» — *мусаххар* (26:153).

Характерна такая деталь. Противники пророка подчеркивают, что из-за его проповеди люди разделились на две группы. Знать самудян уговаривала смириться не только пророка, но и — отдельно — его сторонников. Представляется, что такие детали отражают мекканскую реальность. С ней связан мотив заговора самудян против Салиха. Он содержится только в одном варианте, где нет истории о верблюдице; там упомянут заступник пророка, некий *вали*. Напомним, что Мухаммад мог довольно уверенно противостоять своим противникам благодаря наличию у него заступника — главы рода хашим Абу Талиба.

В городе жили девять человек, которые распространяли по земле нечестие, а не благо. «Они сказали: „Поклянемся Аллахом друг другу, мы ночью нападём на него и его семью, а потом скажем его заступнику: „Мы не были при гибели его семьи, и мы говорим правду“» (27:48/49—49/50). Согласно этому варианту истории, за эти злодейские замыслы Аллах и погубил самудян. Из мусульманского предания нам известно о заговоре мекканцев с целью убить Мухаммада. Предание помещает его в дни накануне хиджры, делает одним из участников сговора

Иблиса³. Мухаммад избежал смерти с помощью хитрости — на его место улегся спать его двоюродный брат Али.

Весь рассказ довольно литературен и может быть не просто констатацией события, но повествованием, вобравшим в себя несколько событий. Весьма вероятно, что попытки решительно покончить с Мухаммадом мекканцы могли замышлять и раньше.

Я думаю, что эти аяты Корана вызваны тем, что Мухаммад узнал о таком заговоре или предполагал его возможность. Устами Аллаха он косвенно обличил заговорщиков, предупреждая, что знает о заговоре. Это, возможно, их и остановило. Заметим, что именно так поступил позже один из аравийских «лжепророков», соперников Мухаммада, — аль-Асвад йеменский. Узнав о готовящемся против него заговоре, он огласил имена заговорщиков в состоянии транса, объявив свои знания исходящими от бога⁴. Заметим также, что враги клянутся Аллахом. Мы уже указывали выше на случаи, когда враги пророка отвергают не Аллаха вообще, а объявление его единственным божеством и претензии соотечественника на роль посланника Аллаха. Это характерно для Мекки, где культ Аллаха существовал. Однако Аллах был и богом самудян⁵. В рассказе, таким образом, сплетаются мекканские и немекканские реалии.

Сближенному с обстоятельствами жизни в Мекке рассказу, видимо, предшествовала история о гибели самудян, использовавшаяся как назидательный пример. В таком виде она фигурирует в ранних сурах, так же как и в поэзии. Поэты упоминают их реже адитов, но тоже часто вместе с ними как примеры нежданной гибели по воле судьбы⁶. У Зухайра ибн Аби Сульмы есть даже упоминание о «рыжем» самудянине, том самом «злосчастнейшем», который собственноручно поразил верблюдицу⁷.

«Фаталистическое» осмысление преданий о самудянах и адитах было уже фактом в эпоху Мухаммада. Он заменил судьбу Аллахом и использовал все основные мотивы предания. Мне нечего добавить из сочинений комментаторов, разыскивая там элементы доисламского сказания, не вошедшие в Коран, как это было сделано выше в связи с адитами. Впрочем, комментарии к истории самудян в отличие от адитов весьма скупы. Важно, однако, одно разъяснение — верблюдица Аллаха была молочной⁸. Это подчеркивает преступность самудян и делает мотив, связанный с ней, более конкретным.

Самудяне убили верблюдицу потому, что не желали делиться с ней водой. Они зарезали животное, дающее молоко. Так были нарушены важнейшие запреты и обычаи скотоводческого общества. С точки зрения кочевника-верблюдовода это было вопиющим преступлением. Тем более что верблюдица принадлежала Аллаху, т. е. была посвящена божеству. Обряд посвящения животных был в Аравии очень распространен. Поэтому сказание, которое объясняло гибель самудян убийством ими верблюдицы, следует скорее всего связать с бедуинской средой. Верблюдица стала как бы символом отношений между оседлыми самудянами и кочевниками-верблюдоводами. Это символическое бедуинское предание, объясняющее как справедливую гибель самудян. Мы знаем, что во II—V вв., в период «бедуинизации», кочевники играли немалую роль в упадке оседлых центров Северного Хиджаза, входившего в набатейский культурный ареал. Бедуины подавили самудян и были на самом деле частью той сокрушительной силы, которая уничтожает их в «историческом» сказании.

В отличие от легенды об адитах размышлять о том, кто такие *самуд*, не приходится. Самуд — хорошо известное аравийское племенное объединение, народ, упоминаемый в ассирийских надписях и в античных источниках. Уже в VII—VI вв. до н. э. самудянам принадлежали крупные торговые центры в Северной Аравии. В первые века нашей эры самудяне продолжали быть важным торгово-политическим объединением, называвшимся специфическим термином *шарикат* («общество, сотоварищество»). В римском храме в ар-Раввафе, в Северном Хиджазе, есть надпись по-набатейски и по-гречески, отмечающая восстановление с помощью римлян мира между различными группами самудян⁹.

Самудяне жили в сфере культурного влияния Сирии и Палестины, в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры — в рамках влияния набатейской культуры. Им принадлежали многие памятники Северного Хиджаза, которые традиционно называются набатейскими.

В частности, коранический аль-Хиджр, где жили самудяне, соответствует северохиджазскому городу Хегра, находившемуся в сфере влияния Nabatei, центру ее южной, аравийской части. Местное предание верно сохранило память об этом, называя это место Мада'ин Салих — «города (пророка) Салиха».

Коран точно описывает памятники самудян. В Северном Хиджазе они оставили множество высеченных в скалах гробниц. Входы в них оформлены в виде фасадов домов и храмов. Это и есть коранические *буйут* — «дома», которые самудяне высекали в скалах. В долинах же между скалами (это хорошо видно в набатейской Петре) строились собственно здания, которые Коран называет *кусур* — «дворцы», «замки» (7:74/72). Древние памятники самудян и других народов Северной Аравии еще и сегодня хорошо видны любому путешественнику и производят большое впечатление. Тем более они были эффектны в древности. Мекканцы и йасрибцы хорошо их знали, ибо мимо них проходили основные торговые пути в Сирию и Египет.

Самудский союз погиб после Nabateйского государства. Сначала он существовал под эгидой римлян, прибравших себе набатейское наследство после завоевания Nabateйского царства в 106 г. Постепенно самудяне были вытеснены и подчинены накатывавшимися из пустыни кочевниками. К VI—VII вв. в местах обитания самудян и набатеев почти не осталось крупных городов, полей и садов. Возвышались только остатки храмов, подобных «многоколонному Ираму», да зияли своими входами скальные гробницы.

Для победителей-бедуинов и их поэтов они стали напоминанием о бренности всякого могущества. Они вошли элементом в художественное выражение распространенного в предисламской Аравии настроения пессимистического фатализма. Он, в свою очередь, повлиял на идейный настрой рождавшейся новой религии — ислама. Тот же заменил фатум-судьбу Аллахом и провозгласил нечто вроде «оптимистического фатализма».

Как и в случае с адитами, кораническая легенда о самудянах могла быть и отзвуком естественной катастрофы, стихийного бедствия. Скорее всего это землетрясение. Главные элементы «наказания» — молния и крик. Нет главного у адитов — ветра.

В сказаниях о самудянах можно предположить и влияние библейских преданий, а именно предания о Лоте. Оно излагается во многих местах Корана сразу после рассказа о Салихе и самудянах. Погибшие города народа Лота представлялись Мухаммаду и его соотечественникам находящимися где-то поблизости. Поэтому описание катастрофы, постигшей самудян, могло включить в себя и мотивы из рассказа о Содоме и Гоморре. На такую возмож-

ность указывает и следующая деталь. В некоторых вариантах коранического рассказа о самудянах и адитах, где нет еще имен пророков Салиха и Худа, сказано, что люди не послушались неких «посланных» — *мурсалин*. Термин этот не совсем идентичен обычному слову «посланник» — *расул*. Он более подходит посланцам-ангелам, которые фигурируют чуть дальше в тексте в истории Лута-Лота (например, 15:61). Они принесли гибель нечестивцам (см. 15:80; 26:141; 26:105, 123, 176).

Реальная катастрофа, символическое осмысление вражды кочевников и оседлых, влияние литературных образцов слились в арабийском предании, воспринятом в Коране и использованном Мухаммадом для собственной проповеди.

«Опрокинутый» город

Вслед за историей Салиха в Коране часто идет рассказ о Луте, библейском Лоте. Вместе с Ибрахимом-Авраамом Лут приехал «в землю, которую благословили для миров» (21 : 71). Он поселился в городе, жители которого оказались грешны и развратны. Лут же был праведником и, кроме того, посланником Аллаха. Он принялся увещевать своих сограждан, упрекая их за мужеложство. «Неужели вы будете творить мерзость, в которой никто из миров вас не опередил? Ведь вы приходите по страсти к мужчинам вместо женщин. Да, вы — люди, вышедшие за предел!» (7:80/78—81/79).

Он призывал их верить в Аллаха, бояться Судного дня, признать его пророком. Жители же города грозили изгнать его, если он не прекратит свои наставления: «Изведите их из вашего селения; ведь они — люди, стремящиеся к чистоте» (7 : 82/80).

Аллах решил наказать неверных, уничтожить жителей этого города. Это было поручено ангелам, которые по дороге в город Лута посетили сначала благочестивого Ибрахима. Ему они сообщили радостную весть о предстоящем рождении сына. Потом они рассказали о возложенном на них поручении. Мягкосердечный Ибрахим просил о снисхождении к грешникам или хотя бы о спасении праведников этого города, т. е. Лута и его семьи.

Посланники-ангелы пришли в город и поселились у Лута. Местные жители пытались напасть на них, требо-

вали у Лута выдать гостей. Он же защищал их, готовый пожертвовать даже честью своих дочерей: «„О народ мой! Вот мои дочери, они — чище для вас. Побойтесь же Аллаха и не позорьте меня в моих гостях. Разве нет среди вас человека прямого?“ Они сказали: „Ты знаешь, что у нас нет потребности в твоих дочерях, и ты ведь знаешь, чего мы желаем“» (11:78/80—79/81). Отчаявшегося Лута ангелы успокоили, объяснив, что нападающие им не страшны, и приказали ему бежать с семьей из города. Осталась или была оставлена только жена Лута. О ней особо сказано, что, подобно жене Нуха, она предала своего мужа — пророка и обречена за это на пребывание в адском огне (66:10).

Ночью Лут с семьей покинул город, а наутро на него обрушился страшный «дождь зла» (25:40/42). Пронесся вихрь с камнями, с неба пришло «сотрясение». «Мы верх его сделали низом и пролили на них дождем камни из глины плотной, меченные у твоего Господа» (11:82—83/84). Город был перевернут.

Этот «опрокинутый» [53:53/54; ср.: Коран (Крачковский) — мн. ч.] или «опрокинутые» остались для людей знамением и назиданием. Люди знают и видят место, где был этот город. Однако, хотя свидетельства у них перед глазами, они забывают о всеисии и строгости Аллаха (9:70/71) ¹.

Просто «опрокинутые» упоминаются в кратчайших фразах ранних сур без названия селений или селения, имени пророка. Более детализированные рассказы примыкают одновременно к двум циклам. С одной стороны, как продолжение цикла об Ибрахиме, с другой — как элемент серии рассказов о пророках и катастрофах. Мы видим развитие от неопределенного воспоминания о погибшем городе и божьем наказании, через сюжет из цикла Ибрахима к стандартной истории о пророке и его непослушном народе.

В рассказе о Луте меньше, чем в других пророческих историях, прямых и явных параллелей с Мухаммадом. Напротив, там много конкретных деталей, прямо восходящих к соответствующему библейскому рассказу (Бытие 13; 18:17—33; 19). Только в одном из коранических вариантов Лут не просто укоряет жителей своего города за разврат, но и проповедует то же самое, что и Мухаммад, Нух, Салих, — страх перед Аллахом, его единственность, свое посланничество. Однако и в этом единственном случае об «исламских» вопросах говорится очень

кратко. Диалогов «мухаммадовского» типа в истории Лута нет.

Однако есть в ней другие элементы, которые следует отнести к «мухаммадову» слою в сказании. Почти в каждом пространном варианте истории Лута идет речь о намерении жителей города изгнать его за проповеди, мешающие им жить спокойно. Спасение Лута и гибель города выглядит в этой связи как бы предельным, придуманным Аллахом вариантом такого изгнания. Лут уходит, но город погибает. Наказание пророку превращается в наказание его противникам. Мотив изгнания из собственного города ясно присутствует в Коране в связи с Мухаммадом.

Устами Аллаха он обвиняет своих сородичей в намерении изгнать его: «Вот изгнали его те, которые не веровали» (9:40); «... твое селение, которое тебя изгнало» (47:13/14; см. также 8:30; 17:76/78; 60:1). Этот мотив и в связи с Мухаммадом, и в связи с Лутом выглядит как психологическая мотивировка ухода из родного города.

Покинуть свой город и свое племя означало совершить враждебный по отношению к сородичам поступок. Такое предпринималось в патриархально-родовом обществе редко и в крайних случаях. Это был вызов традициям и устоям общества. Мухаммад, как мы знаем, такой поступок совершил. Уход должен был быть достаточно хорошо мотивирован и для Мухаммада, и для его соотечественников.

Коран дает пророку основания для внутреннего и внешнего оправдания. Этому служили обвинения соотечественников самого Мухаммада и соотечественников его «двойника» Лута в стремлении изгнать пророка. В этой связи новое звучание приобретает и многократное эмоциональное повторение эпизода о нападении сограждан на дом Лута. Это как бы косвенное сравнение мекканцев с грешными и мерзкими соседями Лута.

Образ погубленного города/городов несколько раз используется в Коране как прямое напоминание слушателям Мухаммада. В суре «Различение» (25:40/42) говорится, что поколения людей проходили мимо погубленного города Лута («селение, которое было полито дождем зла»), но не понимали, что это знамение Господа, «не видели».

Сразу после этого идет речь о том, что они «видят» Мухаммада, но не хотят верить, что именно его,

простого человека, Аллах выбрал своим посланником (25:41/43) ².

В другом месте (37:137—138) после краткого напоминания о Луте сказано: «И вы ведь проходите мимо них утром и ночью: разве же вы не образумитесь?» Мухаммад использует следы городов Лута как наглядный пример, хорошо известный его слушателям.

Из тех же аятов следует, что Мухаммаду и мекканцам развалины эти представлялись находящимися где-то в Аравии, в том же Северном Хиджазе, где виднелись руины набатейских и самудских зданий. Это (как и краткость упоминаний об «опрокинутых» в ранних аятах как о чем-то вполне известном и знакомом) показывает, что в Аравии времени Мухаммада существовало какое-то предание или хотя бы неясное знание об истории Содома и Гоморры.

Подробность коранических рассказов о Луте, сохранение в них многих библейских мотивов говорят о том, что в их сложении собственно иудейские и христианские предания сыграли значительную роль. Наричательное название погубленного города/городов «опрокинутые» — *аль-му'тафикат* является арабской передачей древнееврейского обозначения городов Лута ³. Совершенно очевидно, что иудейские библейские легенды на эту тему были известны в доисламской Аравии и были арабизированы, как легенда о Ное.

Многие детали библейского рассказа были добавлены в Коран, видимо, уже непосредственно из послебиблейских иудейских и христианских источников, дополнив арабизированное предание. Подчеркнутое указание на то, что жена Лута была уже заранее обречена на гибель, находит себе подтверждение в аггадических легендах. Согласно им, она была столь же распутна и злобна, как и другие жители города. Когда к Луту пришли ангелы, она побежала к соседям за солью, чтобы таким образом дать знать, что у Лута гости. Именно за это она была обращена в соляной столб ⁴.

Коранический рассказ хорошо передает и детали и настроение библейской легенды. Они повлияли и на соседние, аравийские легенды пророческого цикла. Однако это соседство увеличило масштабы фигуры Лута. Второстепенный персонаж, каким он был в Библии, Лут встал в Коране в один ряд с Ноем и Авраамом как пророк и посланник Аллаха.

Посланник к «владельцам рощи» — Шу'айб

«И к мадйанитам — брата их Шу'айба». Мадйан — арабийский народ, который Коран называет еще и *асхаб аль-айка* — «владельцы рощи» (или «леса»), «те, кто живет в роще» (или в «лесу»). Они не поверили пророку Шу'айбу, как не верили до них пророкам другие народы.

Шу'айб говорил мадйанитам, что он — посланник Аллаха, единственного божества, которому люди должны поклоняться. Шу'айб уверял, что ему не надо никакой награды, предостерегал от грядущего наказания. Он звал людей быть справедливыми и честными, соблюдать строгие правила в торговых делах дома и во время путешествий с караванами. «Полностью соблюдайте меру и вес. Не снижайте людям в их вещах» (7:85/83); «Не убавляйте меры и веса... Полностью соблюдайте верность в мере и весе, не причиняйте людям урона ни в чем и не ходите по земле, распространяя нечестие» (11:84/85—85/86); «Соблюдайте полностью меру и не будьте из числа недомеривающих. И взвешивайте верными весами, и не уменьшайте людям их вещей, и не ходите по земле, распространяя нечестие» (26:181—183).

Соотечественники сочли его очарованным простаком, не заслуживающим доверия лжецом. Они обвиняли Шу'айба в том, что он зовет их отказаться от веры отцов, от обычаев своего народа. Его упрекали, что он призывает «не поступать с нашим имуществом, как мы пожелаем» (11:87/89). Смысл этой фразы полностью не ясен, но речь идет о каких-то хозяйственных вопросах. Возможно, что имеется в виду призыв не давать имущество в долг под проценты. Мы знаем, что против этого резко выступал Мухаммад.

Мадйаниты угрожали Шу'айбу и всем, кто вместе с ним уверовал в Аллаха, что изгонят их из селения, если те не вернуться в прежнюю веру. Они укоряли Шу'айба за то, что он, человек «сдержанный, ведущий прямо» (т. е. вполне благонамеренный), учит таким вещам. Ему говорили, что для знати своего народа он опасности не представляет, ибо он «слаб» и не дорог им. Обещали, что забили бы его камнями, не защищай его род (или семья) — *рахт*.

Шу'айб отвечал, что, даже если бы он хотел, он не в силах отказаться от того, что проповедует. Это было бы предательством по отношению к Аллаху. Он объяснял, что

его сила не от рода, а от Аллаха. Мадйанитов Шу'айб призывал не нападать пока на него самого и его соратников, но подождать. Аллах рассудит, кто из них прав, а кто — нет. При этом он уточнял, что вовсе не ниспровергает все существующее, а лишь стремится к его исправлению, борется против искажений заветов Аллаха. Он звал одуматься и последовать за ним.

Знать же народа продолжала отвергать Шу'айба, уговаривала его сторонников, что следовать ему означает оказаться в убытке. Смеясь, ему предлагали вызвать обещанную кару: «Спусти же на нас кусок с неба, если ты говоришь правду» (26:187).

Шу'айб попросил своего Господа рассудить между ними, и кара настигла неверных: «Постигло их сотрясение», «воплъ» (7:91/89; 11:94/97). Пришло «повеление» Аллаха (11:94/97). Небо обрушилось на них в «день покрова» (*йаум аз-зулла*), «это было наказанием дня великого» (26:189). «Оказались они наутро в своих жилищах павшими ниц, точно никогда там и не жили» (11:94/97—95/98). Их постигла судьба самудяц, и, подобно селениям Лута, их селения видны на дороге, служа укором и напоминанием людям (15:75—77).

Шу'айб и верующие были спасены. Глядя на погибель, постигшую его народ, Шу'айб сказал: «Как же мне горевать о народе неверующем?!» (7:93/91) ¹.

Рассказ о Шу'айбе в большинстве своих вариантов является частью цикла историй о древних пророках. Их связывает общность сюжетов, идей, деталей и фраз, а также прямые отсылки к прошлому в речах Шу'айба. Он прямо предупреждает свой народ, что их может постигнуть то же, что случилось с сородичами Нуха, Худа, Салиха, Лута. Другая группа вариантов той же истории называет мадйанитов главным образом «владельцами рощи». Эти варианты представляют собой краткие упоминания в перечислениях погубленных народов. Напоминания об общеизвестной судьбе древнего народа постепенно дополняются объяснениями ее волей Аллаха, далее переходят в развернутый рассказ о том, что, как и почему произошло с мадйанитами.

В истории Шу'айба назван хорошо известный североаравийский народ. Однако в ней нет реалий и деталей, которые можно было бы уверенно возвести к действительным историческим событиям или к доисламскому преданию о мадйанитах. Почти все детали и мотивы рассказа укладываются в верхний, «мухаммадовский» слой

сказания, являясь параллелями к проповедям и делам мекканского пророка.

Призывы точно соблюдать меру и вес в торговле — тема обвинений в проповедях Мухаммада: «...выполняйте меру и вес по справедливости» (6:152/153); «И будьте верны в мере, когда отмериваете, и взвешивайте правильными весами» (17:35/37); «Горе обвешивающим, которые, когда отмеривают себе у людей, берут полностью, а когда мерят им или вешают, сбавляют!» (83:1—3; см. также 55:7/6—9/8).

Этот конкретный образ торговой честности смыслом, терминами, ассоциациями связан с идеей Судного дня. Тогда грехи и заслуги людей будут справедливо и точно взвешиваться. Отсюда и связь с *'адлем* («божественной справедливостью»), который уже в коранические времена стал одной из основ миропонимания ислама.

Рядом с рассуждениями о мерах и весах стоит и малопонятное предостережение о порче устроенных земель, видимо, о какой-то несправедливости в общине (7:85/83). В связи с рассказом о Луте я уже говорил о мотиве изгнания, присутствующем в жалобах Мухаммада в Коране, которые служили как бы оправданием хиджры. Сильно звучит этот мотив и в истории очередного его «двойника» — Шу'айба.

Борьбу мекканцев против Мухаммада, похоже, отразили аяты 11:91/93—92/94, где речь идет о том, что Шу'айба защищает его род (семья) и потому его не могут побить камнями, хотя следовало бы. Известно, что сторонников Мухаммада закидывали и отгоняли камнями. Его же от преследований спасало заступничество рода хашим и его главы — Абу Талиба. Именно смерть главы рода и ослабление родовой поддержки вынудили Мухаммада искать союзников вне Мекки, хотя и трудно ему было рвать привычные узы. Вполне в духе речей и настроений Мухаммада накануне хиджры звучит ответ Шу'айба: «Разве мой род дороже для вас, чем Аллах, и вы оставили его позади себя (в небрежении) за спящей» (11:92/94).

Мотив «исправления», а не отвержения традиций тоже является параллелью к проповеди Мухаммада. Резкое отрицание идолов и многобожия объявлялось Мухаммадом не новостью, а возвращением к изначальному, но забытому единобожию праотца Авраама-Ибрахима. Мухаммад как бы исправлял то, что исказили иудеи, христиане, язычники.

Некоторые фразы в проповеди Шу'айба, возможно, обращены к уверовавшим, которых он хотел и подбодрить и предостеречь против предательства новой веры (7:86/84—87/85)². Это тоже созвучно тому, что говорилось в Мекке.

Наконец, в рассказе о Шу'айбе присутствует и стандартный для всех пророческих рассказов «мухаммадовский» мотив. Это упрек пророку в том, что он всего лишь человек, и притом — лжец и сумасшедший (в Коране — «очарованный» — *мусаххар*). Стандартен и ответ, столь похожий на многие ответы Мухаммада: «О народ мой! Творите по своей возможности; я тоже буду делать, и потом вы узнаете, к кому придет наказание, унижающее его, и кто — лжец. Выжидайте же, я вместе с вами жду!» (11:93/95—96).

В речах Шу'айба упоминается слово, с которым связана поучительная и интересная эволюция одного из коранических понятий. Главной победой Мухаммада стало завоевание Мекки, из которой он был вынужден бежать. Это событие отражено в откровении, которым начинается сура «аль-Фатх» («Победа», 48): «Мы даровали тебе явную победу» (*инна фатахна лак фатхан мубинан*, 48:1). Поскольку эта победа была связана с войной и занятием территории, термин *фатх* в этом и в других аятах стал означать для арабов преимущественно военную победу и завоевание. Однако в Коране слово *фатх* и в 48-й, и в других сурах имеет иное значение — «окончательное решение спора». Об этом свидетельствуют коранические контексты, словари и употребление слова в древних южноаравийских надписях, где оно значит «судебное решение»³. И именно в этом, основном и главном для Корана значении употребляется корень *фатх* (в виде глагола *фатаха*) в рассказе о Шу'айбе. Им выражен стандартный для пророческих рассказов мотив — суд, решение божье между пророком и его народом. «Господи наш! Разреши между нами и нашим народом по истине, ведь Ты — лучший из решающих» (7:89/87). Это еще одно подтверждение того, что *фатх* (победа в Мекке) — прежде всего благоприятное для Мухаммада решение Аллаха, некоторая параллель наказаниям неверным в пророческих рассказах. Это наказание — мекканцам. Оно более мягкое, чем, например, у мадйанитов, потому что Мухаммад не отверг своих сородичей.

Мадйан (Мидйан) — территория на северо-западе Аравии, на побережье к югу от Синайского полуострова.

Мадйаниты и их поселения часто упоминаются в Ветхом завете, у античных географов⁴. В ветхозаветном сказании о Моисее пророк бежит из Египта в Мадйан-Мидйан (в рус. пер.— Мадиа́м), где встречается дочь местного священнослужителя Иофора и женится на ней (Исход 2:15—25). Коран тоже упоминает о пребывании Мусы-Моисея в Мадйане.

Поэтому комментаторы еще со средних веков часто отождествляли Шу'айба с Иофором. Однако никаких серьезных оснований для этого нет. Это совсем разные персонажи. В кораническом рассказе о Шу'айбе нет никаких мотивов, увязывающих его с историей Мусы. Просто одна и та же часть Аравии фигурирует в двух рассказах разного происхождения.

Имя Шу'айб исследователи пытались объяснить как искажение второй части библейского топонима Бе'ер Шеба (Вирсавия), где *бе'ер* — колодец, у которого Моисей (по Библии) встретился с дочерью Иофора⁵.

Перед нами характерный пример натяжек и домыслов, к которым часто приходится прибегать, если стремиться обязательно и прямо привязать все коранические сюжеты и мотивы к библейским и послебиблейским текстам. Между тем имя Шу'айб является весьма распространенной в арабской ономастике уменьшительной формой. Такого типа имен в арабском языке много, одно из самых распространенных — Зубайр. В древних аравийских (сафских) надписях из Северной Аравии оно встречается в своей основной форме: Ш'б — Ша'иб⁶.

Это имя, как и имена других аравийских пророков, могло появиться в известном сюжете с безымянным героем в качестве дополнительного эпитета. Одно из значений корня *ш'б*, к которому восходит имя, — «соединить», «скрепить», «исправить». Это похоже на смысл имени другого пророка — Салиха («исправляющий») и перекликается с *ислах* — «исправлением», провозглашенным в качестве одной из целей проповеди Шу'айба (11:88/90)⁷. Эти рассуждения показывают, что в аравийской среде имя было значимым и, вероятнее всего, именно в этой среде и родилось до Корана или, что не исключено, в ходе его творения.

У мадйанитов в Коране есть прозвище *асхаб ал-айка* — «владельцы рощи», «обитатели рощи». Оно, конечно, может быть связано с множеством упоминаний рощ, лесов и деревьев в Библии и послебиблейских текстах, к примеру тамарисков, которые Авраам сажал око-

ло Бе'ер Шебы (Бытие 21:33). Однако нет ничего необыкновенного в том, что мадйанитов называли «обитателями рощи» в Хиджазе. Рощи небольших полупустынных деревьев — характерная черта пейзажа Северного Хиджаза в древности. (Сейчас эти деревья почти полностью истреблены человеком.) Напомним хотя бы текст из библейского пророчества Исаии, говорящий об аравийском лесе около Дедана в Северном Хиджазе: «В лесе Аравийском ночуйте, караваны Деданские!» (Исаия, 21:13).

Однако этим почти исчерпываются аравийские реалии в кораническом рассказе. В нем нет прямых следов аравийского сказания, переработанного Кораном. Нет в нем и ясно различимых следов внеаравийского сказания. Все детали находят себе ближайшие параллели в речах и делах Мухаммада и созданы вместе с Кораном.

Исходным же моментом послужило, наверное, не предание, а лишь смутная память о гибели мадйанитов, «владельцев леса». Как и в других случаях, она могла быть связана с гибелью оседлой культуры набатейского круга. Однако она могла быть отзвуком и более дальних событий — возможно даже, памятью о знаменитых североаравийских походах вавилонского царя Набонида в VI в. до н. э.

Есть в Коране еще один короткий рассказ — о том, как жители некоего города были наказаны за нежелание поверить сразу трем посланникам Аллаха (36:13/12—29/28). Имена их не названы. Аллах приказывает Мухаммаду привести их историю примером для тех, кто не желает слушать благочестивые призывы (Мухаммада).

В одно селение (город) Аллах направил двух посланников. Их не хотели слушать, и на помощь отправился третий. Жители города, видя перед собой обыкновенных людей, не верили, что их послал Бог. Они гадали о них по птицам, сочли их приход дурным предзнаменованием, грозили побить их камнями.

Только один человек с окраины города поверил им и стал уговаривать соотечественников послушать людей, которые не просят награды. Он говорил, что сам уверовал, звал последовать его примеру. Все было напрасно. Тогда Аллах уничтожил «воплем» этот город, а благочестивому было сказано: «Войди в рай!»

История эта построена так же, как и остальные истории о пророках. Есть проповедь, отказ верить, и есть полное уничтожение в наказание. Есть тут и характерные детали, присутствующие в спорах большинства пророков с неверующими (в том числе в спорах Мухаммада с мекканцами), — нежелание верить простому человеку, угроза побить камнями, гадание на птицах (как в истории Салиха). Прибежавший с окраины человек есть в истории Мусы. Там он предупреждает будущего пророка о грозящей его жизни опасности.

Стандартный коранический рассказ тем не менее имеет и детали (прежде всего — трех посланников), позволяющие считать, что кораническую форму получило предание, восходящее к Деяниям святых Апостолов⁸.

Итак, в нарочито аналогичные и назидательные повествования-угрозы в Коране превращены ветхозаветные, новозаветные и собственно арабийские сказания.

Их суть, кораническую мораль и философию истории провозглашает особо отрывок, завершающий в суре «Преграды» («аль-А'раф») серию повествований о Нухе, Худе, Салихе, Луте и Шу'айбе (7:94/92—101/99):

«Мы не посылали в селение никакого пророка без того, чтобы не поразить обитателей его бедствием и несчастьем, — может быть, они смирятся!

Потом Мы заменяли (им) зло благом, так что они успокаивались и говорили: „Постигали и отцов наших беда и счастье“. Мы схватывали их внезапно, так что они и не знали!

И если бы обитатели селений уверовали и боялись Бога, Мы открыли бы им благословение неба и земли. Но они сочли ложью, и Мы схватили их за то, что они приобрели!

Разве обитатели городов были уверены, что к ним не придет Наша ярость ночью, когда они спят?

Разве ж были уверены жители городов, что не придет к ним Наша ярость утром, когда они забавляются?

Разве же они в безопасности от хитрости Аллаха? В безопасности от хитрости Аллаха — только люди, потерпевшие убыток!

Разве не показал Он тем, которые унаследовали землю после ее обитателей, что если бы Мы желали, то могли бы поразить их за их грехи и запечатать их сердца, так что они не слышат?

Об этих селениях Мы рассказываем тебе известия. Приходили к ним их посланцы с ясными знамениями, но

они не таковы были, чтобы уверовать в то, что раньше считали ложью. Так запечатывает Аллах сердца неверных».

Это предостережение обращено к мекканцам, очередным гордецам, не желающим слушаться посланника Аллаха. Им грозят карой, но завершается угроза важной для общего миропонимания Корана фразой о том, что даже это неверие и непослушание — не свобода воли человека, а результат решения и воли Аллаха. Он «запечатал их сердца», помешав им внять словам пророка.

« ДРУГ АЛЛАХА » ИБРАХИМ

Ибрахим, библейский Авраам, — одна из главных фигур в Коране. Он и упоминается чаще других, за исключением, пожалуй, только Мусы-Моисея. Ибрахима называют пророком, мусульманином, ханифом, «другом Аллаха»; считается, что ему было ниспослано писание — «свитки Ибрахима» (*сухуф Ибрахим*).

Ибрахим юношей жил среди народа, поклонявшегося идолам. Он рано понял, что идолы — никакие не божества, что они не способны принести ни вреда, ни пользы. Тогда он стал искать истинных богов в звездах, луне, солнце, но и в них разочаровался, увидев, что, взойдя, они заходят. Тогда ему было откровение, что есть только один единственный и настоящий бог — Аллах, творец всего сущего, господин небес и земли, господин миров, Милостивый. Самому же Ибрахиму было объявлено, что он избран быть пророком Аллаха и его посланником к людям.

Тогда Ибрахим пришел к своему отцу Азару и к народу и объявил, что поклоняться идолам бесполезно, что предки верили неправильно. Надо оглядеться вокруг и понять, что поклонения достоин только тот, кто сотворил все. Это и есть Аллах. Не веря в него, человек вступает в союз с Шайтаном и понесет наказание в Судный день.

Отец юноши и все люди осудили его за измену традициям, угрожали побить камнями. Однажды, сославшись на расположение звезд, Ибрахим объявил себя больным и не пошел вместе с остальными на праздник (или на ярмарку). Пробравшись в храм, где находились идолы, он разбил их всех, кроме самого главного.

Когда люди вернулись и стали обвинять в происшедшем Ибрахима, он предложил им спросить главного идо-

ла о том, что произошло. Они возразили, что идола не говорят. Ибрахим же стал снова упрекать их: как же можно поклоняться вещам, которые не могут даже говорить?!

Ибрахим спорил потом с каким-то важным лицом, возможно царем: «Разве ты не видел того, кто препирался с Ибрахимом о Господе его за то, что Аллах дал ему власть? Вот сказал Ибрахим: „Господь мой — тот, который оживляет и умерщвляет“ Сказал он: „Я оживляю и умерщвляю“. Сказал Ибрахим: „Вот Аллах выводит солнце с востока, выведи же его с запада“. И смущен был тот, который не верил. Аллах ведь не ведет прямо людей неправедных!» (2:258/260).

Эти аяты вдохновили Пушкина:

С тобою древле, о всеильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

Народ требовал наказать Ибрахима. Его решили сжечь в огненной печи. Однако Аллах спас пророка: «О огонь, будь прохладой и миром для Ибрахима!» (21:69). Вместе со своим родичем Лутом, который тоже поверил в Аллаха, Ибрахим бежал с родины в землю, которую Бог «благословил для миров» (т. е. в «землю обетованную»). Там ему было даровано потомство, в котором, начиная с сыновей — Исхака и Исма'ила, было много пророков.

Однажды в дом к Ибрахиму зашли незнакомцы. Он приготовил им угощение — жирного ягненка. Вдруг он увидел, что пальцы гостей не касаются еды, и его обуял страх. Пришельцы, однако, его успокоили, объяснив, что они — посланцы Аллаха, т. е. ангелы. Они сообщили Ибрахиму радостную весть — у него родится мудрый мальчик. Услышав об этом, жена Ибрахима стала громко

смеяться, ведь она — «старуха бесплодная», да и он — старик. Ангелы же напомнили Ибрахиму, что все — во власти Аллаха, и подтвердили, что родится сын Исхак, у которого будет большое и знаменитое потомство.

Потом они рассказали, что идут в город, где живет Лут. Аллах приказал уничтожить его нечестивых жителей. Ибрахим стал просить о снисхождении к народу Лута или хотя бы к самому Луту. Ангелы объявили, что решение Аллаха неотвратимо, но праведник Лут вместе с семьей (за исключением жены) будет непременно спасен.

Как-то во сне Ибрахим увидел, что приносит в жертву своего сына, «кроткого юношу». Он понял, что сон — приказ совершить такое жертвоприношение, и сказал об этом мальчику:

«„Сынок мой, вижу я во сне, что закалываю тебя в жертву, и посмотри, что ты думаешь“».

Он сказал: „Отец мой, делай, что тебе приказано; ты найдешь меня, если пожелает Аллах, терпеливым“» (37:102/101—102).

Когда Ибрахим приготовился принести жертву, положив мальчика ниц («поверг его на лоб»), Аллах объявил, что приказ, посланный в сновидении, выполнен и «явное испытание» закончено (37:103—107).

Имя сына в этом рассказе не названо, но сразу после него идет речь о рождении Исхака-Исаака. Таким образом, контекст давал возможность считать, что это происходило до его рождения и «кроткий юноша» — старший сын Ибрахима, Исма'иль. Именно такое отождествление стало популярным, а затем и общепринятым у комментаторов Корана. Исма'иль, легендарный предок арабов, часто упоминается в Коране как пророк. К примеру, он назван однажды в списке древних пророков между Мусой и Идрисом: «И вспомни в книге Исма'ила: поистине, он был правдив в обещанном и был посланником, пророком. Он приказывал своей семье молитву и милостыню и был у Господа своего угодным» (19:54/55—55/56).

Как-то Ибрахим попросил Аллаха показать ему, как он оживляет мертвых, чтобы «сердце мое успокоилось», хотя он и верил. Ему было тогда приказано взять четырех птиц, умертвить их и разбросать части их тел вперемешку на четырех горах. По зову Ибрахима (и по воле Аллаха) они воскресли и прилетели к нему живыми.

Аллах поручил Ибрахиму заботу об аль-Ка'бе, древнейшем храме, «Доме Аллаха», воздвигнутом для людей.

Он приказал ему и его сыну Исма'илу очистить храм, заповедал, чтобы вошедший туда находился в безопасности, чтобы люди обходили его по кругу, кланялись, падали там ниц. Отец с сыном воздвигли (или восстановили) основы Дома. Местом моления был сделан участок земли, на котором стоял, работая, Ибрахим (*макам Ибрахим*; сейчас так называется камень, где якобы есть след его ступни). По его просьбе Аллах облагодетельствовал Мекку, выделив ее и ее жителей из всех людей. Хаджж — паломничество к Дому — стал обязательным для всех людей, кто был в состоянии его совершить. Ибрахим установил ритуал этого паломничества. Согласно молитвам Ибрахима, в этом городе, где находится Дом, должен был появиться посланник, призванный воскресить истинную веру, религию Ибрахима (2:125/119—129/123).

Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином, ведь Тора и Евангелие были ниспосланы после него. Не был он и многобожником. Он был ханифом, т. е. человеком, отвергшим идолов, исповедовавшим *миллат Ибрахим* — «религию Ибрахима», истинное и исконное единобожие. Ислам — тоже миллат Ибрахим, тоже ханифская вера. Ибрахим был первым, кто *аслама* (в общем значении — «предался Аллаху», в более позднем, мусульманском, — «принял ислам») ¹.

«Друг Аллаха» (*халил Аллах* — это стало устойчивым прозвищем Ибрахима в исламе) связан с Мухаммадом прежде всего тем, что он предсказал появление мекканского пророка, первым установил правила поклонения аль-Ка'бе как храму единого и единственного божества, Аллаха, творца и господина миров.

Подобно тому как это сделал потом Мухаммад, Ибрахим очистил аль-Ка'бу (от идолов), восстановил ее после поруганий и разрушений. Ибрахим не просто «двойник» Мухаммада. Он — великий первоучитель истинной религии, которую Мухаммад призван восстановить. Весь ислам, как его доктрина, так и его ритуал, объявлялись, по сути, происходящими из времен Ибрахима, освящались его авторитетом. В этом был один из главных элементов коранической проповеди и один из факторов, обеспечивших ее успех. Новое учение, как бы разрушавшее и отвергавшее веру отцов, оказывалось при этом истинной верой «праотцов». Обычная для всех религий диалектическая увязка новизны и традиции сыграла немалую роль в том, что ислам был принят арабийцами и победил не только язычество, но и иудаизм с христианством.

В коранической истории Ибрахима настойчиво звучит мотив разрыва с верой отцов. Здесь он принимает более конкретную и драматическую форму, чем в рассказах о других пророках. Ибрахим порывает не просто с традициями отцов, но и с родным отцом. Это подчеркнуто и тем, что Коран даже называет его имя. Постоянно повторяется фраза: «Вот сказал он своему отцу и своему народу» (21:52/53; 26:70; 37:85/83; 43:26/25 и др.). Именно отец хочет его изгнать, угрожает побить камнями. Об этом грешном отце Ибрахим молит потом Аллаха, заступает за него, имея в виду будущий Суд. Восстание против своих семей, рода, конфликты с отцами были частыми в жизни первых мусульман, составляли одну из главных сложностей их жизни. Пример Ибрахима должен был их поддержать и подбодрить.

Мы знаем, что призванию Мухаммада в качестве пророка предшествовали какие-то размышления и искания. Некоторое представление о них, как мне кажется, дает трогательный рассказ о том, как Ибрахим разочаровался в идолах и стал искать себе иных богов, как он отверг поклонение звездам, луне и солнцу и уверовал в их творца — Аллаха. Именно коранический рассказ может помочь нам увидеть то, что происходило в душе Мухаммада.

«И когда покрыла его ночь, он увидел звезду и сказал: „Это — Господь мой!“ Когда же она закатилась, он сказал: „Не люблю я закатывающихся“.

Когда он увидел месяц восходящим, он сказал: „Это — Господь мой!“ Когда же тот зашел, он сказал: „Если господь мой меня не выведет на прямой путь, я буду из людей заблудившихся“.

Когда же он увидел солнце восходящим, то сказал: „Это — Господь мой, он — больший!“ Когда же оно зашло, он сказал: „О народ мой! Я непричастен к тому, что вы придаете Ему в сотоварищи.

Я обратил лицо свое к тому, кто сотворил небеса и землю, поклоняясь Ему чисто, и я — не из многобожников“» (6:76—79).

Проповедь Ибрахима своему народу параллельна той части проповеди Мухаммада, которая менее всего отразилась в анализированных выше рассказах о пророках и катастрофах. Это гневное осуждение идолов, попытка их уничтожить, доказать их бессилие и бесполезность. Такая прямая и резкая борьба с верованиями окружающих была одной из ярких сторон деятельности Мухамма-

да. Именно она в первую очередь вызывала противодействие и осуждение. Мухаммад же подкреплял свои обличения тем, что так же поступал Ибрахим. Он как бы повторял аргументы первого монотеиста.

Европейская наука реконструировала схему эволюции образа Ибрахима в Коране от библейского персонажа, никак не связанного с Аравией, к патриарху — строителю аль-Ка'бы. Согласно этой реконструкции, мотивы связи Ибрахима с Меккой появились только в Медине и были порождены полемикой пророка с иудеями, явились результатом его разрыва с ними ².

Это и верно и неверно. Эволюция образа от библейского героя — борца с идолами — к предшественнику Мухаммада и зачинателю мусульманского учения и культа в Коране, несомненно, есть. Исключительное значение для Мухаммада и мусульман Ибрахим приобрел действительно в Медине, когда новая религия осознала себя как нечто особое, отличное от окружавших ее вероучений, превосходящее их. Но эту эволюцию было бы слишком просто объяснять как прямой результат постепенного приобретения Мухаммадом новых знаний от иудеев и введения новых доказательств в борьбе с ними.

Основные элементы рассказа были известны еще до Медины, но в разное время акценты ставились на разные моменты. Идея о связях Ибрахима-Авраама с Аравией не была большим новшеством. Предание о нем было известно в Аравии, хотя мы мало знаем о том, как именно его представляли себе арабские — иудеи, христиане и язычники.

Ибрахим упоминается, хотя и не часто, в доисламских стихах. Само имя встречается в арабских генеалогиях и в североаравийских надписях ³. Характер коранических рассказов тоже предполагает в Ибрахиме достаточно известную слушателям фигуру, о которой рассказывают подробно не самые известные, но важные — как параллель Мухаммаду — эпизоды.

В Аравии и до Мухаммада были люди, которые верили в единого Бога, не будучи при этом иудеями или христианами, — так называемые ханифы, благочестивые люди, отказавшиеся поклоняться идолам, хотя и не мешающие другим это делать. Они верили в единственного и единого Бога, но к какой-либо организованной религии не примыкали ⁴. Именно ханифом называет Мухаммад Ибрахима. Его вера, как и вера Мухаммада, называется ханифской. Есть веские основания считать, что в некоторых

местах Корана, там, где сейчас стоит слово *ислам*, первоначально стояло *ханифийа* (ханифство) ⁵.

В Южной Аравии в V—VI вв. под влиянием крупных монотеистических религий и в результате развития собственно йеменской религиозной системы появилось свое, не очень четкое монотеистическое учение, чем-то сходное с внутриаравийским ханифством. Одним из внешних признаков этого монотеизма, отраженным в древнейеменских надписях, были имена божества. Они такие же, как и те, что встречаются в рассказе об Ибрахиме. Это, во-первых, «Господь небес и земли» (21:56/57). При этом в Коране подчеркнуто, что Господь Ибрахи́ма — именно творец небес и земли. Он не солнце, не луна, не звезды, с которыми обычно отождествлялись божества домонотеистического пантеона йеменцев. Во-вторых, Бог Ибрахи́ма — Рахман (Милостивый) [19:44/45, 45/46; ср.: Коран (Крачковский) — Милосердный]. Это одно из самых распространенных названий божества в йеменских единобожеских надписях. Что же касается прозвища Ибрахи́ма *халил Аллах*, то оно встречается в аравийской среде накануне ислама, в стихах, приписываемых иудею Самав'алу (VI в.) и мекканцу-христианину Вараке б. Науфалу ⁶.

Все это показывает, что коранический Ибрахим не прямо восходит к библейскому Аврааму. Детали и черты коранического рассказа находят себе параллели и корни в среде предисламской Аравии. К аравийскому бытованию представлений, а может быть, и цикла об Аврааме могут восходить некоторые мотивы коранической истории, которым не находится прямых источников в Ветхом завете и послебиблейской литературе.

Патриархально настроенным аравийцам был близок настойчиво повторяемый Кораном мотив о даровании Ибрахиму обильного и славного потомства. По происхождению он, конечно, библейский, присутствует в истории о ветхозаветной троице и в звездном знамении о будущем потомстве Авраама (Бытие 15:5). Однако в Коране он выделен особенно и нарочито, повторяется почти в каждом эпизоде, связанном с Ибрахимом, как главное доказательство того, что Аллах к нему благосклонен. Часто повторяется, что Аллах даровал Ибрахиму Исхака-Исаака и Йа'куба-Иакова.

Это упоминание в востоковедной литературе считают иногда доказательством того, что в мекканский период (к которому относятся эти аяты) Мухаммад не знал, что

Иаков сын, а не брат Исаака. Якобы только в Медине, от иудеев, ему стало известно, что Исмаиль, которого он знал как некую отдельную фигуру, и есть второй сын Ибраhима. Это можно было бы счесть еще одним указанием на существование аравийского внеиудейского сказания об Ибраhиме. Иудеи в таком вопросе ошибаться не могли. Однако коранический текст на самом деле не дает оснований говорить об ошибке. Исхак и Иа'куб не называются там сыновьями Ибраhима. Речь идет о даровании потомства, а именно Исхака, Иа'куба и прочих поколений. Сын и внук олицетворяют собой два первых поколения, показывают, что потомство стало действительно долгим, а не закончилось на рожденном в глубокой старости сыне.

Что же касается Исма'ила, то к нему особое внимание действительно обращается позже, когда уже в Медине Мухаммад стал подробно рассказывать об участии Ибраhима и Исма'ила в восстановлении (или строительстве) аль-Ка'бы. Сам этот сюжет, конечно, тенденциозен и открыто связан с известной переориентацией Мухаммада, когда, не найдя поддержки ни у христиан, ни у иудеев, пророк стал особо подчеркивать аравийские связи ислама, особую роль мекканской святыни. Однако еще в мекканских аятах видны представления о какой-то особой связи Ибраhима с Меккой и с курайшитами (см., например, 14:35/38: «Вот сказал Ибраhим: „Господи! Сделай этот град безопасным и отдали меня и моих детей, чтобы мы (не) поклонялись идолам“»); мекканцы называются «потомством» Ибраhима, см. 14:37/40). В мекканских же аятах уже идет речь об Ибраhиме как о ханифе (16:120/121; 6:161/162). Представление о связи Ибраhима с Аравией вполне могло существовать на полуострове до Мухаммада, в частности, как местное развитие того круга преданий, который отразился в кумранском тексте апокрифического варианта книги Бытия, где говорится о дальних путешествиях Авраама на юг⁷. Этот мотив мог получить, подобно многим другим, развитие в преданиях иудеев, поселившихся в Аравии, а затем воспринят и развит уже неиудейскими жителями полуострова⁸.

В важнейшем эпизоде коранического цикла об Ибраhиме, в рассказе о жертвоприношении сына, имя «кроткого юноши» не названо. Комментаторы расходятся во мнении, кем же был этот сын, но отдают предпочтение Исма'илу. Характер контекста, в частности упоминание о рождении Исхака после изложения истории жертвоприношения, подтверждает такую трактовку. Имя Исма-

‘ила, как отмечалось, было известно в Аравии и вне связи с циклом Ибраhима, о чем свидетельствуют упоминания о нем как о благочестивом и древнем человеке уже в мекканских аятах. В библейской традиции Исма‘иль считался предком арабов. Благодаря этому, видимо, имя его стало известно жителям Аравии еще прежде собственно истории Авраама. Селившиеся в Аравии иудеи и христиане, конечно же, в первую очередь объясняли своим соседям-язычникам, чьими потомками они, по их мнению, являются.

Близкие параллели и созвучия многим кораническим эпизодам обнаруживаются в апокрифических сочинениях, таких, как Апокалипсис Авраама, Книга юбилеев. Среди них — ссоры с отцом, уничтожение идолов и сохранение главного, строительство некоего дома⁹. Эти сочинения отражали круг сказаний, бытовавших главным образом в христианской среде. С другой стороны, многие мотивы коранической проповеди, например приказ нечестивому царю поднять солнце с запада, некоторые детали посещения ангелов и т. д., зафиксированы в талмудической литературе, бытовали среди иудеев.

Таким образом, источники для формирования коранического рассказа были разнообразны: собственно библейские сказания, от которых сохранились основные эпизоды и общее глубокое почитание патриарха; предания иудеев и христиан, разработавшие многие красочные детали; аравийские представления об Аврааме, видимо связывавшие его с Аравией; возможно, представления ханифов, видевших в нем своего предка-учителя.

Весь этот материал был искусно обработан Кораном в нескольких основных направлениях. Образ Ибраhима послужил для того, чтобы придать неспровергающему традиции учению Мухаммада респектабельность древней, но забытой веры. Он же служил для объяснения родства ислама с иудаизмом и христианством. Особое возвеличение Ибраhима помогло и отделению ислама от этих двух родственннх религий. Ибраhим стал и связующим звеном между исламом и аравийской традицией, как восстановитель аль-Ка‘бы и учредитель хаджжа. В его образе слились и общемонотеистические, и специфично аравийские черты ислама.

Сыновья Ибраhима Исма‘иль и Исхак не раз упоминаются в Коране, но с ними не связываются особые повествовательные сюжеты.

Сын Исхака Йа'куб называется и по своему имени, и по прозвищу — Исра'иль (обычно в составе названия его потомков — бану Исра'иль, «дети Исра'ила»). В суре «Семья 'Имрана» («Аль 'Имран») сказано: «Всякая пища была дозволена сынам Исра'ила, кроме того, что запретил Исра'иль себе раньше, чем была ниспослана Тора» (3:93/87). Имеется в виду библейский рассказ, согласно которому иудеям было запрещено употребление в пищу жил бедра в память о том, как Иаков повредил себе бедро в борьбе с ангелом (Бытие 32:32): «Поэтому и доныне сыны Израилевы не едят жилы вертлюжей, которая на суставе бедра, потому что (Тот) коснулся жилы вертлюжей на суставе бедра Иакова».

Такая отсылка к библейскому тексту характерна. Коран хочет тут, как и в других местах, показать, что пищевые запреты иудеев не ниспосланы им в божественном откровении, а изобретены ими самими или возложены на них как наказание¹⁰.

В одном случае, видимо, есть намек на историю соперничества Иакова и его брата Исав: «...а в потомстве их — удачливый и явно повредивший самому себе» (т. е. Исав) (37:113)¹¹. Престарелый Иаков часто фигурирует в кораническом рассказе об Иосифе-Йусуфе.

ПРЕКРАСНЫЙ РАССКАЗ О КРАСАВЦЕ ЙУСУФЕ

История о Йусуфе сыне Па'куба (Иосифе сыне Иакова) занимает в Коране особое место, выделяясь по стилю и настроению среди других рассказов о пророках и праведниках. Ей посвящена полностью целая сура, так и называемая — «Йусуф» (12). Как один из пророков Аллаха Йусуф упоминается в Коране еще только два раза (6:84; 40:34/36).

Рассказ очень подробен, излагает всю историю от начала и до конца, а не отдельными эпизодами. Он четко оформлен композиционно, начинаясь с сообщения о сне Йусуфа и кончаясь напоминанием о нем, поскольку предсказание, содержащееся в сне, свершилось. В рассказе много увлекательных деталей и красивых эпизодов, он весь выдержан в едином ритме и практически в единой рифме и представляет собой единое художественное целое. Своим внешним оформлением история о Йусуфе более других повествовательных частей Корана похожа на рассказ, призванный развлечь слушателей, доставить им удовольствие.

Кораническая история Йусуфа более, чем другие коранические сказания, оказывается ярким образцом художественных возможностей арабского языка. Сура, названная «Йусуф», вполне заслуженно начинается со знаменитой фразы об арабском языке как языке Корана: «Алиф, лам, ра. Это — знамения Книги ясной. Мы ниспослали ее в виде арабского Корана — может быть, вы уразумете!» (12:1—2).

Согласно одному преданию, слушатели предложили Мухаммаду рассказать им интересную историю (*кисса*)

вместо поучений. В ответ на это последовало откровение о том, что рассказываемое в Коране — лучшие из возможных рассказов: «Мы рассказываем тебе самые лучшие истории, внушив тебе этот Коран» (12:3)¹. Далее, то ли по воле собирателей Корана, то ли по воле самого Мухаммада, идет доказательство этого. Излагается трогательная, красивая и вместе с тем назидательная история о Йусуфе.

Красота этого рассказа иногда смущала особенно строгих ревнителей ислама². Она же вдохновляла поэтов и писателей мусульманского мира. Неисчислимы художественные произведения на множестве языков, посвященные Йусуфу и Зулейке. Последнее имя — жены египетского вельможи — появилось уже позднее, в Коране она безымянна.

Однако упрекать историю о Йусуфе в несерьезности нет никаких оснований. Как и другие коранические рассказы, она насыщена внутренним смыслом, который составляет стержень повествования. Это история не столько о Йусуфе, сколько о могуществе Аллаха, о том, как причудливо, но неумолимо воплощается в жизнь предначертанное Богом. Жизнь Йусуфа с самого начала имела свою цель, о которой знал только Аллах. Эта цель — возвышение пророка через страдания и забвение — была, конечно, достигнута. Вся же история стала наглядным назиданием людям — «пути Господни неисповедимы».

Рассказ о Йусуфе начинается с того, что мальчик передает своему отцу Йа'кубу содержание виденного им сна. Ему в видении поклонялись одиннадцать звезд, солнце и луна. Отец понял, что сыну предначертана особая судьба. Аллах даст ему знание глубинной сути событий, а история его будущей жизни станет примером для людей. Он просит сына не рассказывать о сне старшим братьям, чтобы не возбудить в них зависть. Братья же действительно и без того недовольны Йусуфом, жалуются друг другу, что отец любит их меньше, чем его. Они решают избавиться от мальчика — убить или отослать в дальние страны, чтобы отец о нем забыл. Тогда, полагают они, можно будет жить спокойно и праведно. Один из братьев предлагает бросить Йусуфа в колодец, чтобы его подобрали проходящие мимо.

Братья сумели уговорить осторожного Йа'куба, чтобы он отпустил мальчика с ними в пустыню, поиграть там, пока они будут пасти скот. В пустыне они бросили брата в колодец, а сами пришли к отцу, принеся окровавленную рубашку Йусуфа. Они объявили, что не уследили за

мальчиком и его сожрал волк, пока они бегали наперегонки.

Мимо колодца тем временем шел караван, от которого послали человека зачерпнуть ведром воды. Он обнаружил Йусуфа, и торговцы увезли мальчика с собой в Египет, где продали его «за малую цену отсчитанных дирхемов» (12:20).

Купивший Йусуфа египетский вельможа поручил его своей жене, думая воспитать его как сына. Она же воспылала к юноше любовью и попыталась его совратить. Он тоже увлекся ею. Однако Аллах постоянно следил за тем, что происходит с Йусуфом. Он открыл ему греховность создавшейся ситуации, юноша понял и бросился бежать. Жена вельможи кинулась за ним, схватила за рубаху и порвала ее сзади.

У двери им встретился хозяин дома, перед которым жена стала обвинять Йусуфа. Тот оправдывался: «Она соблазнила меня». Некто из домочадцев заметил, что если рубаха порвана спереди, то Йусуф лжет, но если сзади — то он говорит правду. Хозяин увидел, что рубаха разорвана сзади, обвинил жену в проступке и потребовал от нее покаяния.

Тем временем женщины города стали судачить о том, что жена вельможи влюбилась в юношу-раба, и осуждали ее. Тогда она позвала их к себе, удобно усадила, дала каждой в руки нож (чтобы резать фрукты) и приказала Йусуфу пройти перед ними. Все присутствующие были настолько поражены красотой юноши, что порезали себе от волнения руки, восклицая, что он — «благородный апел» (12:31).

Йусуф же молил Аллаха помочь ему устоять перед соблазнами хотя бы ценой заключения в темницу. Аллах дал ему силы перетерпеть все. В темницу он тоже попал. В Коране нет точного указания на причину заключения. Иногда предполагается, что его заточили, чтобы он красотой своей не смущал женщин. Впрочем, рассказ нарочито не стремится объяснить каждую деталь. Внешняя причина не важна. Просто Аллах так решил, продолжая испытывать Йусуфа и вести его жизнь намеченным путем.

В заключении вместе с Йусуфом оказались два человека, поведавшие ему свои сны и попросившие их объяснить. Одному снилось, что он выжимает виноград, другому — что он несет на голове хлеб, который едят птицы. Йусуф взялся эти сны истолковывать, говоря, что Аллах

даровал ему способность к толкованию скрытого смысла. Первому узнику он пообещал, что тот будет поить вином своего господина (т. е. фараона), и просил напомнить при случае царю о нем, Йусуфе. Второму же предрек, что его распнут, и птицы будут клевать ему голову.

Освобожденного Шайтан заставил забыть о просьбе Йусуфа. Однажды царь увидел странный сон, который его вельможи не смогли истолковать. Во сне царя семь тощих коров поедали семь тучных, и было там семь зеленых и семь сухих колосьев. Тут виночерпий вспомнил о Йусуфе, и тот легко истолковал сон: после семи благополучных лет наступит семь неурожайных. Поэтому надо в хорошее время сделать запасы, которые спасут народ от голода. Затем снова придет год с обильными дождями и урожаями.

Узнав о толковании, царь потребовал привести к нему Йусуфа, который попросил сначала напомнить об истории с женщинами, порезавшими руки. Было начато разбирательство, и невиновность Йусуфа была вновь подтверждена признанием жены вельможи. Юноша был призван к царю, выказавшему ему доверие и уважение, и по собственной просьбе назначен управлять царскими хранилищами. Эта часть рассказа заканчивается очередной сентенцией от имени Аллаха, что он милостив к тому, к кому захочет, и что «так утвердили Мы Йусуфа на этой земле».

Однажды в Египте появились по торговым делам братья Йусуфа. Они его не признали, но он их узнал. После завершения ими продажи и покупок он потребовал, чтобы в следующий раз они привезли с собой младшего брата. В противном случае он угрожал отказом от выгодного торгового обмена. По приказу Йусуфа в поклажу братьев были тайно возвращены те товары, которые они продали в Египте.

Дома братья стали уговаривать старика Йа'куба отпустить с ними младшего брата. Отец отказывался, напоминая о том, как они не уберегли Йусуфа. Тем временем во вьюках обнаружили товары, отвезенные в Египет, и братья стали соблазнять отца возможностями выгодной торговли. Он наконец согласился, поставив условием, чтобы они не возвращались домой без младшего. Сыновья поклялись ему в этом. Он же дал им совет: въехать в Египет через разные «ворота».

В Египте Йусуф радостно принял брата, открылся ему и предупредил: не отчаиваться, что бы ни случилось. Тем временем по приказу Йусуфа в поклажу сыновей

Йа'куба, а именно во вьюки младшего брата, была подложена чаша из царского имущества. Царские слуги задержали караван и стали его обыскивать. Чашу нашли, младшего брата задержали в Египте.

Братья поверили в его преступление и, хотя помнили о клятве отцу без него не возвращаться, отправились домой. Они рассказали отцу о том, как не уберегли второго его сына, уверяли, что тот действительно украл. Йа'куб же, наставленный Аллахом, понял, что эти события как-то связаны с Йусуфом, в гибель которого он не верил. Он приказал сыновьям вернуться в Египет и разузнать все о Йусуфе и о другом брате.

Они пришли к Йусуфу молить отпустить брата. Йусуф открылся им и приказал отправиться домой, привезти своих престарелых родителей. Он дал им свою рубашку, чтобы они накинули ее на лицо слепому отцу, и он прозреет.

Еще до их возвращения Йа'куб понял, что они несут ему весть о живом Йусуфе. Рубашка сына вернула ему зрение.

Сыновья попросили прощения за свои преступления, и все вместе они отправились в Египет. Йусуф простил братьев, а родителей возвел к себе на престол и сказал павшему ниц отцу: «О мой отец! Это — толкование моего сна прежде. Аллах сделал его истиной и оказал мне милость, когда вывел меня из темницы и привел вас из пустыни, после того как Шайтан [ср.: Коран (Крачковский) — Сатана] устроил ссору между мной и моими братьями. Ведь Господь мой благосклонен к чему захочет. Поистине, Он — знающий, мудрый» (12:100/101).

Сразу после завершения собственно рассказа следует группа аятов, как бы резюмирующих (опять же по воле Мухаммада или по желанию собирателей Корана) основной смысл истории — пророк должен напоминать людям об Аллахе и быть твердым, даже если ему не верят и не понимают его. Прежде тоже бывали посланники от Аллаха, но им не верили. «А когда посланники отчаивались и думали, что их сочли лжецами, к ним приходила Наша помощь» (12:110).

Такое заключение кажется более подходящим для историй о великих катастрофах, наказывающих за неверие пророкам. Однако как завершение истории Йусуфа оно тоже закономерно. Именно оно показывает нам, в чем видели главный смысл этой истории первые мусульмане: Аллах посылает праведникам испытания, но он же и по-

заботится о том, чтобы в конце концов именно праведники торжествовали.

Поэтому весьма достоверным кажется предание о том, что Мухаммад прочитал эту суру целиком йасрибцам, которые вели переговоры о переселении пророка в их оазис. Мухаммад искал у них помощи, их не надо было пугать катастрофами, напротив, следовало верить в будущей победе. С помощью распространенного иудейского сказания, которое, конечно же, было известно ауситам и хазраджитам, жившим в Йасрибе рядом с иудейскими племенами, Мухаммад как бы показывал йасрибцам, что гонимый и преследуемый сородичами человек, будь то Йусуф или Мухаммад, будет победителем, если ему помогает Аллах, проводивший Йусуфа к триумфу через тяжелейшие испытания.

Такой настрой рассказа о Йусуфе связан с тем, что история была в основе своей известна в Аравии, во всяком случае — йасрибцам, и именно как иудейская. Рассказ о Йусуфе в Коране очень подробен, хотя и не всегда последователен. Такую подробность на первый взгляд можно было бы считать указанием на новизну сюжета для слушателей, как я это полагал, к примеру, в связи с историей Каина и Авеля. Однако здесь, учитывая характер рассказа, его общую популярность и структуру его текста, эта подробность представляется результатом желания перетолковать известный рассказ. Он излагается не впервые, но как бы по-новому, с новыми красками и с новым смыслом. Потому отдельные эпизоды получаются особенно пространными, благодаря введению нравоучительных сентенций (о том, что все происходящее сознательно устроено Аллахом). Художественные красоты тоже как бы новые. Это новое, мусульманское истолкование и оформление истории о Йусуфе, претендующее на то, чтобы быть глубже, мудрее и красивее, а потому и истиннее, чем общеизвестное иудейское предание.

Пolemический характер носит утверждение, что рассказ о Йусуфе — «из рассказов про скрытое, которое Мы внушаем тебе» (12:102/103). Это означает, что такая форма рассказа ниспослана Богом, и потому не может быть никаких упреков от «людей Писания» по поводу ее неточностей и недостоверности³. Такой заранее данный ответ на еще не прозвучавший упрек тоже показывает, что история была известна и возражения предполагались.

Коран дает *та'виль* — толкование глубинного смысла известных событий. Само это слово употребляется имен-

но в суре «Йусуф», и именно оно стало потом техническим термином для особых мистических комментариев к Корану, претендующих на постижение сокрытого и мало кому доступного истинного смысла священных текстов.

«Мораль» излагаемой истории в Коране сильно подчеркнута и особо выделена. Рассуждения, формулирующие «идейную направленность» рассказа, иногда нарочито вплетены в повествование. По поводу почти каждого эпизода сообщается, что так предопределил Аллах ради возвышения Йусуфа. Размеры таких морализирующих сентенций нарастают по мере развития сюжета. Например, после фразы о том, как Йусуф был принят в дом вельможи, сказано: «И так Мы утвердили Йусуфа на этой земле и чтобы научить его толкованию событий! Аллах победно завершает Свое дело, но большая часть людей не знает!» (12:21).

Знаменитое толкование сна в темнице оказывается не столько ступенькой к освобождению, сколько поводом для длинного рассуждения о могуществе Аллаха. Проповедь о необходимости во всем полагаться на Аллаха произносит Йа'куб, отправляя в Египет младшего сына. Конечный же аккорд та'вила — завершение истории Йусуфа, когда он, принимая родителей в Египте, толкует свой детский сон и объявляет, что он сбылся благодаря воле и делу Аллаха.

Вставки-разъяснения прямо связаны с Мухаммадом. Они должны подчеркнуть неизбежность торжества всякого пророка Аллаха, как древнего, так и нынешнего. Вопреки кажущимся неудачам и гонениям пророк всегда побеждает, пройдя через отчаяние и трудности. Именно отчаяние часто овладевало Мухаммадом в последние годы его жизни в Мекке. Себе и другим он объяснял, в частности и через коранические рассказы, что все неудачи — лишь шаги к победе.

Кроме этой главной и сознательной параллели в истории Йусуфа есть и другие важные аллюзии на жизнь Мухаммада.

Как и против Мухаммада, против Йусуфа выступают его сородичи — родные братья готовы его убить. Этот мотив враждебности ближайших родственников очень близок психологическому настрою Мухаммада накануне хиджры. В совете одного из братьев изгнать Йусуфа в «далекую страну» иногда видят аллюзию на вынужденный отъезд части мусульман в Эфиопию (12:8—9)⁴. Я думаю, что аллюзия здесь шире и связана не с коп-

кретным фактом, а с важным психологическим аспектом всей деятельности Мухаммада — отчуждением от сородичей, приведшим к хиджре. Праведника и пророка Йусуфа не просто гонят. Его замышляют убить, как хотели убить и Мухаммада. Как и Мухаммада, его спасает покровительство Аллаха, а мотив этот входит в комплекс мотивов, как бы призванных оправдать хиджру.

Как пророчество о будущем звучит и другой мотив. Возвысившийся Йусуф прощает своих братьев и возвышает их. Точно так же Мухаммад после победы над Меккой простил и возвысил курайшитов. В мекканской суре, каковой является сура «Йусуф», этот мотив звучит как предложение компромисса, обещание не забывать своих корней. Это тоже важная сторона психологического настроения Мухаммада. Он ощущал за разрывом собственное желание будущего примирения. Последующее его благоволение к курайшитам вызвано не просто политической и экономической логикой, но и личностными моментами.

Другой мотив истории Йусуфа, созвучный переживаниям Мухаммада, — слабость пророка перед соблазнами. Йусуф обращается к Аллаху за помощью, когда чувствует, что ему не устоять: «Если Ты не отведешь от меня их козней, я склонюсь к ним!» (12:33). Это — живое чувство реального пророка. Мухаммаду тоже приходилось «склоняться», идти на компромиссы, о которых он потом жалел, от которых отказывался. Так было, к примеру, в случае, когда он признал божественную природу дочерей Аллаха — Аллат, Манат и аль-'Уззы, но затем Аллах объявил, что такое решение было внушено Шайтаном, слова об этом были «вычеркнуты» из Корана.

Проповеди Йусуфа имеют себе прямые параллели в других местах Корана. В темнице Йусуф говорит о том, что он порвал с верой своего народа. По отношению к Йусуфу это неверно. Но это верно по отношению к Мухаммаду, который постоянно говорит в Коране именно об этом. Подобно Мухаммаду, Йусуф объявляет, что следует вере Ибрахима, выступает против многобожия: «Различные ли господа лучше или Аллах, единый, могучий?» (12:39). Он упрекает людей в том, что они поклоняются пустым именам. Так говорили Нух (7:71/69) и Мухаммад (53:23). Есть в суре «Йусуф» и косвенные аллюзии, обычно связываемые с Мухаммадом. К примеру, женщины, пораженные красотой юноши, говорят о нем: «Это не человек, это — только благородный ангел». В Коране о Мухаммаде (17:94/96—95/97) и о Нухе (11:27/29) соро-

дичи говорят наоборот — он не ангел, а человек. Другой аспект того же мотива остро звучит в истории творения — ангелов заставляют поклониться человеку (Адаму), обладающему большими знаниями, чем они. Когда речь идет о разгадке снов царя, то вельможи употребляют термин «пучки снов» (12:44). Его же мекканцы применяли к откровениям Мухаммада, объявляя их невразумительными бормотаниями кахина-прорицателя (21:5).

Впрочем, в последнем случае можно говорить скорее об употреблении слов и выражений, близких и понятных мекканцам. В рассказе о Йусуфе вообще много таких слов из мекканского обихода. Они делали библейский рассказ своим, близким. Образы становились осязаемыми, и это, в свою очередь, помогало понять намеки на судьбу своего, мекканского пророка. Мекканцам были близки многие реалии и бытовые картинки рассказа. В нем, как и вообще в Коране, часто употребляются и в прямом, и в переносном смысле торговые термины из мекканского быта (см., например, 12:14) ⁵. Очень живые сценки изображают быт караванной торговли: караван братьев прибывает в Египет, идут переговоры о мере сыпучих тел, в поклажу сыновей Йа'куба прячут ими же привезенные товары, караван задерживают и обыскивают. Этот эпизод есть и в Библии, но именно в Коране он становится особо рельефным и значимым, как бы специально выделенным для слушателей. Другой живой эпизод в Библии отсутствует. Караванщики посылают человека набрать ведром воды из колодца. Он опускает ведро и вдруг кричит: «О новость! Мальчик!» (12:19) ⁶.

Конкретность языка и образов — один из элементов художественного строя рассказа, делающий суру «Йусуф» действительно прекрасным образцом арабской литературы. В ней немало оборотов, ставших поговорками. Некоторые из них притягательны и кратко выраженной мыслью, и необычной структурой. Любимым у мусульман стало дважды повторенное в суре высказывание терпеливого Йусуфа: *сабрун джамилун* — «прекрасное терпение» (12:18, 83). Оно употреблено вместо обычной фразы *ас-сабру джамилун* — «терпение прекрасно». Есть в суре и игра созвучных корней, к примеру — имени Йусуф и глагола *асафа* («горевать»): «Йа асафа 'ала Йусуфа» («О, горе мне по Йусуфе!», 12:84).

Специфические мусульманские идеи, параллели с Мухаммадом, красоты арабского языка — все это не загромождает использования известного иудейского и христи-

анского предания. Коран открыто полемизирует с ним, представляя как бы истинную версию, а главное — правильное объяснение событий.

Йусуф был любимым героем иудейского религиозного предания. Именно как персонаж иудейских сказаний он и был, видимо, известен в Аравии. Для пророка же было очень важно, что о любимом иудеями герое он мог (как ему казалось) рассказать правильнее и красивее, чем сами иудеи.

Многие элементы коранического рассказа указывают на неплохое знакомство с иудейскими послебиблейскими сказаниями. Одно из коранических прозвищ Йусуфа — Сиддик («правдивейший») — соответствует его самому распространенному прозвищу в легендах иудеев — Ха-Цаддик.

Некоторые детали коранического рассказа могут быть полностью или вообще поняты только с привлечением преданий Аггады. К примеру, фраза о свидетеле из домо-чадцев египетского вельможи, помогшем установить невиновность Йусуфа, имеет в виду иудейское предание. Однако там действует девушка. В Коране же — мужчина. Следовательно, и тут не просто прямое воспроизведение известного текста, а результат фиксации какого-то варианта легенды после долгого его бытования⁷. Рассказ о женщинах, порезавших руки, тоже приобретает ясность в свете аггадического предания. Там объяснено, зачем у женщин в руках оказались ножи — резать фрукты. Потом это объяснение восприняли и комментаторы Корана. Надо, однако, заметить, что аггадическая параллель — лишь смысловая. Рассказ в Аггаде далек от динамического и напряженного стиля коранического повествования, будучи по размеру значительно длиннее⁸.

Упоминание о том, что Йусуф увидел «доказательство своего Господа» (*бурхан*), помогшее ему справиться с соблазном (12:24), разъясняется другой иудейской легендой. Она рассказывает, что в момент слабости Иосифу явился образ его отца — Иакова⁹. Йа'куб-Иаков в Коране приказал сыновьям войти в Египет (или в столицу Египта) через разные ворота. Почему? Мидраш объясняет: так можно уберечься от дурного глаза¹⁰.

Приведенные эпизоды показывают, что Мухаммад черпал материал из сказаний, восходящих в целом к иудейскому кругу. Однако и упомянутые и другие существующие параллели никоим образом нельзя считать (как это часто делается) доказательством прямого заимствования

Мухаммадом из какого-то одного конкретного иудейского источника.

Некоторые элементы сказания о Йусуфе находят себе ближайшие параллели не в иудейских, а в христианских сказаниях. К примеру, рассказ об освобождении Йусуфа из темницы изложен в Коране в форме, близкой к тому, как об это повествуется у Ефрема Сирина¹¹. Однако и здесь нет основания говорить о наличии прямого одного христианского источника. Просто сюжеты сходных устных преданий оказались письменно зафиксированными в далеких друг от друга текстах.

Как видим, библейский рассказ об Иосифе пришел в Коран через обработку в иудейских и христианских сказаниях. Собственно библейский сюжет (Бытие 37—50) передан в Коране довольно подробно и украшен многими деталями, к Ветхому завету не восходящими.

Есть в кораническом рассказе и библейские параллели, не связанные с библейской историей Иосифа. В ней, например, нет упоминания о годе, который придет после семи тяжелых лет, когда будет идти обильный дождь и будут давить виноград (12:49). Более того, такое упоминание дождя странно для Египта, где урожай зависел от разливов Нила. Виноград тоже не был основным предметом сельскохозяйственного производства Египта. Дело же в том, что в Коране тут содержится перифраз текста из книги Исхода (23:11), где речь идет о Палестине и упоминается виноград¹². Такое смешение легко могло возникнуть в результате устного беспорядочного бытования сказаний, дошедших до Хиджаза.

Таковы сложные связи различных составляющих коранического сказания о Йусуфе. Иудейское предание превратилось в мусульманское сказание со специфическим исламским содержанием, стало прекрасным образцом своеобразной арабской прозы.

МУСА-ВОЛШЕБНИК И ВЕРОУЧИТЕЛЬ

В Египте родился следующий пророк и посланник Аллаха, о котором в Коране рассказано больше и подробнее, чем о ком-либо другом,— Муса, библейский Моисей.

В стране тогда правил Фир'аун (фараон), опиравшийся на своих вельмож, среди которых был вазир по имени Хаман, и войско. Иногда о нем прямо говорится формулой «Фир'аун и его войско». Они угнетали свой народ и преследовали живших в Египте евреев. Фир'аун требовал, чтобы его считали богом, был очень горд своим богатством и могуществом. Под стать ему были и подданные. Коран рассказывает об одном из них, Каруне, библейском Коре (28:76—82; 29:39/38—40/39; 40:24/25). Он был из соотечественников Мусы, но противопоставил себя своему народу. Богат Карун был настолько, что ключи от его сокровищниц могли нести только несколько человек вместе. Он был очень горд и высокомерен, полагая, что все, что он имеет,— результат его собственного труда и знаний. Его упрекали в гордыне, но он только смеялся. Глядя на Каруна, многие из людей видели в нем достойный пример для подражания. Тогда Аллах в назидание им всем разверз землю, и она поглотила Каруна вместе с его имуществом. Все богатство, все могущество оказались бесполезными.

Точно так же Аллах доказал и ничтожество власти Фир'ауна. Орудием Аллаха стал Муса. Когда он родился, Аллах внушил его матери, что младенца надо пустить плыть в коробке по реке. Его нашла и взяла на воспитание как собственного сына жена Фир'ауна. Сестра Мусы следила за младенцем и узнала, что с ним случилось. Когда по воле Аллаха мальчик отказался брать грудь кормилиц, она предложила найти хорошую кормилицу и привела

собственную мать, которая и выкормила сына, не открывая ему, кто она (20:38—40/41; 28:7/6—13/12).

Муса вырос в доме Фир'ауна умным и смышленным. Однако однажды он вмешался в драку между египтянином и евреем и убил египтянина. Потом он отказался далее участвовать в междоусобице и, боясь наказания за убийство, бежал из Египта на восток, где добрался до страны Мадьян на Синайском полуострове. Там он встретил двух девушек, которые никак не могли набрать воды из колодца, около которого толпились пастухи. Муса помог им, и они привели его к своему старику отцу. Он дал Мусе убежище и предложил жениться на одной из своих дочерей, с условием, что он будет работать на старика восемь обязательных лет и еще два года, если захочет.

Муса выполнил условие, а затем отправился со своей семьей обратно в Египет. В священной долине Тува у склона горы он заметил огонь и пошел к нему, надеясь узнать дорогу и принести головню, чтобы зажечь собственный костер и обогреться.

Однако из огня, горевшего в кустах, с ним заговорил Аллах. Он объявил, что делает Мусу своим посланником к Фир'ауну и народу Египта. В качестве доказательства он даровал Мусе чудесные знамения. Первым был посох Мусы, который, будучи брошен на землю, превращался в змею. Вторым — чудесное свойство руки Мусы белеть (словно пораженная проказой) и возвращать себе нормальный цвет по воле Мусы.

Аллах приказал Мусе идти к Фир'ауну и проповедовать тому веру в единого Бога, в грядущий Судный день, призывать людей поклоняться одному только Аллаху. Муса стал отказываться, говоря, что боится наказания за прежнее убийство, что ему все равно никто не поверит, что он косноязычен и не сможет проповедовать. Он попросил дать ему в помощники брата — Харуна (библ. Аарон). Это было разрешено, и оба брата отправились проповедовать перед Фир'ауном.

Они доказывали ему величие Аллаха и просили отпустить из Египта своих сородичей. В качестве доказательства боговдохновенности их миссии были продемонстрированы два уже известных чуда: с посохом и с рукой. Фир'аун счел Мусу великим колдуном, испугался его и приказал собрать к себе колдунов и волшебников Египта. Им обещали высокие посты и награды, если они сумеют победить Мусу.

Волшебники собрались и бросили на землю свои посохи. Как и у Мусы, они ожили и превратились в змей. Когда же Муса бросил оземь свой посох, возникшая из него змея пожрала всех остальных. Египетские колдуны признали свое полное поражение и уверовали в бога Мусы. Фир'аун же за это подверг их жестоким наказаниям, приказал отрубить им «руки и ноги накрест» и распять непокорных.

Бога Мусы признали и люди его народа. Они устроили молитвенные дома, где молились Аллаху. Фир'аун же преследовал их еще более жестоко, чем прежде. Он приказал убивать мужчин, а женщин оставлять в живых. Хотел он убить и Мусу, обвиняя его в неблагодарности, в желании захватить власть над Египтом, отнять богатства у тех, кто ими владеет. Спасло Мусу заступничество некоего приближенного Фир'ауна, тайно исповедовавшего веру в Аллаха. Фир'аун также приказал своему вазиру Хаману начать строить из глины высокую башню, чтобы подняться по ней на небеса и доказать, что там нет никакого бога, о котором говорит Муса, и что единственный бог — это он, Фир'аун.

Аллах же послал египтянам еще семь волшебных знамений. Он обрушил на них семь бед, бывших наказанием за то, что они не верили Мусе. Этими «знамениями ясными» были «тяжелые годы», «уменьшение плодов», «потоп», «саранча», «насекомые», «жабы», «кровь». Фир'аун был устрешен и согласился отпустить Мусу и уверовавших вместе с ним соплеменников.

Однако, когда они собрались и двинулись в путь, Фир'аун вероломно бросился с войском вдогонку, чтобы вернуть Мусу. Аллах приказал пророку не бояться и ударить посохом по воде моря, к которому они подошли. Муса ударил, море расступилось, и он со своим народом прошел посуху. За ним двинулось войско Фир'ауна, но воды сошлись и поглотили врагов. Распалась и постройка, возведенная Хаманом.

В последний момент, погибая в воде, гордый Фир'аун раскаялся в своих прегрешениях, смирился и уверовал в Аллаха. Хотя это было уже позднее раскаяние, Аллах в назидание будущим поколениям спас его тело. Его выбросило на берег.

Муса же привел сынов Исра'ила, т. е. потомков Йа'куба, свой народ, на Синай и поспешил на Синайскую гору, чтобы предстать там перед Аллахом. Он хотел лицезреть Аллаха, но тот объяснил ему, как это страшно, явившись

горе. Гора сразу рассыпалась в прах. После этого Бог говорил с пророком и вручил ему скрижали, где было записано «всякой вещи увещание и разъяснение для всякой вещи». Мусе были ниспосланы правила жизни и поведения верующих. Ту же Аллах сообщил ему, что оставленный на попечение Харуна народ уже отступил от новой веры.

Муса поспешно вернулся к сородичам и к ужасу своему узнал, что они захотели иметь себе идола. Некий самаритянин (ас-Самири) уговорил их сделать из золотых украшений, добавив в них горсть праха, фигуру тельца, которая будет издавать мычание. Они так и сделали и стали поклоняться золотому тельцу вместо Аллаха. Напрасно Харун пытался их остановить и образумить: Они не стали его слушать.

Муса призвал отступников к ответу, упрекал Харуна, а ас-Самири изгнал навсегда. Тельца он уничтожил, вернул народ в истинную веру и повел его далее по пустыне. Когда людям не хватило воды, он ударил посохом по камню, и из него забило двенадцать источников. По просьбе Мусы Аллах закрывал их тучей от жары и посылал им с небес в пищу манну и перепелов.

Однако всего этого сынам Исра'ила было мало. Они были недовольны Мусой. То они требовали от него более разнообразной пищи, такой, к которой они привыкли в Египте: «...овощей, кабачков, чесноку, чечевицы и луку» (2:61/58), то отказывались выполнить приказ Аллаха о принесении в жертву коровы, оттягивая исполнение и требуя дать им точные указания, какой именно во всех деталях должна быть эта корова. Наконец, когда они подошли к земле обетованной, подаренной им Аллахом, сородичи Мусы отказались напасть на ее жителей. Они очень боялись тамошних людей-великанов. Не могли их уговорить даже два лазутчика, благополучно побывавшие там и вернувшиеся обратно.

Отчаявшийся Муса жаловался на свой народ Аллаху, и тот осудил их на сорокалетние скитания по пустыне после смерти пророка. Только после этого они вошли в землю обетованную.

Особняком стоит в Коране еще одна история о Мусе. Собственно, все говорит о том, что речь идет о каком-то другом Мусе. Однако в тексте Корана нет прямых указаний на их различие. В суре «Пещера» («аль-Кахф», 18) между сказаниями о спящих отроках и о Двуроге (Зуль-Карнайне) без особого зачина вводится рассказ о том,

как Муса сказал своему слуге, что хочет дойти до «места слияния двух морей». Оба они действительно добираются туда. В одном месте они забыли на земле взятую в качестве припаса рыбу. Рыба вдруг ожила и уплыла в море. (Ее коснулась живая вода, но этого в тексте не сказано.) Вернувшись на это место, путники не нашли рыбу, но встретили некоего «раба из Наших (т. е. Аллаха) рабов», наделенного от Бога мудростью.

Муса захотел стать его спутником, чтобы учиться тому, что тот знает. «Раб Аллаха» стал отказываться, говоря, что у Мусы не хватит терпения быть с ним, ибо поступки спутника будут ему непонятны. Муса настаивал, обещая быть во всем послушным. «Раб Аллаха» согласился, но при условии, что Муса ни о чем не будет спрашивать, пока ему не разъяснят. Муса, однако, обещания своего не сдержал и всякий раз громко удивлялся странным и неправильным, на его взгляд, поступкам своего спутника.

Они плыли на судне бедных рыбаков, и спутник Мусы продырявил его. Они встретили мальчика, и спутник Мусы убил его. Когда же они пришли в селение, жители которого отказали им в крове и пище, «раб Аллаха» восстановил там разрушившуюся стену, не взяв за это никакой платы.

Раздраженный постоянными недоумениями Мусы, «раб Аллаха» расстался с ним. На прощание он объяснил ему смысл своих поступков, направившихся самим Аллахом. Судно было испорчено, чтобы его не захватил гнавшийся за ними и отбиривший все суда царь-тиран. Убитый мальчик стал бы неверующим на горе своим благочестивым родителям. После же его смерти они могли молить Аллаха даровать им нового сына, чистого и праведного. Восстановленная в негостеприимном селении стена принадлежала двум добрым сиротам — детям праведных родителей. В стене был клад, предназначенный для них Аллахом. Стену надо было сохранить целой, чтобы, достигнув зрелости, сироты могли найти клад и им воспользоваться. «Не делал я этого по своему решению. Вот объяснение того, чего ты не мог утерпеть» (18:82/81).

Практически все краткие и более или менее распространенные варианты рассказа о Мусе относятся к мекканскому времени. Иногда их более подробно распределяют по трем мекканским периодам. Однако материал, которым мы располагаем, заставляет признать такое дробное деление излишне детальным и недостаточно обоснованным. К мединскому времени относятся связанные с Мусой боль-

шие эпизоды в суре «Корова» («аль-Бакара», 2). Она и названа по одному из них. Суть этих эпизодов — упрямство и неблагодарность сынов Исра'ила, разными способами противившихся приказаниям и наставлениям пророка¹.

В традиционно считающихся мекканскими рассказах есть детали и аяты, которые с большой долей вероятности следует отнести к мединскому времени. Они явно и нарочито связаны с полемикой Мухаммада с иудеями, со спорами, которые развернулись в Йасрибе. К числу мединских вставок можно отнести аяты, утверждающие, что в Торе и в Евангелии предсказано появление Мухаммада (7:157/156). Возможно, что следом мединской обработки является наличие термина *кибла* в мекканском рассказе в 10:87. Видимо, мединским является добавление в 28:48 упоминания о том, что Мухаммада упрекали в отсутствии таких же способностей делать чудеса, какие были у Мусы. Это как бы ответ на упреки иудеев. Наличие в рассказах о Мусе большого количества деталей, свидетельствующих о текстуальном знании иудейских преданий и Ветхого завета, позволяет предположить, что вообще все мекканские по происхождению рассказы о Мусе прошли обработку в Медине. Они обросли деталями, узnanными уже в Йасрибе и важными для тех споров с последователями учения Мусы, которые там происходили.

Мединские аяты, особенно сура «Корова» («аль-Бакара», 2), являются частью общего обвинения иудеев в том, что они забыли заветы своего пророка, давно уже не выполняют его установлений, будь то запрещение труда в субботу или запрещение ростовщической лихвы. В частности, примером отступничества иудеев выставлялось то, что сразу после чудесного спасения они стали ворчать по поводу приказов Мусы. Со смакованием и живыми деталями Коран рассказывает, как иудеи при первой же возможности изменили Мусе, только что доказавшему силу своего Бога, и стали по своей воле поклоняться золотому тельцу.

По существу, в Коране содержится два разных рассказа-сюжета о Мусе. Первый — о Мусе и Фир'ауне. Он построен по схеме историй о пророках и катастрофах и в виде кратких упоминаний присутствует уже в самых ранних сурах. В одном случае даже не названо имя Мусы, а просто упомянуто о «благородном посланнике» (44:17/16—33/32). Муса описывается как пророк, посланный к Фир'ауну и его знати. Те отвергают Мусу и гибнут затем в катастрофе — тонут в водах моря, внезапно на них

хлынувших. Все это вполне в стиле ранних пророческих рассказов.

Второй рассказ — о том, как Мусе не верил его собственный народ, спасенный им от египетского угнетения.

Все истории о Мусе насыщены морализующими выводами. Постоянно подчеркивается, что все его поступки определялись Аллахом, избравшим, спасшим и возвысившим пророка (даже против его воли). Этот мотив, как мы уже видели, характерен для всех пророческих рассказов. Особенно нарочит он в истории о Йусуфе. Другой постоянно повторяющийся мотив историй о пророках — неизбежность наказания неверующих. Он в полной мере представлен и в аятах о Мусе.

Именно для истории Мусы, как уже говорилось, особенно характерен мотив осуждения иудеев, древних и современных Мухаммаду, за то, что они оказались недостойны своего пророка. Не подчинялись ему, когда он был жив, и не следовали его заветам после того, как он умер. Собственно, в этом — основное идейное содержание большей части рассказов Корана о Мусе в их окончательном (с мединскими дополнениями) варианте.

Есть в кораническом образе Мусы и одна несколько неожиданная особенность. Муса, хотя он и великий пророк, проигрывает в сравнении с Мухаммадом. Он далеко не идеальный человек. Сознательная жизнь его начинается с преступления, никакими благими целями не мотивированного. В Коране подчеркнуто, что речь идет о совершенном грехе (28:15/17—21/20; 26:14/13). В Коране также особо выделены слова упрека Фир'ауна Мусе в том, что, подобранный и воспитанный в семье Фир'ауна, «он оказался для них врагом и скорбью» (28:8/7). Фир'аун говорит Мусе: «Разве мы не воспитали тебя среди нас ребенком, и ты оставался среди нас годы твоей жизни, и совершил твое деяние, которое совершил, и ты — неблагодарный?» (26:18/17—19/18). Муса косноязычен и труслив. Свою миссию он не способен исполнить без помощи брата Харуна. Наконец, главные доказательства пророческого сана Мусы — это чудеса и фокусы, которых другие коранические пророки не делали. Более того, в кораническом контексте чудеса — дело, не очень достойное настоящего пророка. Мухаммад чудес не творил, отвергал призывы просить у Аллаха чудес, а главным чудом ислама считался сам Коран.

Муса как бы слабее, чем Мухаммад. Выделение такого аспекта в сказании о Мусе может показаться тенденциоз-

ным и нарочитым. При сплошном чтении всех текстов о Мусе он бросается в глаза. Однако Коран нигде не огоривает сравнения Мусы и Мухаммада; кроме того, все эпизоды, в которых Муса выглядит не лучшим образом, не выдуманы, они взяты из Ветхого завета, а в Коране лишь особо выделены. Именно в этом отборе библейских эпизодов и проявляется тенденция. Косвенным подтверждением моего мнения о том, что такая тенденция существует, являются рассуждения великого мыслителя ислама Ибн 'Араби (XII—XIII вв.). Он увидел в Фир'ауне не только безмерного гордеца, но и мудрого человека, понимавшего предопределенность своего поведения и поведения пророка. Ибн 'Араби считал, что Фир'аун справедливо упрекал Мусу в личном несовершенстве².

Параллели с Мухаммадом, сравнения с ним, впрочем, присутствуют в рассказах о Мусе, как и во всех других коранических сказаниях. Учение Мусы приравнивается к вере Мухаммада и вере Ибрахима (42:13/11). Мусе, как и Мухаммаду, дано не просто откровение, но — Писание (*Таура, Китаб, Сухуф, Фуркан*). Как и Мухаммада, Мусу обвиняли в одержимости, в забвении традиций предков, в желании добиться мирской власти. Все это, как мы знаем уже, стандартно для пророческих рассказов. Есть в истории Мусы и «Коран в Коране» — коранические проповеди, вложенные в уста действующих лиц. Такую, к примеру, проповедь, наподобие мухаммадовской, произносит некий верующий из числа родичей Фир'ауна (40:28/29—34/36).

Сходство психологического настроения Мусы с Мухаммадом можно видеть в рассказе о призвании пророка. В истории Мусы довольно подробно описано, как Аллах заговорил со своим избранным посланником. Это описание имеет косвенные параллели с первыми откровениями Мухаммада.

В истории Мусы фигурирует куст. Мухаммаду явилось дерево³. Мусе первое видение было в священной долине Тува, Мухаммаду — на почитаемой горе Хира'. Откровение, ниспосланное Мухаммаду, начиналось, согласно преданию, приказом: «Читай!» Неожиданным приказанием начиналось и обращение Бога к Мусе: «Скинь сандалии!» (20:12). Далее Аллах говорит Мусе примерно то же самое, что и Мухаммаду: ты избран, поклоняйся мне, твори молитвы, наступит день суда, каждый получит за свои дела, пусть неверие людей тебя не смущает, проповедуй и будь мужественным.

Из этих сходств нельзя делать вывод, что Мухаммад копировал Мусу. Напротив, подчеркнутая параллельность, которая видна в тексте Корана, отражает переработку, а точнее — отбор мотивов предания о Мусе. Показать, что с Мусой происходило нечто похожее, значило доказать достоверность сообщений Мухаммада о первых видениях. Находя параллели в жизни Мусы, Мухаммад убеждал себя, что он действительно пророк, а потом теми же аргументами убеждал и других.

Главной связующей линией между Мухаммадом и Мусой в Коране является утверждение, что в Священном писании, полученном Мусой от Аллаха, было предсказано появление Мухаммада (7:157/156). Это был один из главных тезисов, с помощью которых Мухаммад надеялся добиться признания своей «подлинности» в глазах иудеев и христиан.

Муса был в Аравии известной фигурой и за пределами общин местных иудеев. В стихах доисламских поэтов иногда упоминаются эпизоды из его истории⁴. Из текста Корана следует, что Мухаммаду напоминали о чудесах Мусы и звали его так же доказать свое пророческое достоинство (28:48). Есть в Коране и указания на то, что излагаемое Мухаммадом отличалось от того, что было известно всем. Выше я уже говорил, что именно при расхождении с общеизвестной версией в Коране появляется дополнительная ссылка на божественность источника сведений о том или ином пророке. Так сказано в связи с историей Йусуфа (ср. 12:102/103), есть такого рода «напоминание» и в истории Мусы (29:9/8, 99).

Некоторые эпизоды рассказаны подробно и последовательно во всех деталях. Так Коран обычно, как мы видели выше, рассказывает о вещах, слушателям мало известных. Именно так, к примеру, изложен эпизод об отказе израильтян войти в землю обетованную (5:20/23—26/29). Он расположен в Коране, кстати говоря, рядом с рассказом о сыновьях Адама, тоже подаваемом в тексте как нечто новое для аудитории.

В этом отразилась и эволюция рассказов о Мусе. Началось с общеизвестных историй и фактов. Потом, по мере возрастания идейной роли истории Мусы в связи со значимостью ее в спорах, к общеизвестному стали добавляться и перетолковываться эпизоды, неизвестные пророку и его слушателям прежде.

Коран отразил многие сказания о Мусе, прямо к тексту Ветхого завета не восходящие. В основе кораническо-

го рассказа лежат пересказы библейского текста, в каком-то виде существовавшие в Аравии. Из них черпались нужные Мухаммаду эпизоды. Не ясно, откуда появился мотив спасения тела Фир'ауна. Скорее всего он связан с египетскими иудейскими преданиями, сохранившими память о египетском обычае мумификации трупов⁵. Впрочем, мумификация была известна и в Аравии. Не ясно также и происхождение фигуры ас-Самири, подбившего иудеев на поклонение золотому тельцу. Имя его может быть искажением прозвища какого-то демона или же означать «самаритянин». Возможно, что так сохранились следы не дошедшего до нас целиком предания, связывавшего самаритян с расколом в первой иудейской общине⁶. Некоторые детали рассказа находят себе объяснение в материале йеменских иудейских преданий. Они рассказывают, что после перехода через море иудеи увидели священного быка, шедшего по левую сторону от Бога. Из-под его ног был взят прах, использованный для изготовления тельца. Это ближайшая известная параллель к фразе ас-Самири, рассказывающего Мусе о своем поступке: «...я схватил горсть от следов посланника и бросил ее» (20:95/96)⁷. Не исключено, что и более близкие параллели к кораническому рассказу обнаружатся в фольклорном наследии именно аравийских иудеев. Некоторые детали попали в Коран из послебиблейских сказаний, бытовавших в христианской среде. К ней восходит особое выделение роли сестры Мусы (первой Марии), объяснение убийства Мусой египтянина происками Шайтана, вместо характерного для иудейской традиции оправдания этого поступка, и т. д.⁸. Такого материала относительно немного, однако его наличие в глубоко иудейском сюжете показывает, что сказание, дошедшее до аравийцев, не всегда имело четкую конфессиональную окраску.

В целом для коранических сказаний о Мусе характерна большая близость к библейскому тексту, а не к послебиблейским преданиям. Это отличает их от рассказов о Йусуфе. Конечно, в Коране нет цитат из Библии, но немало текстов, очень близких к библейским, как, например, описание жертвенной коровы (2:67/63—73/68; ср. Числа 19). Есть и эпизоды, которые могут быть правильно поняты только при знании библейского рассказа. К примеру, история о руке, которая безболезненно становилась белой, ясна из библейского текста, где речь идет о проказе, то появлявшейся, то исчезающей (ср. Исход 4:6—7). Современники Мухаммада понимали его, они знали, о чем идет

речь. Однако уже спустя несколько веков мусульманские комментаторы иногда объясняли это место тем, что Муса был чернокожим и его рука произвольно меняла цвет. Некоторые эпизоды коранического рассказа, видимо, сочетают в себе детали нескольких повествований из Библии. К примеру, в описании встречи с девушками в Мадйане усматривают отголоски не только соответствующего эпизода в библейской истории Моисея, но и отзвуки похожих встреч Иакова с Рахилью и Элизера (Елеазара) с Ревеккой⁹.

Особого внимания заслуживает «стратиграфия» рассказа о Мусе и «рабе Аллаха». Начальная часть повествования восходит к широко распространенному на древнем и средневековом Востоке Роману об Александре Македонском — своду сказаний о великом завоевателе. Многие части этого «романа» в устной и письменной форме в разных вариантах и на разных языках бытовали по всему Востоку. Иногда они «теряли» имя своего основного героя и приобретали новых действующих лиц. Так, различные эпизоды сказаний об Александре к VIII в. н. э. стали частями сказочных биографий древних царей Йемена, изложенных мусульманским историко-эпическим преданием¹⁰.

Коран сохранил эпизод о том, что Александр (в Коране вместо него — Муса) вместе со слугой отправляется на поиски источника вечной жизни. Источник находят благодаря ожившей рыбе. Однако водой его воспользовался слуга, а не хозяин. Истоки этого сюжета много древнее, чем Роман об Александре. Коран сохранил память и об этих, древнейших связях сюжета. «Место слияния двух морей», где происходит кораническое действие, — это там, где Тигр и Евфрат (пресное море), соединившись, вливаются в Персидский залив (соленое море). Там же, в районе Бахрейна, подземные реки Аравии выходят в море, создавая на дне его пресные родники. В эти места (на Бахрейне, древнем Дильмуне) древние месопотамцы помещали рай, место вечной жизни. В этих местах происходило действие многих древних сказаний о поисках источника вечной жизни.

Следующая часть рассказа строится по известной фольклорной сюжетной схеме легенд о божеской мудрости¹¹.

В мотивах рассказа отразились и многие элементы древней ближневосточной символики, бытовавшей в разных формах в фольклоре. Корабль, дом, стена толкуются как элементы, складывающиеся в образ потустороннего мира и символизирующие загробную жизнь¹².

Коранический рассказ сам по себе целен. В наглядной и парадоксальной форме он проповедует уже на раз встречавшиеся нам идеи: человеку, даже пророку, не дано знать подлинного смысла событий и замыслов Аллаха. Любой низкий, дурной поступок пророка может оказаться в конце концов верным и достойным.

Такой рассказ мог служить хорошим аргументом в спорах не только с врагами, но и с союзниками, которые тоже иногда осуждали те или иные поступки Мухаммада. Может быть, нужный для споров параллелизм и подчеркивался введением в рассказ имени Мусы, уже известного как «двойник» Мухаммада.

Мудрый спутник пророка остался в Коране безымянным. Предание же затем дало ему имя аль-Хадир¹³. Так назвала мусульманская мифология таинственный персонаж, символизировавший собой вечность и постоянное обновление природы. Аль-Хадир считается одним из тех людей, которые не умерли даже первой смертью и живыми пребывают в ожидании Судного дня. Другие «вечные» хорошо известны Корану. Это Ийяс-Илия, Идрис и 'Иса-Иисус.

« СЛОВО ОТ АЛЛАХА » — 'ИСА

В 615 г. группа гонимых мекканцами сторонников Мухаммада покинула родной город и переселилась в Эфиопию. Они надеялись найти там покровительство христианского царя, верившего, как им представлялось, в того же бога, что и они. В Эфиопии им действительно удалось переждать самые суровые для мусульман времена. Они вернулись к пророку уже после его переезда в Медину и многих побед над многобожниками.

Рассказывают, что, впервые прибыв ко двору негуса, мусульмане прочитали ему кораническую суру «Марйам» (19). Выслушав ее, негус якобы убедился, что перед ним близкие по духу люди, и он принял их под свое покровительство¹. Неизвестно, было ли это на самом деле, но в одном предание, несомненно, право. Коранические рассказы о Марйам — деве Марии и ее сыне 'Исе-Иисусе проникнуты несомненным чувством симпатии, даже некоторым ощущением сопричастности. Коран отвергает учение христиан, но 'Иса для него — величайший пророк, посланник Аллаха. О нем рассказываются самые трогательные сюжеты — рождение, чудеса. Трагическая судьба пророка, казалось бы, вполне пригодная для включения в стандартную схему отношений людей и пророка, оставлена Кораном почти без внимания.

Первые рассказы об 'Исе связаны с начальными надеждами Мухаммада, что христиане признают его в качестве посланника их Бога. В Медине он ожидал признания в первую очередь от иудеев. Их решительный и оскорбительный отказ породил новые симпатии основателя ислама к христианскому пророку.

В Коране есть три «рассказа» об 'Исе и многочисленные упоминания о нем. Об 'Исе Коран обычно вспоминает в связи со спором с христианами, с их представления-

ми о богочеловеке и троице, которые казались Мухаммаду грубым искажением принципа единобожия. Из рассказов и отдельных мотивов можно составить себе представление о том, что знали об Иисусе арабийцы VII в.

В начале мекканской суры «Марйам» стоит перечисление древних пророков и праведников. Упоминание каждого из них вводится рефреном: «И вспомни в Книге...» Тут рассказано о разрыве Ибрахима со своим отцом, о «тайной беседе» Мусы с Богом, об Исма'иле и о «вознесенном на высокое место» Идрисе. Но прежде всего этого идет рассказ о Закарии, Марйам и рождестве 'Исы.

Закария, «раб Аллаха», обратился к богу с мольбой даровать ему наследника. Просьба была услышана. Аллах объявил Закарии, что у него родится мальчик по имени Йахья, который первым будет носить это имя. Закария не поверил, что у него, старика, и у его бесплодной жены может родиться сын. Он попросил подтвердить это знамением. Знамение было дано: «...ты не будешь говорить с людьми три ночи, будучи здоровым» (19:10/11).

Мальчик родился. Был он богобоязнен, благочестив и послушен. И далее говорится: «И вспомни в Писании Марйам!» (19:16). Она удалилась от своих сородичей в «восточное место» (восточная часть храма), укрылась там за завесой, и тут ей явился в обличье человека «Наш дух» (т. е. дух Аллаха — ангел Джибриль). Она испугалась, но он объяснил, что послан Господом, чтобы объявить о будущем рождении у нее «мальчика чистого» (19:19). Как и Закария, она не могла в это поверить, но по иной причине: «Меня не касался человек, и не была я распутницей!» (19:20). Посланец ответил, что Аллах делает все, что пожелает, без труда.

Марйам забеременела, удалилась в «далекое место». Начавшиеся родовые схватки привели ее к пальме. В момент особенно острых мучений родившийся мальчик воззвал к ней, прося успокоиться. Аллах сотворил рядом ручей с прохладной водой, а на пальме появились спелые плоды, чтобы Марйам могла отдохнуть и подкрепиться. Тогда младенец сказал ей, чтобы при встрече с людьми она с ними не разговаривала, объясняя, что дала обет молчания (как у Закарии). Сородичи стали ругать вернувшуюся Марйам за распутство, но тут из колыбели заговорил новорожденный. Он объявил: «Я — раб Аллаха, Он дал мне Писание и сделал меня пророком... Мир мне в тот день, как я родился, и в день, что умру, и в тот день, когда буду воскрешен живым!» (19:30/31, 33/34).

Здесь трогательное повествование прерывается, меняются ритм и рифма и следует рассуждение, обвиняющее христиан: «Это — Иса, сын Марйам, по слову истины, в котором они сомневаются. Не подобает Аллаху брать Себе детей, хвала Ему! Когда Он решит какое-нибудь дело, то лишь скажет ему: „Будь!“ — и оно бывает» (19:34/35—35/36). Христиане обвиняются в искажении образа Аллаха, в разногласиях; им напоминают о грядущем «дне скорби», т. е. о Судном дне (см. также 5:17/19).

В мединской суре «Семейство 'Имрана» («Аль 'Имран», 3) этот же сюжет расцветчен многими деталями. После сообщения о том, что Аллах избрал род Ибрахима и 'Имрана «пред мирами» (3:33/30), сказано, как жена 'Имрана (так в Коране зовут отца Мусы) посвящает Аллаху ребенка, который должен у нее родиться. Родилась девочка, названная Марйам. Господь принял ее; она была поселена в храме.

Служители храма бросали жребий, кому заботиться о Марйам. Выбор пал на Закарию. Каждый раз когда он входил в ее комнату, то находил у нее свежую пищу, которую чудесным образом дарил ей Аллах.

Вдохновленный этим чудом, Закария и воззвал к Господу, прося у него потомства. Ангелы во время молитвы возвестили ему о грядущем рождении мальчика Йахьи, который будет подтверждать «истинность слова от Аллаха», будет «пророком из праведников». Закария не поверил и в качестве знамения правдивости услышанного им был лишен на три дня речи.

Потом ангелы явились к Марйам, объявив, что Господь избрал ее «пред женщинами миров» (3:42/37), что у нее родится «слово от Аллаха, имя которого Мессия 'Иса» (3:45/40). Он будет говорить с людьми и в младенчестве, и во взрослом возрасте. Она не верила, ангелы ее убеждали, рассказывая, что Аллах скажет: «Будь!» — и желаемое им свершается.

Они предрекали, что Аллах научит мальчика мудрости и священным текстам, сделает его «посланником к сынам Исра'ила», 'Иса будет говорить людям: «Я сотворю вам из глины по образу птицы и подую в нее, и станет это птицей по изволению Аллаха. Я исцелю слепого, прокаженного и оживлю мертвых с дозволения Аллаха. Я сообщу вам, что вы едите и что сохраняете в ваших домах» (3:48/43). Он объявил, что подтверждает истинность заповедей Торы, но разрешит людям часть из того, что было им прежде запрещено.

После этого двойного пророчества, где ангелы пророчествуют о том, что будет предрекать о себе самом 'Иса, говорится, что 'Иса (уже родившийся) «почувствовал (в людях) неверие» и попросил дать ему помощников. Ими стали апостолы (в Коране — *аль-хаварийун*). Потом Аллах обращается к 'Исе и говорит: «Я упокою тебя и вознесу тебя ко Мне», сообщает, что его последователи возвысятся над неверующими, что неверующие будут наказаны еще до Судного дня и, конечно же, после него. Эта фраза звучит уже как обращение не только к 'Исе, но и к Мухаммаду. Затем сказано, что 'Иса перед Аллахом подобен Адаму. Как и первый человек, он создан из праха словом Бога, произнесшего: «Будь!»

И опять рассказ завершается полемикой с христианским представлением о божественности 'Исы. Далее говорится о людях, которые спорили с Мухаммадом об 'Исе, и о «божьем суде» между ними. Аллах приказывает Мухаммаду и его противникам собрать вокруг себя членов своих семей и воззвать к Богу, чтобы он уничтожил тех, кто неправ. Предание рассказывает, что такой спор якобы произошел между Мухаммадом и пришедшими из Наджрана йеменскими христианами. Мухаммад предложил *мубахалу* — взаимные заклинания, «божий суд». В окружении членов своей семьи он вышел к соперникам, но те испугались испытания².

Третий рассказ об 'Исе изложен — опять в новой форме и в новом контексте — в мединской суре «Трапеза» («аль-Ма'ида», 5:110/109—118). Речь идет о конце света, когда Аллах соберет своих посланников. Первым он обратится к 'Исе сыну Мар'ям и напомним ему о том, какие милости он даровал ему и его матери. Это уже не пророчество ангелов о будущем, которое совершилось. Это пророчество о воспоминании, которое еще будет, ведь Судный день еще не наступил. Аллах перечисляет все те эпизоды, которые упоминались в пророчестве при благовещении: явление к Мар'ям Святого духа, говорящий в колыбели ребенок, обучение его мудрости и Писаниям, оживление глиняных птиц, исцеление слепого и прокаженного, воскрешение мертвых. Аллах говорит, что он защитил 'Ису от сынов Исра'ила, которые считали его чудеса колдовством, что он даровал ему в помощники апостолов. Далее Аллах рассказывает, что апостолы потребовали у 'Исы чуда — чтобы Бог дал им с небес трапезу. Аллах даровал 'Исе и это — накрытый стол спустился с небес. Однако Аллах пригрозил страшным наказа-

нием, «которым не наказываю никого из миров» (5:115), тем, кто и после этого не уверует.

Далее Аллах как бы вступает в полемику с христианами относительно троицы. Он спрашивает у 'Исы, неужели он потребовал от людей, чтобы они считали его и его мать божествами наряду с Аллахом. 'Иса возмущенно отрицает это, упрекая тех, кто мог придумать такое после того, как он умер.

Таковы три рассказа об 'Исе, каждый из которых в разной форме и в разном контексте сообщает в основном историю рождения пророка, включая в нее ряд эпизодов, связанных с антихристианской полемикой, с упреками христианами в обожествлении 'Исы.

Есть в Коране некоторые намеки на историю бегства в Египет (23:50/52). Упоминается о его вознесении на небеса (4:158/156).

Гибель 'Исы в Коране не описана, но она подразумевается в известной фразе, отрицающей его смерть. Среди грехов «обладателей Писания» названы их поношения Мар'ям и их лживые утверждения о гибели 'Исы: «...и за их слова: „Мы ведь убили Мессию, 'Ису сына Мар'ям, посланника Аллаха“». А они не убили его и не распяли, но это только представилось им, и, поистине, те, которые разногласят об этом,— в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предположением. Они не убивали его — наверное. Нет, Аллах вознес его к Себе; ведь Аллах велик, мудр»³ (4:157—158/156).

По объему текста рассказы о Закарии, Мар'ям и 'Исе занимают относительно немного места. В них практически нет повторений. Ведь каждый из трех рассказов о рождестве приводится в различных формах и контекстах, не совсем параллельных друг другу. Между тем значение этих рассказов в Коране огромно, ибо через них выражаются и связь и противостояние нарождающейся новой религии и ее великого предшественника и современника — христианства.

Рассказы об 'Исе одновременно входят как бы в два цикла коранических сюжетов. Это — одно из сказаний о пророках, и в то же время это — часть еще более частых в Коране споров с другими религиями. Главный мотив этих дискуссий — обвинение в искажении подлинного единобожия. Две эти линии хорошо видны в тексте. Обвинения и упреки христианами как бы добавлены к сказаниям. Они отличаются от них по стилю и, видимо, появились рядом со связными рассказами позднее, как некие

«идеологические» выводы или комментарии к историям, вообще-то всем известным.

Все три рассказа близки друг к другу текстуально и по духу, однако «ниспосланы» они в разное время. Самый ранний рассказ содержится в суре «Марйам» и относится к мекканскому периоду. Он последовательно повествователен и входит в серию напоминаний о пророках, объединенных повторяющимся рефреном. В нем повествуется только о рождестве. Другие события жизни 'Исы появляются уже в мединских сурах, где в рассказ о рождестве вставляются многослойные пророчества ребенка о собственных чудесах. В мединской суре «Семейство 'Имрана» рассказ об 'Исе тесно увязан с иудейской священной историей. Подчеркнута родственная связь Марйам с ветвью Моисея-Мусы, после упоминания о потомстве которого и следует рассказ об 'Исе. Последний по времени ниспослания рассказ (5:110/109—118) связан с идеей Судного дня и подведением итогов человеческой жизни. Аллах перечисляет события из жизни 'Исы. Описание сбора при конце света отличается от ранних экстатических картин, которыми полны самые старые суры. Тут спокойно и не спеша Аллах беседует с пророками. В этих беседах уже заложен мотив заступничества пророков за людей. Он перерос затем в исламе в важнейшую эсхатологическую концепцию о том, что Мухаммад, последний пророк, заступился перед Аллахом за всех прегрешивших мусульман. Мединскими являются аяты, упоминающие о распятии и утверждающие, что 'Иса распят не был.

Особой чертой коранических рассказов об 'Исе является их тесная связь с историей Закарии и Йахьи. Два сюжета имеют явные параллели. И тут и там происходит чудесное рождение ребенка, невероятное в естественных условиях. Из контекста следует, что Закария стал просить у Аллаха сына после того, как увидел, что в комнате Марйам появляются свежие плоды. Комментаторы поясняют, что это всегда были плоды, не соответствующие сезону. Если плоды могут появиться не в сезон, то старики могут родить ребенка. Пророчество ангела Закарии сходно с благовещением Марйам, а об 'Исе часто говорится такими же словами, что и о Йахье. И у Закарии, и у Марйам знамением от Аллаха является подлинный или мнимый обет молчания.

Вместе с тем в рассказе о Закарии есть естественные параллели с рассказом об Ибрахиме. При этом парал-

лельный мотив рождения сына в старости передается сходными словами и выражениями. Кстати, в суре «Марйам» упоминание об Ибрахиме следует сразу же за рассказом о Закарии и Марйам. Новозаветная история композиционно увязывается с ветхозаветной.

Для Мухаммада 'Иса был особенным пророком и предшественником. Параллели между 'Исой и Мухаммадом не так нарочиты, как в рассказах о других пророках, но они особо значимы. 'Иса, конечно же, не бог, а человек (5:75/79), но человек он необыкновенный. Подобно Адаму, он создан Богом (а не просто избран, как другие пророки). Он относится к «приближенным» Аллаха, т. е. подобен высшим ангелам (3:45/40). Он не просто праведник и посланник, но и «слово от Аллаха», «реченье истины». Он, 'Иса, будет «признаком» наступающего Суда (43:61), т. е. снова появится перед концом света. Этот необыкновенный пророк якобы предсказал появление Мухаммада, объявив (61:6): «О сыны Исра'ила! Я — посланник Аллаха к вам... и благовествующий о посланнике, который придет после меня, имя которому Ахмад». Ахмад — это второе, а возможно, и первое имя Мухаммада ⁴.

А далее об 'Исе и отношении людей к нему говорится то же самое, что говорится и о Мухаммаде: «Когда же он пришел с ясными знаменьями, то они сказали: „Это — явное колдовство“» (61:6). В суре «Трапеза» (5) об 'Исе сказано: «И сказали те, которые не веровали из них: „Это — только очевидное колдовство“» (5:110). А вот что говорилось о Мусе: «Они сказали: „Конечно, это — явное колдовство“» (10:76/77), и о Мусе такое повторяется десятки раз. Многократно обращались неверующие с теми же словами к Мухаммаду: «Это — только явное колдовство» (34:43/42; см. также 46:7/6; 43:30/29 и др.).

Когда же Аллах говорит об одном из своих главных даров 'Исе — помощниках, то рядом со специальным термином для апостолов Христа (*аль-хаварийун*) употреблен и термин *ансар* («помощники»), тот самый, которым Мухаммад называл уверовавших в Аллаха мединцев, поддержавших его в труднейший момент его проповеди (см. 3:52/45—53/46; 61:14).

Есть еще одна важная параллель, отсутствующая в рассказах о других пророках. У Аллаха был посредник в общении с 'Исой, помощник пророка — *рух аль-кудус* («святой дух»): «...и подкрепили его духом святым» (2:87/81, 253/254). Для христиан с этими словами был

связан один из элементов троицы. Для мусульман это было созвучно с фразами, касавшимися самого Мухаммада: «Ниспослал его (Коран) дух святой от твоего Господа...» (16:102/104). Тут, несомненно, имелся в виду ангел Джибриль (Гавриил), который передавал текст Корана Мухаммаду от Аллаха.

С историей 'Исы, последнего пророка перед Мухаммадом, как будто бы не связана никакая катастрофа, но он явится предшественником великой, всеобщей и окончательной катастрофы — Судного дня, предупредить о котором в последний раз и послан к людям похожий на 'Ису Мухаммад. В послекоранических сказаниях 'Иса стал одним из главных героев рассказов о событиях, которые будут предшествовать Суду. Спустившись с небес, он убьет страшного Антихриста-Даджжала и установит вместе с аль-Махди царство справедливости на земле.

'Иса, без сомнения, был хорошо известной в Аравии фигурой. На полуострове, во всех его областях, жило много христиан, как местных — арабов, так и пришлых торговцев и отшельников. Христианство было распространено при дворах аравийских царей — Гассанидов, Лахмидов, Киндитов, среди йеменской знати. Многие из знаменитых доисламских поэтов Аравии были христианами. Среди них поэт VI в. из Хиры — 'Ади ибн Зайд, в чьих стихах часты библейские мотивы. В Аравии знали и о Священном писании, ниспосланном 'Исе, называли его Инджиль (Евангелие). Однако в отличие от многих других пророков имя 'Исы едва ли могло быть когда-либо оторвано от его религиозного смысла, от христианства. Об этом косвенно свидетельствует и Коран. К каждому рассказу об 'Исе добавляются полемические примечания, указывающие на различие мусульманского и христианского подходов к образу 'Исы-Иисуса.

В коранических рассказах об 'Исе есть несколько деталей, удивляющих читателя и не раз толковавшихся как грубые ошибки Мухаммада, якобы плохо знавшего то, о чем он говорил. Как и во многих других подобных случаях, эти обвинения в «ошибках» основаны более на враждебности к исламу и нежелании искать иные объяснения, чем на ученом анализе.

Между тем именно анализ источников коранического образа 'Исы дает нам уникальную возможность заглянуть в религиозную обстановку в доисламской Аравии. В частности, они проливают некоторый свет на те неканонические и гностические представления и воззрения, сторон-

ники которых находили себе в Аравии убежище и последователей. Часто именно их взгляды были для арабийцев христианством. Иногда Коран именно с ними полемизирует, а порой он принимает их как правильные, противопоставляя тому, что было тогда более или менее каноническим.

Иронию исследователей вызывали два места в коранической истории Марйам, где говорится о ее родословной. В суре «Марйам» (19:28/29), когда Марйам приходит к своим сородичам после рождения, 'Исы, они обращаются к ней с упреками и называют ее «О сестра Харуна...». У Марии, матери Иисуса, не было брата по имени Харун-Аарон. Но у библейских Моисея и Аарона была сестра по имени Мирйам (произношение Септуагинты — Марйам, в восходящем к ней русском тексте — Мириамь). Она считалась пророчицей (Исход 15:20: «Мирйам пророчица, сестра Ааронова»). Из этой фразы Корана не раз делался вывод, что Мухаммад просто перепутал одну Марйам с другой. Такой вывод хорошо вписывается в общую концепцию Корана как собрания плохо понятых обрывков Библии. Однако он далек от реальности.

Мухаммад и его окружение не могли не знать, сколь большой разрыв во времени (пусть и эпическом, а не историческом) разделял Марйам 'Исы и Марйам Мусы. Более того, как мы увидим ниже, коранический рассказ о Марии свидетельствует о хорошем знакомстве с так называемым Протоевангелием Иакова, тем самым апокрифическим текстом, откуда все христиане черпали сведения и сказания о рождении Марии и о ее родителях. Сестра же Мусы в Коране по имени не названа, но она в Коране упомянута. Она действует сама по себе, следя за судьбой пущенного плыть по воде младенца-брата (20:38—40/41; 28:7/6—13/12). Поэтому для называния Марии-Марйам сестрой Харуна должно искать иное объяснение, чем просто путаница.

В другом, уже мединском рассказе о Марйам и 'Исе мать Марйам обещает богу своего еще не рожденного ребенка (3:35/31), т. е. Марию. Это — история из христианского предания о Марии. Но снова появляется такая же путаница. Мать Марии названа «женой 'Имрана», т. е. матерью Харуна и Мусы, т. е. опять же Марйам — «сестра Харуна». Таким образом, Коран два раза подчеркивает родство Марйам с родом Мусы. Однако слово «сестра» не обязательно должно обозначать прямое родство, оно может означать и «соплеменница». Скорее все-

го тут не ошибка, а стилистически сложная метафора⁵. За ней стоит представление о родстве двух великих пророков. Подобное представление вполне в духе раннего иудео-христианства, пытавшегося сохранить некое единство двух религий.

Коран часто увязывает отстоящие друг от друга по времени события, часто оперирует понятиями поколений и генеалогическими связями. Я уже говорил, что упоминание в одном ряду потомства Ибраhима — Исхака и Йакуба — не означает признания их обоими сыновьями Ибраhима. Это перечисление поколений. «Мышление» родами налицо и во фразе, которая предшествует началу рассказа о Марьям в суре «Семейство 'Имрана»: «Поистине, Аллах избрал Адама и Нуха и род Ибраhима и род 'Имрана пред мирами, как потомство одних от других» (3:33—34/30). Как член потомства 'Имрана, Марьям — и «сестра Мусы», и дочь «жены 'Имрана».

Связь начального ислама с иудео-христианством, ранней формой христианской религии, обнаруживается во многих деталях и вполне возможна, несмотря на кажущийся хронологический разрыв. В Аравии долго сохранялись учения, представления и даже приверженцы давно угасших за ее пределами сект. К примеру, Коран содержит отзвуки учения кумранской общины. Главная идея коранического образа Иисуса — то, что он великий пророк, человек, а не сын Бога, — сродни тому, что проповедовали иудео-христиане эвониты.

Еще одна «ошибка», в которой порой «уличают» Мухаммада. Он якобы считал, что Марьям-Мария входит у христиан в состав троицы. В Судный день Аллах, а вместе с ним и сам 'Иса упрекают христиан в том, что они приписали пророку слова: «Примите меня и мою мать двумя богами кроме Аллаха» (5:116). Это толкуют иногда таким образом, что в понимании Мухаммада троица состояла из Аллаха, 'Исы и Марьям. Характер рассказов о Марии, запечатленных Кораном, показывает, что в аравийском христианстве VI — начала VII в. были распространены предания, особо выделявшие и возвышавшие Марию. Это являлось частью общего процесса постепенного роста культа Богоматери. В текстах христиан-гностикиков встречались выражения, которые можно было принять за утверждения тождества Богоматери и Святого духа (когда Святой дух называли матерью Иисуса)⁶. Поэтому здесь слишком просто видеть только ошибку. Скорее, перед нами не совсем адекватное отражение специфических и

не ортодоксальных воззрений, бытовавших среди христиан Аравии⁷.

Мухаммад имел дело с точками зрения различных христианских течений и сект. Он иногда выбирал это-то, иногда противопоставлял одни другим. В связи с рассказами об 'Исе и Марьям Коран особо отмечает, что христиане разделились на группы, враждующие друг с другом. К примеру, сразу после аятов о рождестве сказано: «И разногласят партии среди них» (19:37/38). Мы плохо знаем мир аравийских христиан, и поэтому прямые связи Корана указать трудно. Скорее сам Коран может в определенной степени стать источником для изучения аравийского христианства.

Утверждение Корана, что 'Иса на самом деле не был убит, исследователи часто увязывают с учением раннехристианского течения докетов, не признававших материальности тела и человеческой жизни Иисуса, отрицавших реальность распятия. Приводят в этой связи и возводимый к гностику II в. Василиду рассказ о том, что распят был не Иисус, а Симон из Кирены, несший крест Иисуса и принявший его образ. Сам же Иисус принял образ Симона и, стоя рядом, смеялся над своими преследователями⁸. Кораническое отрицание распятия связывают также с учением манихеев⁹ или же с крайними монофизитами-юлианитами, считавшими петленной и неподвластной смерти не только божественную сущность, но и телесную оболочку Христа¹⁰. Как бы то ни было, мы видим, что Коран и тут запечатлел многообразие взглядов, существовавших в религиозном мире Ближнего Востока.

Есть в Коране и более четкие параллели и сходства с известными нам конкретными христианскими памятниками. В истории рождения и воспитания Марьям обрывками всплывают не очень ясные мотивы — завеса в храме, бросание жребия. Начинается рассказ с обета матери посвятить ребенка Аллаху. Все это находит себе параллели и объяснения в апокрифическом Протоевангелии Иакова. Там, в частности, рассказано и о похожем, но несколько ином бросании жребия для выбора воспитателя девушки, и о том, что Мария ткала драгоценную завесу для алтаря храма и т. д. (гл. 8, 2; гл. 9, 1)¹¹.

Дважды упоминаемое чудо с оживлением глиняных фигурок птиц есть в апокрифических евангелиях детства (подробно рассказано о нем в Евангелии от псевдо-Фомы)¹². Присутствует оно и в арабских вариантах

Евангелия детства, распространенность которых указывает на их особую и, видимо, давнюю популярность в арабской среде¹³.

Описание родов под пальмой вызывает в памяти историю отдыха под пальмой на пути в Египет, как он описан в апокрифическом Евангелии от псевдо-Матфея (гл. 20)¹⁴. В целом же рассказ о Закарии, Йахье — Иоанне Крестителе и Марьям во многом близок к начальным главам канонического Евангелия от Луки.

Этот набор параллелей, которых можно найти еще много больше, показывает, что у коранического текста не было прямого источника. Кораническое сказание родилось в среде, где бытовали различные христианские и околохристианские мотивы, связанные с Христом. Характер материала, стиль сказаний, образ самого Христа и образ жизни его последователей вызвали у основателя ислама симпатии к основателю христианства. Вместе с тем споры между христианами и между христианами и иудеями убеждали Мухаммада в превосходстве его собственного единобожия, его собственного опыта общения с божеством.

‘Иса-Иисус стал самой значительной фигурой из до-мухаммадовских пророков. Уже после Корана он стал и героем эсхатологических легенд. У мусульман есть представление, что в Мединской мечети, рядом с могилой Мухаммада есть место для погребения ‘Исы, который перед концом света спустится с небес, победит зло и умрет.

‘Иса вошел и во многие, часто весьма причудливые народные сказания. Около заброшенного колодца на древнем городище Бир Хамад в пустыне к западу от Хадрамаута, на юге Аравии, бедуин из племени нахд, Мубарак ибн Мухаммад, желая сделать мне приятное, рассказал: кормилица жителей Аравии, финиковая пальма, была сотворена Аллахом специально по случаю рождения ‘Исы. Поэтому ‘Иса почитается и мусульманами. Такое толкование искажает смысл коранического сказания, но оно близко его духу.

ПРАВЕДНИКИ - СТРАСТОТЕРПЦЫ

Аллах вознес на небеса самого знаменитого пророка — 'Ису. На небеса же им был взят и пророк, о котором почти ничего не известно — Идрис. В суре «Мар'ям» (19), начинающейся с рассказа о рождении 'Исы, среди других великих пророков прошлого, которых Аллах приказывает вспоминать, наряду с Ибрахимом, Мусой, Харуном и Исма'илом назван Идрис: «И вспомни в Книге Идриса, поистине, он был праведником, пророком. И вознесли Мы его на высокое место» (19:56/57—57/58). Еще раз он назван в ряду других «терпеливых» (21:85).

Контекст, в котором упоминается Идрис, ставит его рядом с самыми почитаемыми пророками. Однако о нем ничего не рассказывается, да и имя его не находит себе явных параллелей или прототипов в библейских или арабских сказаниях. Между тем упомянут он как лицо, слушателям известное. Следует, видимо, предположить, что нам пока неизвестны бытовавшие в Аравии сказания, связанные с этим именем. В них скорее всего говорилось о терпеливости Идриса, его особых связях с Богом и, наконец, о его вознесении на небо. Говорится о нем мало, возможно, потому, что Идрис не выдвигался Кораном как «двойник» Мухаммада (подобно, например, Нуху). Он как бы дополнял общий состав исторической цепочки пророков, составляющей стержень мировой истории, завершающейся Мухаммадом.

Загадочность фигуры Идриса мучала и средневековых комментаторов, и современных исследователей. Естественным образом мотив вознесения привел к отождествлению Идриса с библейским Енохом, которого Бог, как известно, забрал к себе на небо. Эту идентификацию приняли европейские исследователи. Что же касается имени,

то они предположили, что оно восходит к греческому имени Андреас. Так звали повара Александра в одном из вариантов Романа об Александре. Он вкусил живой воды, которую искал его хозяин, и стал бессмертным. Косвенно он упомянут в Коране в рассказе о путешествии Мусы к «месту слияния двух морей». Андреем звали и одного из апостолов¹. Такой список можно продолжить, но непонятно, как это имя стало именем «вознесенного» пророка.

Дело осложняется еще и тем, что в одном случае, в месте, стилистически параллельном тому, где упомянут Идрис, вместо Идриса стоит имя аль-Йаса' (38:48), несколько созвучное имени Елисей, но вполне могущее быть и несколько искаженным арабийским именем и даже именем арабийского божества. Есть, к примеру, широко распространенное сабейское имя Йаса'амар («Йаса' приказал») ².

Рядом с Идрисом и аль-Йаса' упоминается еще один таинственный персонаж — Зу-ль-Кифль (21:85; 38:48). Он тоже из «терпеливых» и «избранных», т. е. пророк. Имя его по форме вполне арабское. Начинается оно с частицы зу, означающей принадлежность, обладание. То, чем обладают, выражено арабским словом *кифль* — «доля», «покровительство, поручительство», «замена». Соответственно имя пророка можно понять как «тот, за кого поручаются» («кому покровительствуют») или «тот, кто поручился» («заменил») и т. д.

Имя упомянуто в списке пророков, поэтому естественно искать первые аналогии среди ветхозаветных персонажей. Единственный ключ к поиску — имя, а оно многозначно. Поэтому и в средние века, и в наши дни с ним связывали множество различных персонажей, чаще всего — Иезекииля, иногда — Осию, Захарию и т. д.³

Видимо, в истоках этого образа действительно лежит ветхозаветный герой. Однако пришел он в Коран из устных преданий, где имя его было арабизировано или заменено арабской кличкой. Упомянут Зу-ль-Кифль два раза как лицо известное. Науке еще предстоит реконструировать этот и другие циклы арабийских преданий и неканонических библейских сказаний, из которых в Коран попали и эти, таинственные, и другие, более знакомые пророки Корана.

Несколько ветхозаветных персонажей узнаются по имени легко. Среди них — «праведник» Ильяс. В суре «Стоящие в ряд» («ас-Сафат», 37) после эмоционального,

резко ритмизованного рассказа о Судном дне, рае и аде Аллах напоминает людям, что он прежде уже посылал увещавателей. Люди их не послушали и за то были наказаны. Пророков же, гонимых соотечественниками, Аллах облагодетельствовал. Эта часть суры тоже своеобразно ритмизована. Упоминание каждого из пророков вводится или завершается рефреном «Мир (ему)!». Все пророки, названные тут, встречаются в Коране многократно. И среди них Ильяс, о котором Коран рассказывает (скорее, упоминает) лишь однажды.

Ильяс был одним из посланников Аллаха. Он призвал своих соплеменников прекратить обращаться за помощью к Ба'алу, а молиться Аллаху, «лучшему из творцов». Люди пророку не поверили. Все неверующие будут наказаны. В конце стоит славословие, в котором имя пророка (видимо, ради рифмы) дано в несколько иной форме — не Ильяс, а Ильясин: «Мир Ильясину!» (37:123—130). Звукосочетанием *ин/ун* оканчиваются все аяты этой части суры.

Сура по происхождению мекканская и принадлежит к числу наиболее совершенных с точки зрения художественной формы частей Корана. Краткий рассказ об Ильясе как бы особенно выделяется тем, что приведен единожды, и именно здесь. Выделяет его и упоминание имени божества, которому поклонялись неверующие, — Ба'ал. В аналогичных историях о пророках, кроме истории Нуха, имена языческих божеств не называются. Здесь же Ба'ал резко звучит как дополнительный эмоциональный всплеск, противоположенный стоящему рядом термину *рабб*. И Ба'ал и *рабб* означают одно и то же — «господин», «хозяин». Но *рабб* в Коране — всегда Аллах. Не совсем обычно и утверждение, что Аллах был изначальным божеством сородичей Ильяса, но они оставили его ради Ба'ала: Аллах — «Господь отцов ваших первых». Значительно чаще упоминание «отцов первых», предков, появляется в Коране в устах противников пророка, стремящихся защитить веру отцов от новшеств Мухаммада.

Возможно, что это связано с проповедью Мухаммада. Для пророка одной из сложнейших проблем был как раз вопрос о разрыве с традициями предков. Одним из возможных ответов на обвинения в искажении веры предков было утверждение, что многобожие не изначальное, а само есть искажение «первой» веры. Поэтому столь большое значение придавалось Ибрахиму, и предку и первому

единобожнику. Этому созвучно и объяснение проповеди Ильяса восстановлением древней веры.

Корнями своими рассказ об Ильясе¹ восходит к известной истории в Первой книге Царей (18) о том, как пророк Илия боролся со жрецами Ба'ала. Некоторые детали коранического текста, в частности форма имени, указывают на то, что библейский рассказ дошел до Корана через христианскую среду⁴. Этому есть и внутрикораническое косвенное подтверждение. Ильяс назван в Коране еще один раз в цепочке упоминаемых один за другим древних пророков (6:85). Эта цепочка разорвана аятами на три группы: а) Дауд, Сулайман, Аййуб, Муса, Харун; б) Закария, Йахья, 'Иса, Ильяс; в) Исма'иль, аль-Йаса', Йунус, Лут. Ильяс, как видим, оказался рядом с христианскими фигурами. Видимо, для Мухаммада и его соплеменников имя пророка было более созвучно именам христианского предания.

В списке благодетельствованных Аллахом пророков в мекканской суре «Скот» («аль-Ан'ам», 6:84) между Сулайманом и Йусуфом назван Аййуб, библейский Иов. Как предшественник Мухаммада он упомянут и в мекканской суре «Женщины» («ан-Ниса'», 4:163/164) между 'Исой и Йунусом. История Аййуба представлена верующим как назидательный пример того, что Аллах в конце концов всегда помогает тем, кто полагается на него и предан ему, как бы велики ни были обрушивающиеся на человека несчастья. Как мы видели, эта идея пронизывает и коранический рассказ о Йусуфе. История Йусуфа изложена очень подробно. Об Аййубе говорится кратко и отрывисто, в виде двух диалогов в двух мекканских сурах. Это хороший пример коранической стилистики: для доказательства определенной идеи цитируются лишь отдельные места некоего рассказа, который целиком должен под влиянием такого цитирования восстанавливаться в сознании знающих его слушателей. Мы же можем понять фэбулу только благодаря знанию библейской истории или комментария.

В суре «Сад» (38:41/40—44/43) Аллах призывает Мухаммада терпеть неверие соотечественников и напоминает, что не было случая, чтобы Аллах не помог своим пророкам, не возвеличил их или не спас от беды. Он напоминает о Да'уде, о Сулаймане, а потом и об Аййубе: «Вспомни раба Нашего Аййуба!» Аййуб взмолился Господу, что Шайтан наслал на него беды и страдания. Какие именно — в Коране не сказано. Аллах ответил

Аййубу: «Ударь своей ногой! Вот омовение холодное и питье». Опять из текста не ясно, в чем дело, но по аналогии с библейским рассказом можно понять, что волшебный источник должен исцелить язвы на теле пророка. Потом Аллах «даровал» ему семью, т. е. возвратил ее. Из этого можно понять, что среди бед, насланных Шайтаном, была и потеря близких. Особо с похвалой отмечено, что Аййуб был терпелив. А далее следует фраза и вовсе непонятная. Аййубу приказано взять пучок (веток?) и ударить им кого-то, и это не будет грехом. Комментаторы объясняют, что ударить нужно было жену Аййуба, которая усомнилась однажды в том, что Аллах поможет ее мужу.

Мотив неверия жены Аййуба есть в библейском предании⁵, но там нет ничего о ее наказании поркой. Неверие жен великих праведников — важный мотив Корана, который особо отмечает также неверие жен Нуха и Лута. Возможно, что мотивам поведения жен в устных сказаниях, которыми пользовался Мухаммад, уделялось особое внимание. В таких рассказах назидательность совмещалась с развлекательностью.

В более поздней мекканской суре «Пророки» («аль-Анбийа'», 21:83—84) снова идет речь о милостях, дарованных Аллахом своим посланникам. Среди примеров — Аййуб, который воззвал к Господу: «Постигла меня беда, а Ты — милосерднейший из милосердных!» Аллах отстранил беду и вернул Аййубу его семью и «подобных им».

История Аййуба в Коране обращена не только к слушателям Мухаммада, но и к нему самому. Она должна убедить его (и других), что Аллах все видит, и он поможет, поможет обязательно. Иногда кажется, что в этих заклинаниях о неизбежной помощи Аллаха есть некоторый ответ на внутреннюю мольбу, просьбу о помощи, Аййуб не просто терпит, он просит помочь. Вспомним, как просил о помощи и о наказании врагам Нух.

Мы знаем, что Мухаммад часто оказывался в Мекке в отчаянном положении, видели, что сомнения и отчаяние пророка находят в разных формах свое выражение в Коране. И здесь перед нами не просто историческая параллель, доказывающая права мекканского пророка. В речи Аййуба звучат искренние эмоции: «Постигла меня беда...», «Коснулся меня Шайтан страданием и наказанием...» И людей, и себя уговаривает Мухаммад.

Это можно считать косвенным указанием на то, что история Иова была известна в Аравии. Трудно уговари-

вать себя на примере истории, только что узнанной. Краткое кораническое изложение рассказа об Аййубе сохранило лишь некоторые детали книги Иова, однако в Коран полностью перешла главная идея библейского повествования — страстотерпение праведника и благоволение Бога к избранным им людям. Библейская идея здесь прямо вошла в идейную схему Корана.

Коран свидетельствует и о популярности в Аравии другой библейской истории — об Ионе-Йунусе. Пророк этот поначалу в Коране по имени не называется. В разных сурах он именуется описательно: «спутник кита», «тот, кто с рыбой». В суре «Письменная трость» («аль-Калам», 68:48—50) Аллах увещевает Мухаммада, огорченного противодействием сородичей:

«Потерпи же до решения твоего Господа и не будь подобен спутнику кита. Вот он воззвал, находясь в утеснении.

Если бы его не захватила милость его Господа, то был бы он выброшен в пустыне с поношением.

И избрал его Господь и соделал его праведником».

В суре «Стоящие в ряд» (37:139—148), где поочередно провозглашается «Мир!» древним пророкам, рассказано и о Йунусе, правда без рефрена «Мир (ему)!». Там сказано, что Йунус был посланником, но убежал к нагруженному кораблю, бросал жребий и проиграл, и его проглотил кит. И он «заслужил порицание» и остался бы в чреве кита до Дня воскрешения, если бы не восхвалял Аллаха. Аллах выбросил его в пустыню и вырастил над ним дерево. Потом Йунус был послан к ста тысячам людей и сумел убедить их, чтобы они уверовали.

В обоих рассказах многое непонятно, если не знать заранее, что «утеснение» состояло в том, что проповедь единобожия шла неудачно. Поэтому пророк и убежал и сел на корабль. Однако корабль в море остановился, что означало, что на нем беглец. Чтобы найти его, и бросали жребий. Йунуса обнаружили и выбросили в море. Там его проглотил кит. В чреве кита он взмолился к Аллаху, и тот приказал киту выбросить Йунуса на пустынный берег. Об этом мы знаем частично из Библии, частично из комментариев к Корану. Естественно предположить, что и слушатели Мухаммада знали, о чем идет речь.

Центральный эпизод этой истории упомянут в суре «Пророки» (21:87—88) снова среди перечисления благодеяний Аллаха своим посланникам:

«И того, что с рыбой, когда он ушел во гневе и думал, что Мы не справимся с ним. И воззвал он во мраке: „Нет божества, кроме Тебя, хвала Тебе, поистине, я был неправедным!“

И Мы ответили ему и спасли его от горести, и так Мы спасаем верующих».

В суре, названной именем пророка — «Йунус», ему посвящен лишь один аят (10:98) — о том, что жители города, где проповедовал Йунус, не были сразу наказаны за неверие. Они потом уверовали и были прощены. Йунус, несмотря на свою временную слабость, считается весьма почитаемым пророком, он из тех, кого «Мы (Аллах) превознесли над мирами» (6:86; 4:163/161).

Коранический Йунус, как и Аййуб,— пример взаимоотношений пророка и Бога. У них как бы взаимные обязанности. Пророк должен быть терпелив, а Аллах должен ему помогать в выполнении его миссии. Этим Бог возвышает пророка.

Почти все отрывки, связанные с Йунусом,— мекканские, и они нарочито поданы как увещания Мухаммаду. В истории главное — осуждение пророка за слабование. Осуждение тех, кто ему не поверил,— второстепенно. Осуждение Йунуса прямо обращено к Мухаммаду: «...не будь подобен спутнику кита» (68:48).

Характер изложения, арабское прозвище показывают, что и история Йунуса была известна окружению Мухаммада. О том же говорит, по моему мнению, и то, что Коран выделяет город, в котором проповедовал Йунус, из общей схемы пророческих историй Корана. Это единственный город, жители которого не поплатились за свое неверие. Видимо, подгонка под кораническую схему была бы слишком явной в хорошо известной истории.

Знакомая аравийцам легенда имела скорее всего христианскую окраску. На это указывают мотив осуждения пророка и некоторые детали, встречающиеся именно в христианских преданиях⁶. Ветхозаветные и христианские мотивы в данном случае удачно оживляют образ Мухаммада, создавая еще один, отличный от других образ его «двойника», использовавшийся подсознанием пророка для того, чтобы его подбодрить.

Упомянут в Коране и некий ‘Узайр, человек, которого якобы иудеи объявили однажды сыном Аллаха. Тем самым они, подобно христианам, отвернулись от истинного единобожия, возрожденного исламом: «И сказали иудеи: „‘Узайр — сын Аллаха“» (9:30). Имя ‘Узайр соответствует

имени библейского Эзры (Ездры) — знаменитой фигуры в истории иудаизма, никоим образом, однако, иудеями не обожествляемого. Впрочем, возможно, что была в Аравии неизвестная нам иудейская секта, особо выделявшая и почитавшая именно Эзру⁷.

Есть в Коране еще одна история, где осуждается поведение праведника. Имя «героя» не названо. Более позднее предание утверждает, что речь идет о некоем Барсисе. В Коране рассказано: «Вот он (Шайтан) сказал человеку: „Будь неверным!“ А когда тот стал неверным, он сказал: „Я отрекаюсь от тебя. Я боюсь Аллаха, Господина миров!“» (59:16). Характер текста — конкретность и наличие прямой речи — позволяет предположить за ним какое-то известное предание. Возможно, что оно было близко тому, что рассказывают комментаторы. Во всяком случае, у нас нет никакого другого материала. Согласно преданию, некоему отшельнику Барсисе братья привели больную девушку, которую он взялся излечить. Шайтан уговорил отшельника поддаться соблазну, обещая ему защиту. Тот обесчестил девушку, а затем убил. Когда же братья девушки пришли за ней, Шайтан помог им изобличить и покарать преступника⁸.

В Коране действует так много библейских персонажей, что кажется удивительным отсутствие некоторых из них. В частности, еще со времен средневековья комментаторов, видимо, удивляло отсутствие упоминаний о пророке Иезекииле. Его считали прообразом многих таинственных фигур, например Зу-ль-Кифля. С ним связывали и некоторые из многочисленных в Коране обрывков сказаний, где, как в рассказе о Барсисе, не названо действующее лицо. Один из них вдохновил Пушкина:

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе стояло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал.
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь
И с богом он дале пускается в путь.

В Коране это звучит так: «Или как тот, кто проходил мимо селения, а оно было разрушено до оснований. Он сказал: „Как оживит это Аллах, после того как оно умерло?“ И умертвил его Аллах на сто лет, потом воскресил. Он сказал: „Сколько ты пробыл?“ Тот сказал: „Пробыл я день или часть дня“. Он сказал: „Нет, ты пробыл сто лет! И посмотри на твою пищу и питье, оно не испортилось. И посмотри на своего осла — для того, чтобы Нам сделать тебя знамением для людей,— посмотри на кости, как Мы их поднимаем, а потом одеваем мясом“. И когда стало ему ясно, он сказал: „Я знаю, что Аллах мощен над всякой вещью“» (2:259/261).

Конечно же, у Пушкина звучит лучше. Но перед нами лишь прозаический русский перевод. Красота же и действенность подлинного текста во многом определяются арабским языком и специфической коранической поэтикой.

В Коране легенда эта включена в историю об Ибрахиме как дополнительное свидетельство способности Аллаха оживлять все мертвое. Для этой легенды находили и находят многих действующих лиц. Среди них и Иезекииль, и Эзра, и Неемия. В иудейских и христианских преданиях много аналогичных историй⁹.

Долгий многолетний сон, показавшийся коротким, — распространенный мотив назидательной литературы. Мотив этот часто встречается и в Коране, например в допросах людей в Судный день (см., например, 23:112/114—114/116; 17:52/54; 20:103). Однажды этот мотив оказывается главным стержнем в знаменитом рассказе о «людях пещеры» — семи спящих отроках. Сказание о них подробно и с явным удовольствием изложено в суре, которая так и называется — «Пещера» («аль-Кахф», 18).

Сура начинается с напоминания, что Коран ниспослан для того, чтобы сообщить верующим, что они будут вознаграждены вечным добром. Он же предупреждает тех, кто сказал: «Взял Аллах для Себя ребенка» (т. е. христиан), что они заблуждаются и будут наказаны. Далее следует уже менее стандартное обращение — упрек Мухаммаду, зачем он так беспокоится, поверят или не поверят ему эти неверующие: «Как будто бы ты готов погубить себя по их следам, от горя, если они не поверят этой истории» (18:6/5).

Далее идет напоминание о могуществе Аллаха указанием на растения, которые по его воле появляются на земле и по его же воле исчезают. За этим кратким «доказательством» следует пространный рассказ о том же, о всемогуществе Аллаха. Вспоминается чудесная история, связанная с кругом преданий тех самых христиан, враждебность которых Мухаммаду упомянута в начале суры. Это чудо, о котором пойдет речь, лишь одно из многих, творимых Аллахом постоянно: «Или ты полагаешь, что обитатели пещеры и ар-Ракима были чудом среди Наших знамений?»

Поначалу кратко излагается суть рассказа: юноши спрятались в пещеру и попросили Господа сжалиться над ними и помочь. Аллах «закрыв им уши в пещере на многие годы» (18:11/10). Потом Аллах воскресил их,

чтобы проверить, какая из спорящих друг с другом партий (групп людей) правильное сосчитает время, которое те пробыли в пещере.

Выиграть в этом споре должны, видимо, мусульмане, ибо далее Аллах говорит, что теперь расскажет эту историю так, как было на самом деле.

Некие юноши уверовали в Аллаха и отказались исповедовать веру своих соотечественников — многобожников. Их, однако, принуждали, и Аллах приказал им скрыться в пещеру, где он их защитит. Они и остались там, закрытые от лучей солнца. На вид они казались бодрствующими, поворачивались с боку на бок. У входа легла, растянувшись, их собака.

Потом Аллах разбудил юношей, и они стали расспрашивать друг друга, сколько же времени они тут пробыли. Им казалось, что только «день или часть дня». Один из них отправился с деньгами в город. Его послали купить пищи и приказали действовать осторожно, чтобы не попасться в руки врагам.

Тут коранический рассказ выпускает часть, видимо, известную слушателям и известную нам по другим версиям легенды и по комментариям. Юноша пытался купить еду на древние монеты трехсотлетней давности. По этим монетам выяснилось, сколько же лет они проспали в пещере. К тому времени уже победило христианство, и бояться было нечего.

Коран продолжает рассказ. Это событие было доказательством верности обещаний Аллаха, но не оно вызвало споры среди людей. Спорили о том, как отметить пещеру. Над ней построили молельню (в Коране — *масджид*, «место преклонения колен», в мусульманском словоупотреблении — мечеть). Спорили о том, сколько было юношей. Говорили: трое и пес, семеро и пес. Коран наставляет Мухаммада по этому поводу — истинное положение вещей знает только Аллах и немногие, поэтому спорить и препираться об этом бессмысленно.

Тут в повествование вторгается живая атмосфера устного рассказа. Аллах обращается к Мухаммаду: «Не говори ни о чем: „Я это сделаю завтра“, не добавив „как захочет Аллах“. А если забудешь, то помани своего Господа»⁴⁰. Комментарии разъясняют, что в этом месте Мухаммад прервал свое повествование, обещая, как опытный рассказчик, интригующий слушателей, сообщить истинное число лет, которые проспали юноши, завтра. При этом он не добавил «как Аллах захочет» или «если Ал-

лах захочет». Такое нарушение мусульманского этикета и вызвало это откровение-замечание. Далее идет заключение истории: «И оставались они в пещере своей триста лет и прибавили еще девять. Скажи: „Аллах лучше знает, сколько они пробыли“» (18:25/24). «Девять лет» может относиться к годам сна или означать годы, прожитые юношами уже после пробуждения.

Так, указанием Аллаха закончен спор о юношах. Рассказ построен как обсуждение общеизвестной спорной проблемы. Он «доказывает», что люди ничего не знают, а знает только Аллах. «Доказывает» это с помощью истории, которая сама является «доказательством» всемогущества Бога. Таким образом, в оформлении Кораном предания о спящих отроках объединяются как бы две линии восхваления Аллаха. Своеобразна и структура — сначала идет краткое резюме, вводящее в спор, а потом — рассказ, выделяющий некоторые подробности, но не пересказывающий весь сюжет.

История отроков изложена в Коране однажды и более нигде не повторяется и не упоминается. Она сохранила элементы живой атмосферы того, как рассказ произносился. Тут ярко виден сам Мухаммад. Сначала ему приказывается не впадать в отчаяние из-за немусульман. Потом ему излагается христианская легенда, вызывающая среди них много споров, и дается верное решение спорных вопросов. В конце появляется как бы второй пласт личностных мотивов. Аллах делает пророку замечание о том, как следует излагать людям обещания на будущее.

В рассказе живо видна и связь со слушателями. Рассказ явно был в принципе слушателям знаком. Споры же о том, сколько спали юноши, сколько их было и т. д., тоже хорошо передают атмосферу устного пересказа легенд, с нарочитым и особым интересом к псевдоточности. В Мекке спорили о сроках сна юношей. Мухаммад использовал обстановку спора для того, чтобы еще раз «доказать» достоинства и преимущества своего Бога. Изложив основные элементы рассказа с точки зрения спорящих, он провозгласил, что истину знает только Аллах. Он сообщит ее своему пророку, а тот — людям, но не сегодня, а завтра. Так Мухаммад привлекал и удерживал внимание людей.

Сам рассказ был известен, и потому Мухаммад мог опустить значительную его часть. Вместе с тем в некоторых местах он особенно подробен, хотя, казалось бы, до-

статочного краткого изложения сути, что и сделано уже в начале. Я думаю, что детальность рассказа связана в этом случае с ощущением личной причастности. Мухаммад излагал историю, особо ему близкую.

Кораническая легенда в особой форме пересказывает знаменитое христианское сказание о семи отроках эфесских¹¹. Оно повествует о том, как на триста лет были усыплены Богом семь юношей-христиан, укрывшихся от преследований при императоре Деции в III в. Есть некоторые основания предполагать, что в Коране использован особый вариант легенды, согласно которому знаменитая пещера находилась не в Эфесе, а в римском некрополе под Филадельфией (совр. Амманом).

И по сей день там существует склеп с семью отделениями. С раннеисламских времен с ним связывают легенду о спящих отроках. Я был там. Он действительно расположен так, как описано в Коране. Туда не попадают лучи восходящего и заходящего солнца. Над ним видны остатки небольшой церкви. Исследователи пытались весьма разнообразно объяснить слово Рахим. На самом деле Рахим-Рекем — частый термин в набатейской топонимике Палестины и Северной Аравии. Так называли древнюю Петру. Наконец, в тексте рассказа есть специфическое употребление арабского глагола *зака*, характерное для сиро-палестинского диалекта. Обычно он означает «быть чистым». В Коране юноше, идущему купить продукты, говорят: «...посмотри, какая еда чище (*азка*)» (18:19/18). Но *азка* в сиро-палестинском диалекте означает «вкусный», «вкуснее». С таким значением рассказ приобретает большую конкретность и живость. Ведь слово стоит здесь не в пересказе, а как бы в цитируемой живой речи.

Как видим, целая группа деталей указывает на сиро-палестинский регион как источник коранического рассказа. Нам известны предания о том, что Мухаммад в молодости бывал в Сирии с торговыми караванами. Часто их считают малодостоверными, так как рассказы порой сопрождаются сказочными деталями. Однако в Сирию (в частности, через Амман) вел один из главных торговых путей мекканцев. Нет серьезных оснований сомневаться в том, что и Мухаммад ездил по этим дорогам. Это подтверждается и живым изложением легенды, носящей сиро-палестинскую окраску. Мухаммад обсуждал с мекканцами легенду, один из вариантов которой он сам слышал и привез из Заиордания или Сирии.

ГЕРОИ И МУДРЕЦЫ

Истории о царях, управлявших сынами Исра'ила, служили в Коране, как и в Ветхом завете, поводом для демонстрации могущества Аллаха.

После смерти Мусы сыны Исра'ила попросили у пророка (имеется в виду библейский Самуил), чтобы он поставил над ними царя. Пророк избрал им Талута (библ. Саул), однако многие отказались ему подчиниться. Знатные израильтиты говорили, что они богаче, чем царь, и потому не желают слушать его приказы. Пророк же отвечал, что Аллах дарует власть тому, кому пожелает, что он дал Талуту «широту в знании и в теле» (2:247/248). Он объявил, что знаменем божественного покровительства Талуту будет явление ангелов, несущих ковчег, хранящий *сакину* и памятные реликвии времен Мусы и Харуна.

Затем Талут выступил против врагов. Он объявил воинам, что Аллах проверяет их рекой. Кто выпил из нее воды, зачерпнув рукой, тот не годится ему в воины. В войске он оставил только тех, кто сдержался и не стал пить. Таких оказалось немного. Небольшое войско противостояло многочисленному противнику и победило, хотя многие сомневались в том, что такое возможно. Предводитель врагов Джалут (библ. Голиаф) был убит Да'удом (библ. Давидом) (2:246/247—251/252).

Эти аяты были произнесены в Медине и обращены к верующим-мусульманам. Рядом с ними в тексте стоят указания о правилах жизни и запретах для тех, «которые уверовали». Библейская история звучала в Медине актуально. Устами неназванного библейского пророка Мухаммад обращался к своим соратникам. Далекое не все они с радостью восприняли призывы вести вооруженную

борьбу с неверными. Ссылались они при этом, как и подданные Саула-Талута, на свою малочисленность ¹.

В этой истории был и еще один намек на время Мухаммада. Не все жители Медины-Йасриба приняли ислам. Не все, даже принявшие ислам, были полностью довольны той властью, которую приобрел в городе пришелец. Многие из тех, кого Коран называет *аль-мунафикун* («лицемеры»), к примеру вождь хазраджитов Убайй ибн Ка'б, считали, что по праву происхождения и богатства власть должна принадлежать скорее им, а не Мухаммаду. Право же Мухаммада основывалось на воле Аллаха, как основывалось на ней и право Саула (Талута). Об этом Коран напоминал иудеям и неиудеям Медины.

История, рассказанная в Коране,— библейская в своих корнях. Библейский материал особо отобран и, возможно, дошел до Мухаммада уже в небиблейской или даже в арабской передаче. На последнее указывает арабизация имен. Ключевым является имя врага — Голиаф, переданное как Джалут. Имя же Саула — Талут — не является передачей библейского. Оно образовано как созвучная пара к Джалуту, удобная и привычная для устных преданий (ср. в Коране Йаджудж и Маджудж в истории о Зу-ль-Карнаине — Двурогом). Слово Талут восходит к арабскому корню *تل* — «быть длинным». Это показывает, что для арабизированного сказания было важно представление об особой физической силе и высоте Талута. В Коране это особо и отмечено — «увеличил ему широту в теле».

В описании ковчега библейский термин «*сакина*» (др.-евр. *шехина*, рус. *скиния*) упомянут как обычный и понятный. Иудейское понятие включает в себя идею «обитания», «присутствия» божества. Вместе с еврейским в Коране встречается и собственно арабское слово *сакина*, означающее «покой» (ср. 9:26). Слияние арабского и еврейского терминов дало вполне приемлемое для арабов значение, нечто подобное «благословению», «благодати».

В это докораническое сказание о Талуте вошел и библейский эпизод, к истории Саула не относящийся. Испытание воинов рекой восходит к истории Гedeона (Судей 7:5—7). Выбор эпизодов, смена акцентов, назидательные выводы превратили послебиблейское сказание в кораническую притчу.

Рассказ о Талуте кончается упоминанием о том, что Джалута убил Да'уд. Да'уда же Аллах научил «тому, что Ему было угодно» (2:251/252), даровал власть и

мудрость. Мудрый царь Да'уд-Давид — праведник, пользовавшийся особым покровительством Аллаха. Бог сделал его своим заместителем (*халифа*) на земле, ниспослал ему Писание, называемое *Забур* (Псалмы). Он научил Да'уда пению, подчинил ему горы и птиц. Вместе с ним они славят Аллаха. Даровано Да'уду было и знание ремесла — обработки железа («Мы смягчили ему железо», 34:10) и изготовления кольчуг.

«Мы... подчинили Да'уду горы, чтобы они прославляли, и птиц — и так Мы сделали. И научили Мы его делать кольчугу для вас, чтобы она защищала вас от вашей ярости. А разве вы благодарны?» (21:79—80). Так сказано о Да'уде в суре «Пророки» («аль-Анбийя'») при перечислении тех благ, которые Аллах даровал своим посланникам.

В суре «Саба'» (34) в качестве примера того, что Аллах может сделать с человеком все, что пожелает, снова указано на Да'уда: «Да'уду Мы даровали от нас преимущество: „О горы, прославляйте вместе с ним, и птицы!“ Мы смягчили ему железо: „Делай спускающиеся вниз (т. е. кольчуги) и размеряй панцирь“» (34:10—11/10). И еще: «Ведь Мы подчинили ему горы — вместе с ним они славословят вечером и на заходе, и птиц, собрав их, — все к нему обращаются» (38:18/17—19/18).

Образ Да'уда — певца и умельца, повелевающего по приказу Аллаха мертвой и живой природой, — один из самых романтических в Коране. Память об авторе псалмов веками вдохновляла мусульманских мистиков, стремившихся к эмоциональному единению с Богом.

Рядом был, однако, и другой Да'уд — мудрый правитель. К нему обращены слова Корана: «О Да'уд, Мы сделали тебя наместником на земле: суди же среди людей по истине и не следуй за страстью» (38:26/25). В Коране есть два упоминания о том, как он выступал в роли судьи и арбитра. В суре «Сад», там, где рассказывается о древних пророках, содержится самый пространственный рассказ о Да'уде (38:21/20—25/24). После сообщения о его великой власти, дарованной Господом, Аллах обратился к Мухаммаду: «А дошел ли до тебя рассказ о врагах?» Два враждовавших друг с другом человека пробрались в храм к Да'уду. Он испугался их, но оказалось, что это два брата, которые поссорились, враждуют и пришли к Да'уду, чтобы он их рассудил. У одного было 99 овец, а у другого — только одна. Тот, кто был богаче, уговорил брата поручить ему свою единственную овцу.

Да'уд решил, что присоединять эту овцу к большому стаду — несправедливо. И тут он вдруг понял, что приход этих людей неспроста. Они посланы Аллахом, который решил испытать Да'уда. Он пал ниц, просил у Аллаха прощения и был прощен. Что же именно понял Да'уд, в Коране не сказано. Мы знаем об этом из Ветхого завета. Об этом рассказывают и комментаторы. Об этом, видимо, знали и окружавшие Мухаммада мекканцы. Аллах напомнил Да'уду о его собственной несправедливости. Подобно богатому брату, Да'уд отнял единственную любимую жену у своего военачальника Урии. В этом и раскаивался, за это просил прощения царь (прототип коранического рассказа — Вторая Самуила 12, 1—10).

Другой спор Да'уд решил вместе со своим сыном Сулайманом-Соломоном. Аллах говорит, что он присутствовал при том, как Да'уд и Сулайман вместе судили по поводу поля, которое повредил скот. И Аллах тогда вразумил Сулаймана (21:78—79). «Вразумил» — значит помог принять более верное решение, чем его отец. Каковы детали этого суда, установить трудно. Текст предельно краток, понять его пытаются с помощью иудейских преданий, но варианты предлагают разные². При отсутствии других убедительных данных приходится пользоваться комментариями к Корану, составленными на материале тех же иудейских преданий. К Да'уду и Сулайману пришли хозяин поля и хозяин скота, который потравил посеы на этом поле. Да'уд присудил хозяину поля весь скот, который погубил посеы. Сулайман же решил более справедливо. Скот был передан владельцу поля на то время, пока посеы взойдут вновь. После возвращения скота ему бы остались приплод и шерсть.

Упоминания о Да'уде стоят всегда в одном ряду с именами великих пророков и праведников. Возможно, что его образ связан с антииудейской полемикой. Величие царя объясняется волей Аллаха, но вместе с тем показывается, что этот герой, как и все главные фигуры иудейского священного предания, — далеко не идеален. Он мог совершить несправедливость, мог принять не самое лучшее решение.

Характер изложения показывает, что Да'уд был фигурой хорошо известной. Поэтому о нем можно было только напоминать. Действительно, в доисламской арабской поэзии мы встречаем имя этого царя и упоминания о его кольчугах³.

Устойчивый образ поющих вместе с Да'удом гор и птиц восходит, видимо, к псалму 148, ст. 9—10⁴. Псалмы — под названием *Забур* (Писание) — были широко известны в Аравии. Термин употреблялся в Коране и вне его рядом с Инджиль (Евангелие) и Таура (Пятикнижие). В мотиве раскаяния Да'уда часто видят христианскую обработку сюжета.

Коранический образ Да'уда по духу близок библейскому, но он имеет и свой собственный облик, позволивший ему органично войти в мусульманскую культуру.

То же самое, но в еще большей степени произошло с сыном Да'уда — Мудрым Сулайманом, библейским Соломоном. Благодаря Корану он стал героем множества мусульманских сказаний, притч и сказок, объектом восхищения и подражания мусульманских магов и чародеев.

Сулайман был одарен многими чудесными свойствами более, чем кто-либо из пророков. Аллах обучил его языку зверей и птиц, подчинил ему ветры и духов — шайтанов и джиннов, открыл ему источники металлов. Джинны трудились на Сулаймана — добывали из моря жемчуг, возводили храмы, высекали статуи, отливали из меди огромные котлы и чаши. Вот как сказано об этом в мекканской суре «Пророки» («аль-Анбийа'», 21) в списке благодетелей Аллаха пророкам: «А Сулайману — ветер, когда он, дуя, устремляется по его повелению в землю, которую Мы благословили, и Мы знали прежде про все. ...А из сатан — тех, которые ныряют для него и делают деяния, кроме этого, и Мы их охраняли» (21:81—82). Или в мекканской же суре «Саба'»: «А Сулайману — ветер... утренний путь его — месяц, и вечерний путь его — месяц. Источили Мы для него ключ меди. А из джиннов — такие, что работают перед ним по повелению его Господа; кто же из них уклонится от Нашего повеления, тому Мы дадим попробовать наказание огня. Делают они ему, что он пожелает, из алтарей, изображений, чаш, как цистерны, и котлов прочных» (34:12/11—13/12).

Сулайман был праведным волшебником, верил в Аллаха и от Аллаха имел знание сокровенного. Не всегда, впрочем, он был стоек в своей вере. Однажды ему привели благородных стройных коней. «Вот представлены были ему вечером легко стоящие, благородные. И сказал он: „Я полюбил любовь к благам больше, чем поминание Господа моего, пока не скрылось оно (солнце) за завесою. Верните их ко мне!“ И начал поглаживать по голени и шеям» (38:31/30—33/32).

Эти аяты можно понимать по-разному. Одно объяснение. Сулайман увлекся лошадьми, забыл поминать Господа (молиться), осознал это, но тем не менее приказал вернуть коней обратно и снова ими любовался. При этом толковании образуется логическая связь с последующими аятами, где Аллах доказывает Сулайману непрочность его царской власти.

Другое толкование, принимаемое большинством комментаторов, представляет Сулаймана в лучшем свете. Осознав свою любовь к земным благам, Сулайман раскаялся и приказал вернуть коней лишь для того, чтобы заколоть их. В этом случае к фразе «и начал поглаживать по голеним и шеям» как бы добавляется «мечом»⁵.

Мне представляется более логичным «критическое» толкование, ибо из него развивается идущий дальше мотив испытания Сулаймана, его полного обращения и его деятельности по обращению других (царицы Савской).

Аллах испытал великого царя так: «Мы... поместили на троне его тело» (38:34/33). После этого Сулайман обратился, просил у Господа прощения, и ему была дарована необыкновенная власть:

И подчинили мы ему ветер, который течет, по его повелению, легким, куда он пожелает,—
и шайтанов, всякого строителя и водолаза, и других,
соединенных в цепях.

Это — Наш дар, и благодетельствуй или держи без расчета! (38:36/35—39/38).

Помещенное на троне тело — лишь намек на легенду, известную из иудейских преданий и коранических комментариев. Некий джинн принял образ Сулаймана, овладел его волшебным кольцом и захватил его трон. Лишь после покаяния царя Аллах изгнал узурпатора и вернул Сулайману царство.

Центральная для Корана легенда о Сулаймане — рассказ в мекканской суре «Муравьи» («ан-Намль», 27). Сулайман собрал свои войска из джиннов, людей и птиц и двинулся в поход. Когда они подошли к долине, где жили муравьи, одна муравьица стала загонять их всех в жилища, предупреждая, что войско Сулаймана растопчет их, не заметив. Царь, понимавший язык животных, услышал ее, рассмеялся и возблагодарил Господа за дарованные ему чудесные способности.

Потом он стал делать смотр своим войскам и обнаружил, что среди птиц нет удода. Царь разгневался и обещал примерно наказать его. Через некоторое время удода вернулся и стал оправдываться тем, что принес весть о вещах, Сулайману неизвестных. Он побывал в стране Саба' и видел женщину, правящую там. У нее «великий трон». Она и ее народ поклоняются солнцу, ибо Шайтан отвратил их от веры в Аллаха. Сулайман решил проверить слова удода и приказал ему лететь обратно, бросить на землю письмо от него и посмотреть, что скажут сабейцы.

Царица подняла письмо и показала его своей знати, испрашивая у нее совета. Письмо гласило: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Чтобы вы не превозносились предо мною, и приходите предавшимися» (27:30—34). Сулайман требовал покорности и подчинения. Знать ответила царице, что решение принимать ей. Они же считают, что обладают достаточной силой. Она сказала, что цари, приходя в селения, губят их и уничтожают жителей. Поэтому лучше послать к Сулайману подарки и посмотреть, с чем вернутся послы.

Сулайман отверг подарки, заявив, что в богатстве не нуждается, ведь Аллах даровал ему больше, чем другим. Он приказал передать царице, что явится к ней с войсками, против которых устоять невозможно, покорит и изгонит из собственной страны ее народ.

Потом царь обратился к своим приближенным с вопросом, кто сумеет доставить к нему трон царицы прежде, чем явится она сама. 'Ифрит из джиннов пообещал сделать это прежде, чем Сулайман встанет со своего места. Однако некто другой, имевший «знание из Книги», вызвался доставить трон раньше, «чем вернется к тебе твой взор». Трон был доставлен. Вид его несколько изменили и так показали царице, когда она прибыла к Сулайману. Она узнала трон и объявила, что теперь ей открылась истина, она покоряется и отвергает свою прежнюю ложную веру.

Потом ее ввели во дворец, где пол был из гладкого хрустала. Царица приняла его за водную пучину и открыла свои голени (подняв подол платья). Узнав о своей ошибке, она еще раз осознала свои прежние заблуждения и обратилась к Аллаху с молитвой как новообращенная, принявшая веру Сулаймана (27:17—44/45).

Это был триумф иудейского царя. Когда же Аллах послал Сулайману смерть, он стоял опершись на посох.

Так он и остался стоять мертвый, пока червь не проел посох, и тело упало. Только тогда джинны узнали, что их повелитель мертв и они свободны.

Со временем Сулаймана Коран связывает и упоминание о двух падших ангелах, томящихся в темнице в Вавилоне и обучающих людей и шайтанов магии:

«Сулайман не был неверным, но шайтаны были неверными, обучая людей колдовству и тому, что было ниспослано обоим ангелам в Вавилоне, Харуту и Маруту. Но они оба не обучали никого, пока не говорили: „Мы — искушение, не будь же неверным!“ И те научились от них, чем разлучать мужа от жены... и они знали, что тот, кто приобретал это, — нет ему доли в будущей жизни. Плохо то, что они покупали за свои души, — если бы они это знали!» (2:102/96) ⁶.

Сказание о Сулаймане использует хорошо известный и знаменитый образ, собирая разные легенды и эпизоды для того, чтобы лишний раз доказать величие Аллаха. Даже могущественный Сулайман перед Аллахом ничтожен. Его слава — лишь дар Аллаха, а главная его победа — обращение могущественной царицы в веру Аллаха. Коранический рассказ о Сулаймане отражает, но не передает точно различные предания иудейского круга о царе Соломоне ⁷. На их известность в Аравии указывает, как и в других случаях, характер изложения — намеками, предполагающими у слушателя предварительное знание. Так сказано об истории с лошадьми, о «теле» на троне, об истории с посохом, о прозрачном поле зала. Имя Сулаймана встречается в доисламской и современной Мухаммаду арабской поэзии, в частности у Умаййи ибн Аби-с-Сальта. Сулаймана знали как могущественного царя, великого строителя ⁸.

Особый интерес представляет рассказ о царице Савской. Он привлекает слушателей своей композиционной завершенностью. Это как бы хорошо отработанное драматическое произведение. Фразы, диалоги, слова в нем кажутся тщательно подобранными и выверенными. Один из недавних исследователей этого рассказа даже обнаружил «зашифрованным» в его структуре различные календарные цифры — число дней недели (количество самостоятельных сюжетных единиц), коэффициент перевода лунного года в солнечный (число фраз, данных в прямой речи), число дней лунного года (количество слов в рассказе) и т. д. ⁹. Едва ли эта числовая символика введена в рассказ сознательно, но возможность такого анализа

указывает на определенную структурную стройность и соразмерность повествования. Рассказ о царице Сабы не очень похож на другие коранические истории. Кроме того, он содержит неожиданно много мусульманских терминов. Именно в нем в письме Сулаймана впервые появляется знаменитый мусульманский зачин «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного». Многократно упоминаются Аллах, Шайтан, термины единобожия. Покорность и обращение царицы обозначается теми же словами, что и принятие ислама.

Рассказ повествует о царице Йемена, южной части Аравийского полуострова, которая была мекканцам хорошо известна. Однако в нем никак нельзя увидеть местное йеменское предание о йеменской древности. В рассказе слишком явственна связь с циклом о царе Соломоне-Сулаймане. Он — переработка библейской истории о царице Савской, хотя и очень от нее отличается. Он, подобно библейскому преданию, — часть общей истории Сулаймана, а не независимый рассказ.

Между тем некоторые специфические детали отражают йеменские реалии. Это — огромный и удивительный трон. Для культуры древнего Йемена действительно были характерны монументальные, похожие на здания каменные троны правителей¹⁰. Использование полупрозрачных камней в строительстве (как в полу зала в коранической истории) — тоже известная характерная черта йеменской архитектуры. Совет знати при царе (*масвад*) — один из реальных элементов политической системы древнейеменских государств. Относительно недавно стало ясно, что в народной религии древнего Йемена божество солнца Шамс играло очень большую роль. К нему обращались народные талисманы и заклинания-обереги. С ним же связывалось благополучие царских династий. По всему Йемену божеству Шамс посвящалась ритуальная охота. Подчеркивая поклонение царицы именно солнцу, Коран оказался достовернее многих недавних научных работ, где характерным для Йемена объявлялось поклонение лунному божеству, а божество солнечное считалось второстепенным¹¹.

Ближайшая параллель кораническому рассказу — эфиопское сказание о царице Македе, входящее в царский эпос эфиопов «Кабрэ Нагэст». Однако эти два сказания, видимо, независимы друг от друга и восходят к единому прототипу, бытовавшему в Аравии, главным образом в южной, и преимущественно в иудейской среде.

Эфиопское предание тоже увязано с циклом о Соломоне. Оно с гордостью доказывает происхождение эфиопской царской династии от потомства от брака Соломона с царицей Савской.

Следы предшественника этого аравийского иудейского предания обнаруживаются в Ираке. Созданный там арамейский по языку Второй таргум (перевод-пересказ) библейской книги Есфирь (Эстер) содержит немало деталей, имеющих также в аравийском сказании, но отсутствующих в библейском тексте. За счет бытования предания в Вавилоне можно отнести и некоторые мотивы из древнеиранской мифологии, которые иногда (на мой взгляд — без особых на то оснований) находят в коранической истории о царице Савской¹². Что же касается библейского предания о царице Савской (Первая Царей 10; Вторая Хроник 9), к которому в конечном счете восходит коранический рассказ, то прямые совпадения весьма незначительны. Совпадают общая линия и общая идея сюжета. Библейская легенда путешествовала с иудейскими общинами по путям их странствий, обогащаясь и изменяясь. В Вавилоне она украсилась и расширилась, а затем попала в Йемен, в страну, о которой рассказывала. Приобретая некоторые местные реалии, рассказ широко распространился, а затем был художественно обработан в Коране не осознавшим свое творчество художественным гением Мухаммада.

В суре «Пещера» («аль-Кахф», 18), где собраны вместе несколько интересных и подробно изложенных сказаний Корана, сразу после рассказа о путешествии Мусы с «рабом Аллаха» следует рассказ о Зу-ль-Карнайне — Двурогом (18:83/82—98/97—98). Он вводится словами: «Они спрашивают о Зу-ль-Карнайне. Скажи: „Я прочитаю вам о нем воспоминание“» (18:83/82). Таким образом, прямо сказано, что жители Мекки (сура — мекканская, второго периода) знали об этом персонаже и спрашивали у Мухаммада, что он может сказать о нем. Ясна и задача Корана — дать свою интерпретацию известной истории в духе ислама, показать, как проявилась в этом воля Аллаха. Здесь присутствующая во всех коранических рассказах цель задана открыто уже обстоятельствами произведения.

Зу-ль-Карнайн — арабское прозвище, означающее «тот, кто имеет два рога», «двурогий». Рог был на древнем Востоке символом силы и мощи. В арабских преданиях прозвище «Рогатый» носили разные цари и правители.

Однако чаще всего это прозвище прилагалось к Александру Македонскому и происходило от его изображений в виде божества-быка Амона.

Рассказ начинается с того, что все подвиги Зуль-Карнайна дарованы ему Аллахом: «Мы укрепили его на земле и дали ему ко всему путь, и пошел он по одному пути». Так дошел он до места, куда закатывается солнце и увидел, что оно опускается в зловонный источник. Рядом жили люди, попросившие рассудить между ними. Он наказал несправедливых и облагодетельствовал праведников. Потом он «следовал по пути» и дошел до места восхода солнца. Там он нашел людей, никак от солнца не защищенных. Достиг он и места между двумя преградами, где жили люди, едва понимавшие речь. Они обратились к нему с мольбой о помощи, чтобы он уберег их от Йаджуджа и Маджуджа (библ. Гог и Магог), враждебных людям существ, которые «распространяли нечестие на земле». Люди готовы были платить Зуль-Карнайну подать, лишь бы он построил стену (плотину), преграждающую путь Йаджуджу и Маджуджу.

Зуль-Карнайн сказал, что благоволение Аллаха для него важнее податей и что он устроит преграду, если люди ему помогут и принесут «куски железа». Он возвел между двумя склонами стену высотой вровень с их вершинами. Затем приказал раздуть огонь и залил щели между камнями раскаленным металлом. На такую стену Йаджудж и Маджудж взобраться не могли, не могли они ее и проломить.

Зуль-Карнайн объявил, что сделал это «по милости Господа» и что, когда «придет обещание Господа», т. е. наступит Судный день, стена эта превратится в порошок (18:98/97—98). Далее следует описание конца света. Рассказ о Зуль-Карнайне как бы связывает истории о древности с будущим — Судом над людьми. В другом месте, в суре «Пророки» («аль-Анбийя», 21), там, где говорится о воздаянии всем по заслугам в день Суда, как один из признаков близкого наступления этого дня названо то, что «будут открыты Йаджудж и Маджудж, и они устремятся с каждой возвышенности» (21:96).

Рассказ о Зуль-Карнайне вводит в материал для иллюстрации коранических идей эллипстическое паследие. В кораническом духе истолковывается одна из сирийских христианских легенд, восходящая к уже упоминавшемуся знаменитому произведению древней народной литературы — Роману об Александре¹³. Я уже говорил, что

фрагменты этого «романа» вошли в фольклор разных народов, в том числе и арабов (часто теряя имя главного героя, входя в сказочные биографии других царей древности), указывал на наличие мотивов из «романа» в эпизоде о путешествии Мусы к «месту слияния двух морей». Зу-ль-Карнайн был известен и доисламским поэтам¹⁴. Как мы видели, коранический текст прямо свидетельствует о том, что этот персонаж был известен окружению пророка. У нас нет серьезных оснований сомневаться в том, что для Корана прозвище это связано с Александром Македонским, но, конечно, сказочным, а не историческим.

Особое внимание привлекает подробный, с «техническими» деталями рассказ о строительстве стены, залитой железом. Возможно, что тут (в рассказе-прототипе или в самом Коране) отразились распространенные в древности и в средние века легенды о «Железных воротах», находящихся где-то на Востоке (на Кавказе, в Средней Азии) и защищающих цивилизованный мир от набегов кочевников, идентифицированных с библейскими Гогом и Магогом (Иезекииль 38:2; Откровение Иоанна 20:7, 9).

Коранические герои почти всегда мудрецы, но один из них — мудрец по преимуществу. Его зовут Лукман, и рассказано о нем в суре, названной его же именем — «Лукман» (31). Собственно, там ничего и не рассказано. Подразумевается, что названное имя известно всем как достойное уважения и авторитетное. Поэтому в уста этого персонажа вкладывается серия поучений, передаваемых в форме «Завещания» Лукмана своему сыну. Мудрость Лукмана, однако, не своя, приобретенная, но дарована ему Аллахом: «Мы еще раньше даровали Лукману мудрость» (31:12/11).

Мудрый Лукман обращается к своему сыну (31:13/12, 16/15—19/18):

«О сынок мой! Не придавай Аллаху сотоварищей: ведь многобожие — великая несправедливость!..

О сынок мой! Если это будет на вес горчичного зерна и будет в скале, или в небесах, или в земле,— Аллах выведет его. Поистине Аллах мудр и сведущ!

О сынок мой! Выстаивай молитву, побуждай к благому, удерживай от запретного и терпи то, что тебя постигло,— ведь это из твердости в делах.

Не криви свою щеку пред людьми и не ходи по земле горделиво. Поистине, Аллах не любит всяких гордецов, хвастливых!

И соразмеряй свою походку и понижай свой голос: ведь самый неприятный из голосов — конечно, голос ослов».

Завещание содержит как бы вполне обыкновенные заповеди, но в них оказались в четком порядке сконцентрированы основные заветы ислама: догматические (единственность и всемогущество Бога), ритуальные (молитва), морально-этические (добрые дела, терпеливость), бытовые (спокойное поведение, ровный голос). Перед нами как бы идеал мусульманина, тот самый, который позднее был воплощен преданием в образе Мухаммада. Это как бы еще один вид мусульманской проповеди. Она подана в традиционной, в частности и для Аравии, форме завещания. Это еще одна форма «Корана в Коране», повторения коранических наставлений устами коранических персонажей. Проповедуемые идеалы связаны и с мусульманскими и с традиционными арабскими достоинствами и образцами. В частности, терпение, стойкость (*сабр*), на котором делает акцент «Завещание» Лукмана, воспевается доисламской арабской поэзией и вошло в качестве идеальной нормы в моральный кодекс ислама.

Лукман был фигурой, в Аравии хорошо известной. Поэты упоминают его как мудреца и долгожителя (*му'аммар*)¹⁵. Сказания о долгожителях наряду с «завещаниями» были до ислама одной из излюбленных форм назидательного фольклора арабов¹⁶. Из такого фольклора пришел в Коран и Лукман. Есть упоминания о существовании «свитка Лукмана»¹⁷, т. е. записанных текстов, связывавшихся с его именем. Их даже сопоставляли с Кораном. Пользуясь более поздними мусульманскими сказаниями, можно с немалой долей вероятности реконструировать некоторые аравийские предания о Лукмане. Он происходил из аравийского народа 'ад. Вместе с группой адитов Лукман отправился в Мекку, молить о дожде. Вместо этого он стал просить Аллаха о вечной жизни и вымолил себе долгую жизнь, равную жизни семи орлов, каждый из которых рождался после смерти предыдущего. Смерть последнего из них, по имени Лубад, и чувства, охватившие при этом Лукмана, стали предметом нескольких стихотворений и преданий. Лукман пережил свой народ, погубленный за грехи Аллахом.

Фигура мудреца-долгожителя притягивала к себе различные бродячие циклы афоризмов, басен, притч. Таким образом от его имени стали передаваться мудрые высказывания, унаследованные из многовековой культуры Вос-

тока. Приписываемые Лукману изречения находят себе прямые истоки и параллели в древневосточных текстах. С его именем связывали изречения, обычно объединяемые вокруг имени вавилонского мудреца Ахикара. Уже в позднее мусульманское средневековье ему стали приписывать басни, аналогичные по мотивам басням Эзопа. Иногда, манипулируя значениями корня, от которого происходит имя Лукман, комментаторы и исследователи идентифицировали его с библейским Валаамом¹⁸.

Как и другие мудрецы-герои Корана, Лукман был воспринят Мухаммадом из «массовой культуры» окружавшего его мира. Он внес в Коран еще одну часть наследия древних народов и цивилизаций. Этим Лукман способствовал «вливанию» древнего наследия в мусульманскую культуру. Знаками этого древневосточного наследия, вошедшего в мир ислама, стали имена Лукман, Зу-ль-Карнайн, Да'уд и Сулайман.

НЕДАВНЯЯ ИСТОРИЯ АРАВИИ

Особого внимания заслуживают и исторические предания об Аравии, относящиеся ко времени, относительно близкому к жизни Мухаммада. За ними стоят вполне конкретные события аравийской истории, преобразенные легендами, но еще не забытые. На их примере можно хорошо увидеть, как собственная история становилась легендой, а потом — аргументом в религиозной проповеди.

Практически все эти коранические сказания связаны с историей Южной Аравии, Йемена, той части полуострова, где на протяжении веков существовала высокая культура и государственность. Культурное, в частности — религиозное, наследие древнего Йемена сыграло заметную роль в формировании ислама.

Один короткий сюжет легко укладывается на первый взгляд в обычную схему — «пророк и его народ». В суре «Дым» («ад-Духан», 44:37/36—37) в ответ на нападки неверующих Аллах говорит Мухаммаду: «Они ли лучше или народ Тубба' и те, которые раньше? Их Мы погубили, ведь они были грешниками».

Речь идет о погубленном за неверие народе, как были погублены адиты, самудяне, мадйаниты. Так и сказано в другом месте, в суре «Каф» (50:13—14/13): «...и 'ад, и Фир'аун, и братья Лута, и обитатели аль-Айки, и народ Тубба' — все сочли лжецами посланников, и оправдалась Моя угроза».

Кто же такой Тубба'? В предании мусульманского времени слово *тубба'* — титул (нечто вроде «царь») правителей химйаритской династии, господствовавшей в Йемене в IV—VI вв.; Тубба' по преимуществу, Тубба' с заглавной буквы, предание называет царя Абқариба Ас'ада, по прозвищу аль-Камиль («Совершенный»), пра-

вившего в конце IV — начале V в. Есть легенда о том, что он принял иудаизм, а в одном из вариантов биографии царя утверждается, что он был убит своим народом, который отказался принять единобожие. Все как будто подходит под стандартную кораническую схему.

Дело, однако, обстоит значительно сложнее. Если исследовать развитие самого предания о царѣ Ас'аде, то окажется, что более ранние сказания в мусульманское время были подогнаны под кораническую схему. Этому предшествовала нарочитая идентификация Тубба' Корана с Абкарибом Ас'адом¹.

Изначально, в Мекке коранического времени, термином *тубба'* называли некоего чужеземного аравийского царя, который некогда совершил поход в Хиджаз, но был отогнан. Точно установить, кого имел в виду Мухаммад, пока не представляется возможным. Первые комментаторы, современники, не предлагали никаких отождествлений. Они ожесточенно спорили о другом — был ли Тубба' посланником к своему народу, был ли он верующим. Ведь выражение «народ Тубба'» могло означать нечто подобное «народу Нуха»; тогда есть пророк и народ, который его не признал. Но ведь тубба' — царь, и выражение могло быть аналогичным «Фир'ауп и его войско», тогда Тубба' — несправедливый тиран вроде Фир'ауна. Постепенно спорщики склонились к тому, что Тубба' был праведником. Потом ему нашли подходящий прототип в йеменской истории. Возможно, Абкариб Ас'ад на самом деле был прототипом коранического упоминания, однако доказать это нельзя. Пока мы можем лишь говорить, что Коран, видимо, имел в виду предание о походе некоего аравийского царя в Хиджаз. Царь мог быть из Йемена, а мог быть и из Северной Аравии. Аллах остановил поход и помог разбить врага. Об этом и напоминает Коран, объясняя поражение волей Аллаха и тем, что пришельцы были неверующими и не послушали некоего пророка. Так сливаются стандартный сюжет из пророческого цикла и сюжет, подобный истории о «походе слона», о которой речь пойдет в конце этой главы.

Самое знаменитое государство древней Южной Аравии называлось Саба'. Это название у соседних народов стало общим для всей Южной Аравии. Выше уже шла речь об истории с царицей Сабы. Она восходит к Библии. Там приезд царицы ко двору царя Соломона был одним из главных доказательств величия этого правителя. Богатство и процветание сабейцев были знамениты в мире

уже с начала I тысячелетия до н. э. Саба', Южная Аравия, славилась добывавшимися там благовонными смолами (ладан, мирра). Сабейские купцы продавали эти дорогие и редкие, но необходимые для религиозной практики и медицины товары в страны Средиземноморья. Кроме того, через Южную Аравию шла значительная часть торговли с Индией. Поэтому государства древнего Йемена процветали. Лишь с начала нашей эры их постепенно начинают вытеснять торговцы из Египта. К VI в. южно-аравийская, а с ней и общеаравийская торговля приходят в упадок.

Торговые доходы позволяли йеменцам развивать традиционную систему орошения своих земель. Два раза в году (осенью и весной) на Южную Аравию обрушиваются потоки дождевой воды, которая бурными реками стекает с гор и быстро уходит в море или всасывается в почву. Если эту воду быстро разобрать по полям, то ее может хватить до следующего периода дождей. Древние йеменцы создали по всей стране системы плотин, которые распределяли несущийся поток (сель) по как можно большим земельным площадям. Иногда оросительные сооружения были поразительно велики и монументальны, возвышаясь как огромные крепости.

Именно такой была плотина около сабейской столицы — Мариба. Еще и сейчас там стоят огромные башни шлюзов, сложенные из крупных, ровно отесанных глыб. В отличие от многих других эта плотина служила для хранения воды и постепенного снабжения ею плантаций пальм и полей зерновых, окружавших город. Содержание оросительной системы требовало больших, организованных и регулярных усилий. По мере упадка южноаравийской торговли и из-за политических усобиц между йеменскими правителями она постепенно пришла в негодность. Вода неоднократно прорывала обветшавшую Марибскую плотину. На плотине сохранились каменные стелы, в надписях на которых йеменские цари V—VI вв. описывали, каких усилий стоило им восстановить плотину. Ко времени Мухаммада она разрушилась. Марибский оазис опустел.

Марибская плотина была знаменита по всей Аравии, всем известно стало и о ее гибели, которую описывали поэты и сказители. Позднее даже возникла легенда о том, что после прорыва плотины большая часть йеменских племен выселилась на север Аравийского полуострова. Такое историческое событие — реальная и недавняя катастрофа — не могло пройти мимо внимания Мухаммеда,

О нем рассказано в суре, так и названной — «Саба» (34).

После перечисления благ, дарованных Да'уду и Сулайману, речь идет о Сабе:

«У Сабы в их жилище было знамение: два сада справа и слева — питайтесь уделом вашего Господа и благодарите Его! Страна благая, и Господь милосердный!

Но они уклонились, и послали Мы на них разлив плотины и заменили им их сады двумя садами, обладающими плодами горькими, тамариском и немногими лотосами.

Этим воздали им за то, что они не веровали! Разве Мы воздаем кому-нибудь, кроме неверных?!» (34:15/14—17/16).

Перед нами удивительно конкретное описание, явно восходящее к рассказам очевидцев, но не самой катастрофы, а того, как выглядел оазис до и после прорыва плотины. Поля и пальмовые рощи древнего Мариба действительно находились по обе стороны вади, образуя как бы «два сада». Согласно надписям на плотине, ее тело, перегородившее долину, называлось 'Арим. Так же оно названо и в Коране. Описание того, что осталось на месте опустевших садов, осязаемо воспроизводит реальный пейзаж полупустынных районов Аравии. Русский перевод не совсем точно передает терминологию Корана. Там названы пустынные растения в порядке увеличивающегося их размера: кустарник арак (в тексте описательно — *укуль замт*, «плоды горькие»), небольшие деревья — аслъ (атль), крупные деревья — сидр.

До последнего времени предполагалось, что Коран сохранил воспоминание о тех прорывах плотины, которые зафиксированы в надписях (450 г., 542—545 гг.). Недавнее обследование наслоений позади Марибской плотины показало, что последний прорыв произошел где-то около 570 г., т. е. во времена, близкие к Мухаммаду². Из известных нам источников об этом прорыве сообщает только Коран.

Вслед за этим описанием идет рассказ о гибели торговых городов на пути из Йемена в Средиземноморье. Упадок торговли произошел ранее последнего прорыва плотины, и сообщение тут не столь конкретно (34:18/17—20/19):

«И устроили Мы между ними и теми селениями, которые благословили там (в Сирии и Палестине), заметные для глаза селения; и направили там путь: „Идите там ночи и дни в безопасности!“».

Речь, конечно же, идет о системе торговых городов, обеспечивавших отдых и охрану каравана по пути вдоль Хиджаза.

«И сказали они: „Господи, увеличь расстояние между нашими путешествиями!“ — и обидели самих себя». Судя по общему контексту, речь шла о каком-то корыстном желании, возможно — об увеличении сферы контроля (и сбора пошлин) одних городов за счет других. Думаю, что так отразились споры и соперничество между городами. Как бы то ни было, жители этих торговых центров были наказаны за свои непомерные желания:

«И обратили Мы их в повествование и разорвали на клочки. Поистине, в этом — знамение для всякого терпеливого, благодарного!

Иблис заставил их признать правдой его мысль, и они последовали за ним, кроме немногих из верующих».

Реальная история послужила, как видим, основой для стандартных коранических поучений. Люди не довольствовались благами, дарованными Аллахом. Они не понимали, что все блага — не от них самих, а от Аллаха. Они послушались Иблиса и требовали большего, чем заслужили. За это они наказаны, уничтожены. Если бы рассказ о городах не стоял рядом с рассказом о плотине, понять его реальную основу было бы трудно — так затемняет ее стандартное поучение.

Два сада в рассказе о Сабе — историческая и топографическая реальность. Но они же — символы бренности людского благополучия. В Аравии растительность в любой момент может погибнуть из-за засухи или быть уничтожена слишком обильным селевым потоком. Так же легко пустынная земля может вдруг вся зазеленеть после дождя или паводкового потока. Поэтому в Коране часто используется образ появляющейся и исчезающей по воле Господа растительности³.

Сад фигурирует в Коране в небольшой притче, действующие лица которой не названы по именам (68:17—33). Комментаторы утверждают, что упомянутая история происходила в Йемене. Неверующим Коран обещает такое же испытание, какое постигло владельцев некоего сада. Ожидая большого урожая, они решили приступить на следующий день к его сбору, не оговорившись при этом: «Если захочет Аллах». Утром они отправились к саду, обсуждая, как бы не допустить к его плодам бедняков. Однако ночью Аллах наслал на сад какое-то бедствие (в тексте *та-ифун* — «нечто охватывающее», ураган? потоп?), и все

плоды погibli. Пришедшие хозяева были ошеломлены тем, как в один момент сами превратились в бедняков. Они поняли, что наказаны за то, что не восславили вовремя Аллаха. Полные раскаяния, они стали просить у него прощения, надеясь на его милость. На этом притча кончается, и за ней следует сентенция о том, что наказание, ждущие грешников и неверующих после смерти, куда более суровы.

В суре «Пещера» («аль-Кахф», 18:32/31—44/42) рассказано о двух виноградниках, окруженных пальмами и полями и расположенных по разным берегам водного потока. По аравийским понятиям это высший предел благоденствия земледельца. Хозяин одного из садов стал похваляться перед хозяином другого, что он богаче, что семья у него больше, говоря, что никакого Суда в будущем не будет, а если и будет, то он, богач, все равно получит лучшую долю. Сосед увещевал его, напоминая, что, войдя в сад, надо сказать: «Что угодно Аллаху» или «Нет мощи, кроме как с Аллахом». Он говорил, что, хотя он и беднее соседа, все может измениться. Господь может даровать ему лучший сад, или, напротив, послать поток, который снесет сад соседа, или же увести орошающую сад воду. Действительно, в саду богача вдруг исчезли все плоды. Он принялся причитать о том, что все труды его оказались бесполезными из-за того, что он не верил в единственного бога — Аллаха. И никто не помог ему. Коран заключает — защитить может только Аллах.

Еще в одном месте тоже говорится о гибели полей. Это — краткое назидание в суре «Семья Имрана» («Аль-Имран», 3:117/113): «То, что они тратят в этой ближайшей жизни, подобно вихрю, в котором холод: он порастил посев людей, которые обидели самих себя, и погубил его. Поистине, Аллах их не обижал, но они сами себя обижают».

В этих притчах есть непосредственная реальность аравийского быта. Поэтому место действия первой из них считали возможным видеть в Йемене⁴. Вторую же притчу современные исследователи считают возможным квалифицировать как реальный случай, произошедший в окружении Мухаммада⁵. Внутри текста Корана они оба перекликаются с рассказом о двух садах Сабы, способствуя как бы его обобщению, несколько отрывая его от конкретной истории Марибской плотины. Это помогает построению двух измерений рассказа о Сабе. Он одновременно приземленно конкретен (я показал выше удивительную

конкретность описания) и в то же время — абстрактен и философичен.

Третий отрывок формулирует такие же идеи, но очень кратко. И даже в такой кратчайшей формулировке видна иная композиция. Описание катастрофы построено, как в рассказах об аравийских пророках, — страшное бедствие, уносящее посевы. За ним человеку, знакомому с аналогиями, слышится история гонений на пророка и обещание кары, которая и последовала. Описанный тут «вихрь, в котором холод» — *рихун фикх сиррун* — созвучен описанию «ветра шумного» — *рихун сарсарун*, уничтожившего адитов (69:6).

Все эти сюжеты и мотивы могли быть взяты просто из жизни. Вместе с тем нравоучения на примере жизни земледельцев широко распространены в назидательной литературе иудеев и христиан. Сходные рассказы есть в талмудических текстах⁶, похожие по духу и форме притчи встречаются в Евангелии⁷. Они могли доходить до Мекки и Йасриба, служить предметом бесед и рассуждений жителей этих городов. Соответственно Мухаммад мог черпать материал и из «массовой культуры» своего народа, и из только что услышанных впервые чужих историй.

В йеменской истории в последние века до ислама было много драматических событий. Одно из них — преследование и казни христиан города Наджрана иудейским царем Йемена Йусуфом Ас'аром в начале VI в. В первые века нашей эры на юге Аравии довольно широко распространились иудаизм и христианство. Одним из оплотов последнего стал крупный торговый город Наджран на севере Йемена. Йеменские христиане имели тесные связи с Византией и Эфиопией, что вело к постепенному усилению в стране эфиопского влияния, укреплению прямой власти эфиопов на части йеменских земель. Все это вызывало недовольство местной знати, мятеж которой возглавил объявивший себя потомком химйаритских царей из династии Абкариба Ас'ада аль-Камиля Йусуф Ас'ар, прозванный арабским преданием Зу Нувас («Тот, кто с локонами»). Политически противопоставив себя эфиопскому влиянию и монофизитскому христианству, он объявил, что принимает иудаизм и делает его официальной религией Йемена. Началось изгнание из страны эфиопов и преследование связанных с ними христиан-монофизитов. Был захвачен их оплот — город Наджран. Христиане Наджрана, те, кто отказался отречься от своей веры, были казнены в 525 г.

Гонения вызвали резкую реакцию в христианском мире. Религия в данном случае была теснейшим образом связана с политикой. Византия, соперничавшая с Ираном, пыталась обеспечить себе контроль над южноаравийским торговым путем из Средиземноморья в Индию. Появились христианские сочинения и послания, с трагическим напряжением описывавшие муки христианских праведников, на которые их обрек иудейский царь-тиран. Затем последовала политическая и военная акция. Византия помогла Эфиопии, и та вторглась в Южную Аравию. Совместно с недовольной Йусуфом знатью эфиопы свергли царя-иудея. Краткое правление христианского царя-химйарита сменилось вскоре прямой эфиопской оккупацией⁸.

В Коране в суре «аль-Бурудж» («Башни», 85:4—9) есть такие строки:

Убиты будут владетели рва,
огня, обладающего искрами.
Вот они сидят над ним
и созерцают то, что творят с верующими.
И вымещали они им только за то, что они уверовали
в Аллаха великого, достохвального,
которому принадлежит власть над небесами и землей.
И Аллах о каждой вещи свидетель!

Далее сразу идет переход к описанию мук ада: «...те, которые испытывали верующих, мужчин и женщин, а потом не покаялись,— им ведь наказание геенны, им наказание огня» (85:10).

Здесь отчетливо видна эмоциональная конкретность — боль и возмущение. Однако суть изображенного может быть объяснена по-разному. Иногда тут видят намек на божий суд с помощью огня, когда две веры спорят между собой и огонь не поглощает угодных Богу. Такова знаменитая история о мужах в «печи, раскаленной огнем», из Книги Даниила или кораническая история о попытке сжечь Ибрахима. Иногда в этом отрывке видят просто описание мук грешников, попавших в ад за преследование верующих. Большинство из комментаторов считают, и, видимо, справедливо, что источник этой коранической картины — описание казней христиан в Наджране, их сжигания во рву. Во рву горят христианские праведники, а над ним сидит и созерцает их муки иудейский царь с приспешниками. Историческая основа скорее всего действительно такова. Однако между ней и Кораном

есть еще одно передаточное звено. Общий протестующе-негодующий настрой сродни христианской монофизитской пропагандистской литературе о наджранских мученичествах. Она не просто сообщала, но призывала к мести. В Коране эти эпизоды явно восприняты через такую христианскую передачу, через христианские рассказы о гибели за веру, а не через более спокойные повествования, каковые тоже существовали (например, тоже христианские, но несторианские сообщения) и сохранились в трудах арабских историков. Высокий эмоциональный накал позволил этому отрывку в Коране стать одновременно и историей о зверствах неверующих, и отвлеченным описанием адских мук⁹. Такому отвлечению от реальной исторической основы особенно способствовало то, что для Корана христиане были не лучше иудеев. И те и другие были «людьми Писания», единобожниками, которые могли считаться в равной степени и верующими в Аллаха, и верующими неправильно.

Эфиопская власть в Йемене оказалась непрочной. В середине VI в. эфиопский наместник страны по имени Абраха (т. е. Авраам) фактически покончил с прямым управлением негуса и стал независимым правителем Южной Аравии, приняв к тому же традиционный титул йеменских царей: «Царь Сабы и Зу Райдана, и Хадрамаута, и Йаманата, и бедуинов их в Тауде и в Тихаме». Подражая йеменским царям IV—V вв., он возобновил походы на север, во Внутреннюю Аравию, стремясь восстановить йеме́йский контроль над торговыми путями, остановить наступление на Йемен кочевых племен с севера, стараясь помешать росту новых торговых и религиозных центров, в частности Мекки. Сохранившиеся надписи Абрахи¹⁰ свидетельствуют о том, что он вел активные наступательные действия в направлении двух основных торговых путей Аравии — пути из Йемена на восток, через Йемаму, и пути на север, через Хиджаз. Ту же политику, видимо, продолжали и преемники Абрахи вплоть до самого конца VI в., когда Йемен был завоеван сасанидским Ираном.

Местные предания Мекки сохранили память о том, как некий царь с юга, эфиоп или йеменец (Абраха или его сын), совершил поход на Мекку, попытался ее захватить, но потерпел неудачу. Среди осаждавших разразилась эпидемия, царь повернул назад. Чудесное спасение города произвело большое впечатление, тем более что в войске врагов был поразивший воображение мекканцев боевой слон. Год спасения от слона стал одной из опорных дат

мекканской хронологии. От него, от «года слона», в городе отсчитывали даты. Согласно одному из преданий, именно в «год слона» (т. е. в 70-х годах VI в.) родился Мухаммад¹¹. Чудесное спасение Мекки послужило сюжетом одной из самых ранних, самых кратких и самых красивых сур Корана — суры «аль-Филь» («Слон», 105). Описание здесь тоже конкретно, как и в рассказе о Сабе, но конкретность эта легендарна и сказочна.

Коран опирается на уже существующее предание, объясняет чудесное спасение волей Аллаха, подчеркивает фантастические детали (например, образ птиц, мечущих камни на врагов) и тем самым развивает дальше мекканское историко-эпическое предание. Вот эта сура целиком:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
Разве ты не видел, как поступил Господь твой
с владельцами слона?
Разве Он не обратил их козни в заблуждение?
И послал Он на них птиц стаями?
Бросали они в них камни из обожженной глины.
И сделал Он их точно нива со съеденными
зернами.

Это, как и все многочисленные и разнообразные сказания, рассмотренные выше, было красочным аргументом в полемике. С помощью «истории» доказывались величие Аллаха и правота Мухаммада, его пророка и посланника.

МУХАММАД И «ИСТОРИИ ПЕРВЫХ»

Семнадцатая сура Корана называется «аль-Исра'» («Перенес ночью») и начинается знаменитым аятом:

«Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине, Он — всеслышащий, всевидящий!» (17:1).

«Мечеть неприкосновенная» (*аль-масджид аль-харам*) — это мекканская заповедная территория вокруг аль-Ка'бы. Что же касается «мечети отдаленнейшей» (*аль-масджид аль-акса*), то есть некоторые современные толкования, утверждающие, что речь идет о каком-то месте около Мекки и о путешествии к нему. Однако господствующее в мусульманской традиции и в востоковедении понимание этого аята исходит из того, что речь идет о путешествии на некое место в Иерусалиме. Хотя прямого упоминания Иерусалима в тексте нет, такое объяснение подтверждается содержащимся в том же аяте выражением «вокруг которой мы благословили». В Коране оно неоднократно появляется как стандартное клише, означающее библейскую «землю обетованную», т. е. Палестину¹.

За краткими формулировками этого аята стоит одно из важных событий духовной биографии Мухаммада — видение о перенесении в Иерусалим и общении с пророками и Аллахом. Скупые сведения о том, что чувствовал и пережил Мухаммад, мусульманское предание расцветило многочисленными подробностями, создав целое сказание об *аль-исра' ва-ль-ми'радж* — «ночном путешествии и вознесении» Мухаммада. Народные рассказы об этом событии (особенно о посещении ада и рая) дошли до средневеко-

вой Европы и, возможно, повлияли на становление сюжета «Божественной комедии» Данте. В сегодняшнем мусульманском мире памяти этого «вознесения» посвящен один из официальных религиозных праздников.

Предание, сохраненное в «Жизнеописании посланника Аллаха» Ибн Исхака — Ибн Хишама, рассказывает, что однажды, когда Мухаммад спал около аль-Ка'бы, его разбудил Джибриль. Ангел привел с собой необыкновенное верховое животное, звавшееся Бурак и возившее на себе некогда всех пророков, бывших до Мухаммада. Мухаммад сел на Бурака, и тот по воздуху перенес его в Иерусалим. Там Мухаммад встретил своих предшественников — Ибрахима, Мусу, 'Ису и других пророков и руководил их молитвой. Потом ему было предложено выпить из одного из трех сосудов — с водой, с вином и с молоком. Он выбрал сосуд с молоком, и это означало, что его община пойдет верным путем. А вино для его последователей стало с тех пор запретным. К утру Мухаммад оказался дома. Это перенесение по воле Аллаха в Иерусалим и называется *аль-исра'*.

Другое предание, тоже включенное в «Сиру» Ибн Исхаком, рассказывает о втором эпизоде пребывания в Иерусалиме, в Коране не упомянутом. Это — вознесение на небеса, называемое *аль-ми'радж* (букв. «ступени», «лестница») ². После того как Мухаммад молился с пророками, к нему спустилась лестница, по которой он вознесся в сопровождении Джибрила поочередно на семь небес. На нижнем он видел, как Адам решает судьбы душ умерших. Ангелы показали Мухаммаду небольшой участок ада: он почувствовал нестерпимый жар огня, видел страшные мучения ростовщиков, прелюбодеев, людей, посягнувших на имущество сирот. Поднимаясь с неба на небо, он снова встречал пророков: на втором — 'Ису, на третьем — Йусуфа, на четвертом — Идриса, на пятом — Харуна, на шестом — Мусу, на седьмом — Ибрахима. Потом Мухаммад побывал в раю, где видел блаженство верующих.

Затем с ним говорил Аллах, обязавший мусульман молиться пятьдесят раз в день. Когда Мухаммад возвращался вниз, Муса уговорил его вернуться и попросить о сокращении числа молитв. Так происходило несколько раз, и число обязательных для мусульман молитв сократилось до пяти ³.

История фантастическая и кажется невероятной. Однако характер рассказа позволяет говорить о том, что какие-то, сходные с описанными переживания пророк дей-

ствительно испытал. Реакция мекканцев, которым он поспешил рассказать о путешествии, была естественной — ему не поверили. Некоторые из мусульман даже отступились от своей веры. Люди говорили: караван идет туда целый месяц, как же можно слетать туда и обратно за одну ночь? Даже верный из верных — Абу Бакр — попросил Мухаммада описать Иерусалим, чтобы сверить рассказ со своими собственными воспоминаниями о городе. Аллах как бы поднял Мухаммада вверх, и пророк стал описывать то, что видел. Эти описания и воспоминания Абу Бакра совпали, правдивость Мухаммада была подтверждена. Абу Бакр с тех пор получил почетное прозвище ас-Сиддик, что обычно переводится как «правдивый», но более точное значение — «признающий истинным», «подтверждающий истинность».

Предание рассказывает и о другом эпизоде-подтверждении. Мухаммад рассказал мекканцам о событиях, произошедших в караване, который был еще только на пути к Мекке. Караван через некоторое время прибыл, и рассказ подтвердился. Все это, конечно, не значит, что Мухаммад действительно летал в Иерусалим. Однако ясно, что он не побоялся рассказать о своих переживаниях соотечественникам, хотя сначала это грозило ему потерей уже завоеванных позиций. Именно потому, как рассказывают, близкие уговаривали Мухаммада молчать о чудесном видении.

Ко времени Мухаммада относятся уточнения, восходящие к родственникам пророка, где подчеркивается, что путешествие было явлено Мухаммаду во сне, что путешествовала душа, а тело оставалось на месте. Это никак не принижало чудесность и значение события, ибо Аллах общался с пророками и во сне и наяву и все видения были божественными.

Все, что мы знаем об обстановке, в которой Мухаммад провозглашал людям приходившие к нему откровения, показывает, что он был искренен. Искренность Мухаммада не раз ставилась под сомнение и его современниками, и врагами его религии. Как обман толковались его пророчества в знаменитом европейском средневековом вольнодумном трактате «О трех обманщиках», где таким же образом разоблачались Моисей и Иисус. Кстати, идея о трех обманщиках родилась в мусульманской среде — у исмаилитов. Некоторые европейские исследователи тоже отдали дань такой точке зрения, опираясь, в частности, на некоторые эпизоды, когда «откровения» прихо-

дили очень уж кстати для решения проблем политической борьбы или даже личной жизни пророка.

Однако у нас нет серьезных оснований сомневаться в том, что Мухаммад был в своих переживаниях абсолютно искренним, что он верил и знал, что тексты Корана приходят к нему «извне». Стилль Корана, конечно же, менялся со временем, становился более спокойным. Однако повсюду в Коране он сохраняет все специфические признаки экстатической речи, отличающие Коран от всех предшествовавших и следовавших произведений арабской словесности. Не только Мухаммад, но и его современники хорошо различали речь, идущую «свыше» (это пересказывалось потом как части Корана), и собственную речь Мухаммада (это фиксировалось потом как хадисы).

Экстатический опыт Мухаммада, ощущение общения с божеством, не является в принципе чем-то необыкновенным для духовной истории человечества. Подобные фигуры разного масштаба появлялись в ней многократно. Типологически пророчество Мухаммада сродни шаманским трансам⁴, но оно находится на неизмеримо более высокой ступени эволюции духовной жизни. Поэтому Мухаммад-пророк одновременно чем-то близок и к аравийским шаманам-кахинам, и к библейским пророкам-вероучителям. Пророчество, т. е. явление, когда божество говорит устами человека, было распространенным элементом ближневосточной и средиземноморской культур в древности. Однако никто из малых или больших пророков не стал единственным и столь лично ярким основателем особой мировой религии, каким стал Мухаммад⁵.

Пророческий опыт Мухаммада довольно хорошо может быть представлен по тексту Корана и по мусульманскому преданию. Откровения приходили к нему иногда неожиданно, иногда возвещали о своем начале звуками, похожими на звон колокольчиков. Пророк мог ожидать откровения и тем самым как бы «испрашивать» его. Трансы бывали и во сне и наяву, они сопровождались ощущением тяжести, изнурили пророка. Порой его бил озноб, принуждавший Мухаммада заворачиваться в плащ.

Характерной чертой пророческих трансов было преобладание речений над видениями. С Мухаммадом говорил Аллах или Джibriль, при этом говорящий обычно не был виден. Видения характерны для самого начала ниспослания Корана — фигура Джibriла на горизонте, образ небесного дерева. Потом все заменяют слова. В конце мекканского периода — вновь видение (ночного путешеств-

вия), кратко отраженное в словах. Это видение как бы венчает многие аспекты развития ислама в Мекке. Оно же оказывается завершением всего комплекса коранических сказаний, как ниспосланных раньше, так и тех, что последовали потом, в Медине. Мухаммад встречается со своими «двойниками», они творят общую молитву и признают превосходство последнего пророка.

Коранические сказания занимают важное место в пророческом, неосознанном творчестве Мухаммада. Связи и образы, существовавшие в окружавшем его мире, преобразовывались в нечто новое. Издавна знакомые не только Мухаммаду, но и его слушателям развлекательные истории превращались неожиданно в осмысленное и убедительное повествование о величии Аллаха. Истории о прошлом в Мекке всегда любили. Недаром Мухаммада даже упрекали в том, что излагает он не божественные откровения, а *асатир аль-аввалин* — «истории первых», «сказки предков». Об этом в Коране сказано: «Когда читаются перед ним Наши знамения, он говорит: „Истории первых!“» (68:15; см. также 83:13; 8:31; 6:25; 25:5/6). Согласно преданию, знаменитый мекканский рассказчик ан-Надр ибн аль-Харис отвлекал от Мухаммада слушателей своими историями о древних царях⁹.

Привычный интерес арабийцев к сказаниям о прошлом не только не мешал Мухаммаду, но значительно больше — помогал. Увлекая слушателей тем, что они любили, он постепенно, настойчиво, но неназойливо, внушал им в форме привычных сказаний новые мысли и понятия, бывшие уже не частью старой культуры, но частью новой идеологии.

Сказания Корана были обращены не только к слушателям Мухаммада, но и к нему самому. Его тоже они должны были убедить, уверить в истинности и успешности возложенной на него Аллахом миссии. Напомню, что после первого откровения Варака ибн Науфаль успокоил Мухаммада ссылкой на Мусу-Моисея, а истории прежних пророков (как мы видели на примере отдельных сказаний) использовались для того, чтобы в трудную минуту поддержать дух Мухаммада.

Коран был неосознанным творением Мухаммада, отстраненным от своего творца. Однако личность пророка отразилась в нем достаточно сильно. В тексте то переплетаются, то расходятся элементы, идущие извне и изнутри, из души. «Массовая культура» переплетается с божественным ее толкованием. Аллах преобразует и объясняет лич-

ный опыт и личные знания пророка. Такая двойственная природа Корана делает его памятником словесности, стоящим между фольклорным и авторским творчеством.

Коран — религиозная проповедь, имеющая несколько важных ораторско-художественных особенностей, приемов. Некоторые из них особенно ярко проявились в коранических сказаниях. Прежде всего это облечение новых идей в одежды хорошо знакомого, провозглашение нового возрождением старого. Это и постоянный параллелизм прошлого и настоящего. Он достигается легко видимыми приемами «Корана в Коране» и «двойников». И то и другое особо подчеркивается и является более чем приемом. Это часть общей «многомерности» Корана. Каждая история, каждое высказывание могут жить и живут в нескольких контекстах, часто даже противоречащих друг другу. Эта многомерность — одна из важнейших черт Корана в целом.

Через сказания о пророках и катастрофах Коран внушает людям картину закономерного линейного развития человечества к определенному концу — к Судному дню. Пророком этой последней катастрофы, завершением всей религиозной истории сынов Адама представлял благодаря сказаниям Мухаммад.

Коранические сказания изображают, таким образом, поступательный исторический процесс. Но изображают они и другое. Повторяемость и параллельность событий и речей, относящихся к «двойникам» Мухаммада, как бы сливают эпохи в одно общее время. Они придают мировой истории иные измерения, подчеркивают постоянство святей, ситуаций и явлений, которое сродни вечности и постоянству Бога. «Исторические» сказания ярко выражают и эту сторону «многомерности» Корана, слияние в нем линейного и циклического исторического сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Мухаммад

¹ Цитаты из Корана в русском переводе даны по тексту: Коран. Пер. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986. Собственные переводы автора приводятся лишь в тех случаях, когда нужно передать важный для рассуждений смысловой оттенок, опущенный в переводе. Такие переводы особо оговариваются в примечаниях. Нумерация стихов двойная, но на первом месте стоят в отличие от перевода И. Ю. Крачковского номера стандартных современных изданий, следующих египетским образцам.

И. Ю. Крачковский не успел окончательно подготовить свой перевод к изданию. По существу, мы имеем дело с его творческим наследием. Поэтому в тексте перевода порой встречаются отдельные описки и не до конца отредактированные литературно тексты. Перевод И. Ю. Крачковского является научным и в понимании текста исходит из самого Корана, а не из его более поздних комментариев. Последние, как неоднократно показывалось исследователями, дают связное и доходчивое истолкование истинного текста, но часто искажают (в разной степени) его изначальный смысл. Особенно это касается аравийских реалий эпохи Мухаммада, от которой комментаторы были очень далеки и хронологически и психологически. Поэтому перевод И. Ю. Крачковского может расходиться с некоторыми современными мусульманскими переводами на европейские языки, основанными на комментариях и адресованными мусульманам, плохо знающим арабский язык. См.: *Грязневич П. А.* Предисловие ко второму изданию. — Коран (Крачковский), с. 3–14.

² Этот рассказ, приведенный в «Жизнеописании посланника Аллаха» Ибн Исхака — Ибн Хишама (*Ибн Хишам*. Сира, с. 155–156), не может быть признан полностью достоверным. Существует много различных вариантов описания того, как пришло к Мухаммаду первое откровение. Они собраны во многих авторитетных средневековых сочинениях, в частности в «Истории» ат-Табари, в его же Комментарии к Корану, в «Книге разрядов» Ибн Са'да. Все это — обрывки воспоминаний самого Мухаммада и его жены Хадиджи, переданные через несколько поколений передатчиков. Однако в главном этот рассказ достоверен. Он передает общую атмосферу переживаний человека, ощущающего возможность общения с высшими силами. Он верно приводит детали различных типов мистического транса — видения, речения извне и изнутри, ощущение стра-

ха, тяжести, насилия. Известный советский семитолог И. Н. Винников в специальной статье убедительно показал, что различные варианты истории о первом призвании Мухаммада отражают различные формы и этапы мистического «озарения», которые находят себе параллели в практике шаманского транса, а он в основе своей сродни всяким мистическим переживаниям, ощущениям общения с божеством. См.: *Винников. Легенда. О Мухаммаде как пророке см. также: Пиотровский. Пророческое движение; он же. Мухаммад; Большаков. История*, с. 68–72.

Ответ Мухаммада: «Я не умею читать» — содержится в самом подробном описании первого откровения в «Жизнеописании» Ибн Исхака — Ибн Хишама (*Ибн Хишам. Сира*, с. 156). По-арабски он звучит *ма акра'у* и может быть переведен также: «что мне читать?». Первое понимание является традиционным мусульманским и вроде бы подтверждается фразой *маза акра'у* — «что же мне читать?». Это распространенное понимание связано с общей концепцией мусульманской теории пророчества, согласно которой Мухаммад был неграмотен и потому как бы особо чист и открыт для божественного откровения. Основой для этой концепции послужила кораническая формула *ан-наби аль-умми* [7:157/156, 158/157–158; ср.: Коран (Крачковский): «пророк, простец»]. Слово *умми* принимает при таком толковании свое самое бытовое значение — «невежда», «неграмотный».

Между тем ни этот коранический аят, ни наши знания о жизни Мухаммада не дают оснований безоговорочно считать его неграмотным. В Коране *умми* означает человека, не принадлежащего к народу, который обладает священными писаниями. Так иудеи и христиане Аравии называли, видимо, арабийцев-язычников. Термин является отзвуком бытовавшей тогда идеи, что мессия явится из среды неиудеев. См.: *Paret. Kommentar*, с. 21–22; Коран (Крачковский), с. 546; *Резван. Исследования*, с. 229, примеч. 21.

Соответственно перевод «я не умею читать» оказывается не обязательным, но лишь возможным, равноправным с «что мне читать?». Этот пример может дать читателю некоторое представление о том, сколько проблем, вопросов и разногласий содержит в себе, казалось бы, хорошо изученная и много раз описанная история возникновения ислама.

³ Существует множество научных и популярных биографий основателя ислама. Основными источниками для них является текст Корана, предания о высказываниях и поступках Мухаммада (хадисы), собранные в несколько более или менее достоверных сводов, и, наконец, «Жизнеописание посланника Аллаха», составленное Ибн Хишамом (ум. ок. 833 г.) на основе труда Ибн Исхака (ум. в 768 г.) (см.: *Ибн Хишам. Сира*). Существует английский перевод этого самого старого жизнеописания пророка [см.: *Ibn Ishaq (Guillaume)*]. Самые авторитетные исследования последних лет: *Blachère. Le problème; Watt. Mekka; он же. Medina; Widengren. Muhammad; Paret. Mohammed; Hamidulla. Le prophète; Gaudfroy-Demotbynes. Mahomet; Noja. Maometto; Cook. Muhammad*. Очень живо и увлекательно, но с твердой опорой на научную базу написана книга М. Родинсона (см.: *Rodinson. Mahomet*). Мусульманское освещение биографии Мухаммада преобладает в книге: *Lings. Muhammad*.

На русском языке имеется прекрасная краткая биография Мухаммада в книге крупнейшего отечественного исламоведа В. В. Бартольда «Ислам». Ее дополняет специальная его статья

«О Мухаммаде». См.: *Бартольд*. Сочинения, 6, с. 89—103, 630—647. Тщательный анализ источников и подробное изложение фактов содержит первый том «Истории Халифата» О. Г. Большакова. Блестящая биография Мухаммада написана философом В. С. Соловьевым (см.: *Соловьев*. Магомет). Он не был востоковедом, но пользовался советами серьезных ученых и сумел, как мне представляется, глубже многих проникнуть во внутренний мир Мухаммада.

⁴ Мусульманское предание сохранило разные сведения о точной дате хиджры. Кроме указанной выше, наиболее распространенной и соответствующей 8-му числу аравийского месяца раби' I, навывают также 12-е число того же месяца (24 сентября).

⁵ Коран, сура «Добыча» («аль-Анфаль», 8:17). Вся сура в разных формах описывает сражение при Бадре. Есть в суре и отсылки к сказаниям о прошлом. Коран напоминает о гибели войска Фир'ауна, преследовавшего пророка Мусу-Моисея и его народ. Битва при Бадре, первая крупная победа мусульман, воспринималась ими как некое чудо, дарованное Аллахом и аналогичное переходу евреев через Красное море. Сказание освящало и поднимало современность. См.: *Пиотровский*. О природе, с. 9—11.

Коран

¹ Единственный научный русский перевод Корана принадлежит И. Ю. Крачковскому (см. примеч. 1 к гл. «Мухаммад»). Хороший русский перевод, следующий мусульманским комментариям, был выполнен в середине XIX в. казанским востоковедом Г. С. Саблуковым [см.: Коран (Саблуков)]. До выхода в свет перевода И. Ю. Крачковского в 1963 г. это был единственный перевод непосредственно с арабского, имевшийся в распоряжении русских читателей. Другие русские переводы делались с европейских переводов [см., например: Коран (Николаев)]. О русских переводах Корана см.: *Грязневич*. Коран в России. Наиболее авторитетные из последних переводов на европейские языки: Коран (Bell), Коран (Blachère), Коран (Paret). Самые популярные мусульманские переводы: Коран (Hamidullah), Коран (Pickthall). Основные исследования, посвященные истории коранического текста: *Nöldeke*. Geschichte; *Blachère*. Introduction; *Bell*. Introduction; *Paret*. Kommentar.

² Здесь я привожу художественный перевод, предложенный арабистом В. А. Эbermanом. См.: Коран (Крачковский), с. 516. Ср. предзащитский научный перевод И. Ю. Крачковского:

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!
Хвала Аллаху, Господину миров,
милостивому, милосердному,
царю в день суда!
Тебе мы поклоняемся и просим помощи!
Веди нас по дороге прямой,
по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, —
не тех, которые находятся под гневом,
и не заблудших.

³ *Nöldeke*. Geschichte; см. также: *Bell*. Introduction, с. 108—120. Критическое сравнение мусульманской и европейской хронологий см.: *Blachère*. Introduction, с. 240—262. В некоторых европейских переводах Корана суры переставлены в «хронологическом» порядке: Коран (Bell), Коран (Blachère).

⁴ Мусульманская и европейская хронологические схемы в целом довольно близки друг к другу. Самую распространенную схему последовательности сур (по Т. Нельдеке) см.: Коран (Крачковский), с. 512.

⁵ Основные исследования, специально посвященные кораническим сказаниям: *Weil. Legenden*; *Horovitz. Untersuchungen*; *Walker. Characters*; *Sidersky. Les origines*; *Speyer*; *Beltz. Sehnsucht*. См. также: *Geiger. Was hat Mohammed*; *Rudolph. Die Abhängigkeit*. Одна из новейших работ того же направления: *Zasu. Мекорот*.

Новейшие результаты исследований коранических сказаний изложены в соответствующих статьях второго издания «Энциклопедии ислама» (EI²). См. также мои статьи в «Мифах народов мира» и «Ислам. Энциклопедический словарь».

Легенды, развивающие коранические сказания, содержатся в комментариях к соответствующим местам Корана. Специально они собраны в произведениях жанра *кисас аль-анбийа'* — «рассказы о пророках». В мусульманском мире особенно популярны два арабских сборника: *ас-Са'лаби. Кисас*; *аль-Киса'и. Кисас*. См. также: *Khoury. Les légendes*.

В современной арабской литературе есть большое количество книг, следующих традиционной манере назидательного изложения коранических и послекоранических сказаний о пророках. См., например: *Таббара. Анбийа'*. Есть и стремление включить некоторые эпизоды коранических сказаний в контекст мифологических представлений и легенд Ближнего Востока. См., например: *'Абд ал-Халим. Маусу'а*.

⁶ *Speyer, с. 462–492; Paret. Geschichtsquelle.*

⁷ *Lichtenstädter. Origin.*

Творение мира и человека

¹ См.: *Кашгалева. Подражания*. Автор не только определила источники знаний о Коране, но и показала, что, пользуясь весьма несовершенными переводами, поэт сумел угадать и передать средствами русского стиха многие художественные приемы исходного текста.

² *Speyer, с. 22–23.*

³ См.: *Paret. Kommentar, с. 202–203.*

⁴ К примеру, в суре «Толпы» («аз-Зумар», 39:38/39) говорится, что мекканцы знают Аллаха как творца небес и земли, но поклоняются кроме него и другим божествам: «А если ты их спросишь: „Кто сотворил небеса и землю?“ — они скажут: „Аллах“. Скажи: „Думали ли вы о тех, кого призываете помимо Аллаха, — если пожелает Аллах причинить мне зло, избавят ли они от Его зла? Или, если Он пожелает мне милость, удержат ли они Его милость?“ Скажи: „Довольно мне Аллаха, на Него полагаются полагающиеся“». В других местах тоже подчеркивается, что мекканцы, но не все, знают и признают Аллаха: «А если ты их спросишь: „Кто сотворил небеса и землю и подчинил солнцу и луну?“ — они, конечно, скажут: „Аллах“...» (29:61); «А если ты их спросишь: „Кто низвел с небес воду и оживил ею землю после смерти?“ — они, конечно, скажут: „Аллах“. Скажи: „Хвала Аллаху!“ Но большая часть их не разумеет» (29:63). См. также 31:25/24 или 43:9/8. О доисламском Аллахе см.: *Лундин. Аллах*; *Watt. High God*; *Fahd. Le panthéon*; см. также: *Шифман. Исторические корни*.

⁵ См., например: *Speyer, с. 4–5.*

⁴ Ангелы и демоны — две категории разумных существ, созданных Аллахом наряду с людьми, но раньше их. Ангелы (араб. *малак*, мн. ч. *мала'ика*) — посланцы и слуги Аллаха. К ним неприменимо понятие пола. Они живут на небесах, охраняя престол Аллаха; следят за поступками людей и записывают их. Они испытывают умерших, потом воскрешают их в день Суда и ведут на суд перед Аллахом. Они же охраняют ад и рай. Ангелы оберегают благочестивых людей, передают пророкам слова и приказы Аллаха. Послекоранические сказания создали систему иерархии ангелов, размещенных по разным небесам. Распространено представление о том, что каждого человека по жизни сопровождают два ангела.

Среди ангелов выделяется категория высших, приближенных к Аллаху и находящихся у его престола (*мукаррабун* — Коран 4:172/170). Среди них Джибриль (или Джабра'иль, «дух верный», «дух святой»), который был главным посредником между Аллахом и Мухаммадом. См., например, 2:97/91; 5:110/109; 19:17. Микаль, согласно преданию, помогал мусульманам в их первых сражениях. Исафиль считается первым, кто сопровождал Мухаммада. «Ангел смерти» получил в предании имя 'Изра'иль ('Азра'иль). После смерти людей их допрашивают в могиле два ангела, называемые преданием Накир и Мункар. Ад охраняет «стража» из 19 ангелов. Их возглавляет ангел по имени Малик (43:77; 74:30; 96:18).

Один из ангелов — Иблис, отказавшийся поклониться сотворенному Аллахом Адаму, в наказание низвергнут на землю и обречен в будущем на адские муки. Пока же, до Суда, он является «врагом Аллаха», пытающимся сбивать людей с верного пути. Иблису (его называют также Шайтан, Сатана) помогает воинство из джиннов. Это — сверхъестественные существа, сотворенные из огня и дыма. Они способны принимать любой вид, быть мужского или женского пола. Наиболее злобными в отношении людей являются шайтаны — категория джиннов. Они мешают людям молиться, заставляют их забывать о Боге, учат волшебству и магии. Тот, кто следует за шайтанами, обречен на наказание в аду. Отогнать шайтанов можно формулой *а'узу би-ллахи мин аш-шайтан ар-раджим* — «я прибегаю к Аллаху за помощью от шайтана, побиваемого камнями» и чтением различных аятов Корана, например, 2:268/271. Среди джиннов выделяются различные категории, например гуль (муж. вар. куртуб), 'ифрит, си'лат и др. Часть джиннов была подчинена Сулайману и по его приказу творила добрые дела. После его смерти они вернулись в воинство дьявола. Мухаммад был послан проповедовать и людям и джиннам. Некоторые из джиннов, уверовав, помогали распространять ислам (72:1—20; 46:29/28—32/31). Об ангелах и джиннах см.: *Eickmann. Angelologie; Eichler. Die Dschinn; Beltz. Sehnsucht*, с. 151—166.

⁷ Надо заметить, что в рамках мусульманской культуры поступок Иблиса наряду с общим и почти полным осуждением получал и иное толкование. Согласно ему, Иблис — фигура трагическая. Он отказался поклониться Адаму, сохраняя, даже вопреки воле Аллаха, верность идее абсолютного единобожия. Он не мог позволить себе поклониться кому-либо, кроме Аллаха. Так оценивали поступок Иблиса многие суфии. См.: *Wensinck. Iblis*, с. 691. Само собой разумеется, что такое понимание образа дьявола есть и в других культурах.

⁸ Основные сюжеты об Адаме в Коране: 2:30/28—38/36; 7:10/9—27/26; 15:26—36; 17:61/63; 18:50/48; 20:115/114—124; см. также: *Peder-sen. Adam*.

⁹ Оценку этого коранического текста («О сыны Адама!» — 7:26/25–35/33) с точки зрения этносоциальных представлений Корана см.: *Резван*. Адам и бану Адам.

¹⁰ См.: *ас-Са'лаби*. Кисас, с. 14–28.

¹¹ 'Ади б. Зайд. Диван, с. 158–160, № 103; *Умаййа*. Диван, с. 182, 222. См. также: *Hirschberg*. Lehren, с. 47–53.

¹² Ср.: Коран (Крачковский), с. 503 — «вернем». В тексте *радад-назу* — глагол в перфекте. Перевод будущим временем мотивируется следующим аятом. Однако аяты 4–5 чаще понимаются как относящиеся к первочеловеку, а не к человеку вообще. См.: *Paret*. Kommentar, с. 514–515; *Künstlinger*. Sura 95. Ср. Коран (Крачковский), с. 648.

¹³ О параллелях к этому образу см.: *Винников*. Коранические заметки, с. 309–311.

¹⁴ Об этом аяте и образе дерева в нем см.: *Paret*. Kommentar, с. 360; *Speyer*, с. 62–66, 430–431.

¹⁵ См.: *Speyer*, с. 48, 54, 57, 62, 63, 68, 72, 75–76.

¹⁶ *Beltz*. Sehnsucht, с. 61–62.

¹⁷ *Speyer*, с. 61.

¹⁸ Там же, с. 71: «Уже Гейгер показал, что Коран спутал Бытие 3:5–7 и Бытие 3:22, вложив в уста Дьявола слова, что первые люди, если поедят с дерева, станут ангелами или вечноживущими».

В Коране: «И нашептал им сатана, чтобы открыть то, что было скрыто от них из их мерзости, и сказал: „Запретил вам ваш Господь это дерево только потому, чтобы вы не оказались ангелами и не стали вечными“» (7:20/19).

В Ветхом завете сначала сказано о соращении: «И сказал змей жене: нет не умрете; Потому что знает Бог, что когда вы вкусите от них, то откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Бытие 3:4–5); «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания» (Бытие 3:7).

Затем, после проступка Адама: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из вас, зная добро и зло; а теперь, может быть, он прострет руку свою, и возьмет также от дерева жизни, и вкусит, и станет жить вечно» (Бытие 3:22).

Сравнение этих отрывков показывает, что в кораническом тексте (здесь и во многих других его местах) библейские мотивы сочетались далеко не всегда так, как в библейском тексте, известном нам. Однако едва ли корректно говорить тут покровительственно о «путанице». Коран не цитирует библейский текст, он излагает предания, в которых эти эпизоды вовсе не обязательно должны были преподноситься точно по тексту Книги Бытия.

¹⁹ *Speyer*, с. 72. Бытие 3:15: «И вражду положили между тобой и между женою». В Коране: «И Мы сказали: „Низвергнитесь, [будучи] врагами друг другу!“» (2:36/34).

²⁰ См.: *Грязневич*. Развитие, с. 84–87.

²¹ См.: *Speyer*, с. 85–88.

Пророки великих катастроф

Нух и потоп

¹ О Нухе в Коране: 3:33/30; 4:163/161; 6:84; 7:59/57–69/67; 9:70/71; 10:71/72–73/74; 11:25/27–49/51; 14:9; 17:3, 17/18; 19:58/59; 21:76–77; 22:42/43; 23:23–30/31; 25:37/39; 26:105–122; 33:7; 37:75/73–79/77;

38:12/11; 40:5, 31/32; 42:13/11; 50:12; 51:46; 53:52/53; 54:9-15; 57:26; 66:10; 71:1-28/29.

² См.: *Streck. Djudi*. Название относили к нескольким горам на Аравийском полуострове.

³ Идолы народа Нуха — одна из важнейших реалий доисламской Аравии, сохранных Кораном.

Божеству Йагус, дарующему дождь, поклонялось североийменское племенное объединение мазхидж. Его идол некогда располагался на холме Мазхидж, и якобы по нему этот большой племенной союз получил свое название. За обладание этим идолом ожесточенно воевали различные племена союза мазхидж. Последняя битва, при ар-Рауме, произошла в тот же год, что и знаменитая битва между мекканцами и мусульманами при Бадре (2 г. х.). Божество со сходным именем было известно и на севере полуострова, но центр поклонения ему был именно на юге. В предисламское время идол хранился то в Джураше, то в Наджране. Есть позднее и не очень достоверное указание на то, что Йагуса изображали в виде льва, однако оно ничем не подтверждается. См.: *Ибн ал-Калби*. Аснам, с. 10, 57; *Ибн ал-Калби*. Аснам, пер., с. 16, 37, 42; *Fahd. Le panthéon*, с. 191-194.

Бог Йа'ук, тоже, видимо, «распределяющий дождь», был объектом поклонения йеменского племенного союза хамдан и некоторых других йеменских племен. Идол находился в селении Хайван. Согласно одной из легенд, Йа'уком называли некоего благочестивого человека. Когда он умер, Шайтан предложил соплеменникам благочестивца изготовить его изображение. Статуя стала объектом поклонения. Эта легенда красочно изображает, видимо, действительный процесс превращения культа предков в древнеаравийский пантеон божеств. Менее достоверно сообщение о том, что Йа'ука изображали в виде коня. См.: *Ибн ал-Калби*. Аснам, 10, 57; *Ибн ал-Калби*. Аснам, пер., с. 16, 42; *Fahd. Le panthéon*, с. 194-197.

Наконец, божество Наср — типично южноаравийское, ему поклонялись химйариты, в частности знатные роды Зу Ру'айн и Зул-Кала'. По преданию, культ Насра сменил иудаизм. Божество Наср изредка упоминается в надписях и в некоторых иноземных источниках о Северной Аравии. *Наср* — букв. «гриф-ягнятник». Изображение этих птиц встречается в южноаравийском искусстве, не только в декоративной, но и в религиозно-символической функции. Поэтому в отличие от божеств Йагус и Йа'ук в Насре действительно можно видеть божество, символизировавшееся именно грифом. См.: *Ибн ал-Калби*. Аснам, с. 11, 57-58; *Ибн ал-Калби*. Аснам, пер., с. 17, 37, 42; *Fahd. Le panthéon*, с. 132-134.

Бог Вадд был одним из древнейших божеств Аравии, в частности у южноаравийских аусанцев и майнцев. С торговыми караванами они завезли его на север полуострова, в майнские колонии. Затем он стал общеаравийским божеством. По всей Аравии в течение многих веков была распространена магическая формула-оберег «Вадд-отец». Ее вырезали на монументальных зданиях и на маленьких подвесных амулетах, чтобы уберечь сооружение или человека от напастей. Вадд скорее всего символизировал Луву. См.: *Ибн ал-Калби*. Аснам, с. 10, 55-56; *Ибн ал-Калби*. Аснам, пер., с. 16, 36, 42; *Fahd. Le panthéon*, с. 42; *Лундин*. Вадд.

Божество Сува' (считалось, видимо, покровителем стад) было известно и на севере, и на юге, но главное его святилище было в Северо-Западной Аравии, в месте, называемом Рухат. Ему поклонялось хиджазское племя хузайль. Почитали его и некоторые племена

на на юге полуострова. Святилище Сува⁴ было разрушено мусульманами. См.: *Ибн ал-Калби*. Аснам, с. 9, 10, 58; *Ибн ал-Калби*. Аснам, пер., с. 16, 37, 42; *Fahd. Le panthéon*, с. 154–156.

Для этих пяти божеств характерны некоторые объединяющие их черты. Все они были объектами активного поклонения накануне ислама. В VI в. у них были святилища (многие из которых были разрушены уже мусульманами), за них воевали, их просили о помощи земледельцы и скотоводы. Перед нами божества, современные Мухаммаду, а не Ною, хотя некоторые из них, например Вадд, были известны в Аравии с глубокой древности.

Два времени совмещаются благодаря легенде, по которой древние идолы были возрождены и приняты аравийцами. Согласно преданию, 'Амр б. Лухайй из племени хуза^а, сын хранителя аль-Ка'бы, был кахином-прорицателем. У него был помощник — джинн по имени Абу Сумама. Он привел его однажды на восточное побережье Аравии, к Джидде, где 'Амр нашел и выкопал из песка древних идолов, которых и раздал арабским племенам. См.: *Ибн ал-Калби*. Аснам, с. 54–55; *Ибн ал-Калби*. Аснам, пер., с. 35–36. Есть и другая версия легенды, сохранившая, видимо, память о палестинских корнях истории Нуха. Согласно этой версии, идолы были привезены 'Амром из Сирии. См.: *Ибн ал-Калби*. Аснам, с. 8–9; *Ибн ал-Калби*. Аснам, пер., с. 16.

Совпадение идолов у современников Мухаммада и современников Нуха-Ноя — пример того, как Мухаммад и древние пророки оказывались в Коране «двойниками».

Другая общая особенность: идолы народа Нуха — божества из различных районов Аравии; однако выбраны они не беспорядочно. Они как бы распределены вдоль пересекавшего Аравию главного торгового пути, на котором стояла Мекка. Начиная с севера: Думат аль-Джандаль (Вадд), Северный Хиджаз (Сува^а), районы, примыкающие к северу Йемена (Йагус), Северный и Центральный Йемен (Йа'ук), собственно Йемен (Наср). Таким образом, идолы народа Нуха — это идолы торговых партнеров мекканцев. Они были им хорошо известны. Реальности жизни, окружавшие Мухаммада, попали в рассказы о его «двойнике» Нухе.

⁴ Доисламская поэзия арабов V–VII вв. создавалась и передавалась устно. Ее записали лишь в мусульманское время, примерно через полтора столетия, когда старинные стихи привлекли внимание филологов и стали для них предметом заинтересованного собирания.

Это обстоятельство наряду с наличием в стихах упоминаний мусульманского Аллаха уже со средних веков вызывало сомнения в достоверности части, а возможно, и всей доисламской поэзии. Poleмика по этим вопросам доходила в арабских странах в 20-х годах XX в. до парламентских прений и рассмотрений прокурорским надзором. См.: *Крачковский*. Таха Хусейн.

В настоящее время страсти почти улеглись, и общепринятым является мнение, что большая часть доисламских арабских стихов действительно восходит к V–VII вв., хотя далеко не всегда их можно считать произведениями именно тех поэтов, которых называет традиция. Устный характер творчества и передачи в силу присущих им особенностей (частичное варьирование текста на основе формульных сочетаний) был чреват определенными изменениями текста. Тем не менее материалы, дошедшие до нас, сохранили как общий характер художественного языка, так и многие специфические особенности содержания.

Многие упоминания легендарных персонажей, встречающихся и в Коране, связаны с характерными именно для доисламской поэзии мотивами могущества судьбы, включены в типичные для этих мотивов художественные структуры (цепи перечислений, формульные сентенции). Часто такие упоминания содержат детали, указывающие на сюжеты, мотивы, в Коране отсутствующие.

Поэтому, когда у нас нет прямых оснований подозревать конкретный стихотворный отрывок в позднем, мусульманском происхождении, мы считаем возможным использовать содержащуюся в нем информацию как доисламскую. Само собой разумеется, что при таком подходе необходимо выносить свое суждение о каждом конкретном стихотворном отрывке, учитывая, в частности, и мнение средневековых арабских филологов. В этой работе я старался отсылать читателя только к тем фрагментам, которые по имеющимся у нас критериям можно считать доисламскими.

О доисламской арабской поэзии см.: *Монгое*. Oral Composition; *Куделин*. Арабская поэзия.

⁵ *Ал-Хамдани*. Ал-Иклил, 1/1, с. 19.

⁶ *Умаййа*. Диван, с. 155–160; *ал-Хамдани*. Ал-Иклил, 1/1, с. 19–20.

⁷ *Умаййа*. Диван, с. 316–318; *ал-Хамдани*. Ал-Иклил, 1/1, с. 21. См. также: *Умаййа*. Диван, с. 254–255, 312. Упоминает народ Нуха и, возможно, его ковчег (под названием *зат аль-вад'а* – «обросший морскими раковинами») христианский арабский поэт V в. 'Ади ибн Зайд. См.: 'Ади б. Зайд. Диван, с. 53, 122.

⁸ *Ал-Хамдани*. Ал-Иклил, 1/1, с. 21–22. Упомянутых стихов аль-А'ша, как и стихов Тарафы, нет в их стандартных диванах. Это дает основание сомневаться в том, что они принадлежат именно этим поэтам, однако нет оснований сомневаться в их доисламском происхождении, знаком чего и являлись имена известных поэтов. О легендах цикла Нуха в доисламских стихах см. также: *Hirschberg*. Lehren, с. 53–58.

⁹ *Ал-Кугами*. Диван, с. 100, 143–144; *ал-Хамдани*. Ал-Иклил, 1/1, с. 22–23.

¹⁰ См., например: *Klijn*. Seth, с. 114–116, 123. Там же общая схема исторического процесса, в целом близкая к коранической.

¹¹ *Beltz*. Sehnsucht, с. 91–92.

¹² Ср.: *Geiger*. Was hat Mohammed, с. 109–110; *Grünbaum*. Neue Beiträge, с. 79.

¹³ *Speyer* с. 93–101.

¹⁴ Там же, с. 98–99, 100.

¹⁵ Там же, с. 103; *Geiger*. Was hat Mohammed, с. 108.

¹⁶ *Speyer*, с. 104.

¹⁷ Там же, с. 108.

¹⁸ О том, что этот аят относится именно к потоцу, см.: *Speyer*, с. 103.

Худ – «брат адитов»

¹ Описание истории адитов в Коране см.: 7:65/63–72/70; 11: 50/52–60/63; 23:31/32–41/43 (нет ни названия народа, ни имени пророка); 26:123–140; 41:13/12–16/15; 46:21/20–26/25; 51:41–42; 54:18–21; 69:4, 6–8; 89:6/5–8/7.

² Именно в таком значении термин *худ* зафиксирован арабскими средневековыми толковыми словарями. *Каумун худун*, согласно Тадж ал-'арус, – «люди покаявшиеся». Форма считается множест-

венным числом от причастия *xa'id* — «кающийся». См.: Тадж, т. 2, с. 548; Лисан, т. 4, с. 451. Глагол *xada* в значении «покаяться» употреблен в Коране (7:156/155), где Муса обращается к Аллаху, моля о милости к своему народу, отступившему от Бога, но потом раскаившемуся: «Мы обратились к Тебе», т. е. покались.

³ Horovitz. Untersuchungen, с. 149–150; Harding. Index, с. 628–629.

⁴ См., например, стихи:

«Где обитатели жилищ, и народ Нуха, и [где] адиты, бывшие после них, и [где] самудяне?!» (*'Ади б. Зайд*. Диван, с. 122).

«Они (превратности судьбы) погубили 'ад, а затем род Мухаррика; их самих и все собранное превратили в пустую степь» (Мутаммим б. Нувайра, см.: Муфаддалият, т. 1, с. 78, перевод И. Ю. Крачковского дан по: *Крачковский*. Поэтическое творчество, с. 48).

«Как однажды адитам судьба предоставила выбор — облака, в которых для выбирающего нет радости» (*'Абид б. ал-Абрас*. Диван, Suppl., № 12; см. также подборку стихов: Ахбар 'Абид, с. 351–370).

Тема судьбы вообще была у доисламских поэтов едва ли не самой любимой. Обращаясь к ней, поэты приводили многочисленные примеры знаменитых древних народов и царей, сокрушенных судьбой, от которой нет никакой защиты. В такого типа стихах и содержится большая часть той информации о древней истории Аравии, которую мы можем извлечь из доисламской поэзии. См.: *Cas-kel*. Das Schicksal; *Пиотровский*. Предание, с. 60–68.

⁵ Horovitz. Untersuchungen, с. 150.

«Брат аль-Ахкаф» встречается в стихотворении современника и соратника Мухаммада, йасрибца Хассана ибн Сабита. Оно сочинено в мусульманскую эпоху, когда Коран уже был ниспослан. По существу, это как бы изложение воззрений поэта, принявшего ислам. Он «свидетельствует», что Мухаммад — посланник Бога, так же как посланник Бога — сын Марьям, т. е. 'Иса-Иисус; свидетельствует, что предшественниками Мухаммада были Йахья и его отец (т. е. Иоанн Креститель и Захария), что идол низины Нахля (т. е. аравийская аль-'Узза) не может принести людям никакой пользы и, наконец, что «брат аль-Ахкаф» (т. е. «человек из местности аль-Ахкаф»), «когда его осыпали упреками, был стоик в деле божьем и шел правильным путем». См.: *Хассан б. Сабит*. Диван, с. 45.

Употребленная формула одновременно и кораническая и некораническая. В Коране Худ назван «братом адитов». Это обычная формула, которой описывалась принадлежность какого-либо человека к определенному племени («брат племени...»). Топоним аль-Ахкаф назван в Коране, но слово брат-*ax* с ним не сопряжено. Формула из стиха Хассана вызывает в памяти коранический текст, но прямо его не цитирует.

Это характерно для всего стихотворения. Оно как бы подтверждает коранические идеи о пророках, но применяет при этом формулы и фразы не коранические. Оно называет Бога «тот, кто выше небес», «обладатель трона», что вполне приемлемо и для других монотеистических религий. Когда речь идет об аль-'Уззе, упоминаются аравийские реалии (низина Нахля), но имени самой богини нет. Закария назван «отец Йахьи», нет и имени 'Иса. О коранических идеях и персонажах нарочито говорится терминами других преданий и культур.

Коран как бы подтверждается посторонними свидетельствами, христианскими и языческими. Исходя из такого контекста,

употребление формулы «брат аль-Ахкаф» тоже можно считать связкой, соединяющей кораническую легенду с доисламским аравийским преданием. Весьма вероятно, что такая формула (или нечто похожее на нее) бытовала в Аравии до ислама.

⁶ Основные тексты, содержащие предание об адитах: *ар-Табари*. Та'рих, 1, с. 231–244; *он же*. Тафсир, т. 8, с. 152–157; т. 10, с. 35–38; *ас-Са'лаби*. Кисас, с. 35–38, 81–84; *Китаб ат-тиджан*, с. 74–88; *Ахбар 'Абид*, с. 338–370.

⁷ *Пиотровский*. Южная Аравия, с. 140–145.

⁸ А именно по сафским надписям. См.: *Harding*. Index, с. 408. Впрочем, в последние годы, изучая наскальные надписи Южной Аравии, я обнаружил в Хадрамауте несколько личных имен, созвучных имени 'ад, например 'Адхумав (Арна 1, А 17 – не издано). Несколько таких имен есть и в надписях в Центральной Аравии. См.: *Robin*. Two Inscriptions, с. 170.

⁹ *Птолемей*, VI, 7 (с. 138). Раздел посвящен «Счастливой Аравии», в которую Птолемей по традиции включает всю Центральную Аравию и часть Северной. *Oaditae*, согласно Птолемию, живут на севере, у гор. Севернее их живут скиниты (*scenitae*), а южнее – сарацины (*saraceni*) и самудяне (*thamydeni*).

¹⁰ *Ибн Хишам*. Сира, с. 38.

¹¹ Хамаса, с. 341. Мое толкование этого стиха небезупречно. Поэт говорит о том, что еще в «адитские времена» его соплеменники совершали набеги на Тайму. «Времена 'ад», «адитские времена» – распространенное поэтическое клише, означающее нечто вроде «очень давно», «издревле». Однако упоминание Таймы, аравийской столицы вавилонского царя Набонида (VI в. до н. э.), в арабской поэзии – редкость. Поэтому мне представляется неслучайным употребление в связи с ней именно «адитского», а, например, не «самудского» клише.

¹² Об идентификации храма см.: *Hitti*. History, с. 74, примеч. 1; *Пиотровский*. Предание, с. 19. Описание храма и его план см.: *Grohmann*. Arabien, с. 67–71; *Шифман*. Nabateйское государство, с. 130–131.

Верблюдица пророка Салиха

¹ Рассказы о самудянах в Коране: 7:73/71–79/77; 11:61/64–68/71; 15:80–84; 17:59/61; 26:141–159; 27:45/46–53/54; 41:13/12, 17/16–18/17; 51:43–45; 54:23–31; 69:4–5; 85:18; 89:9/8; 91:11–15.

² Коран (Крачковский), с. 583; *Paret*. Kommentar, с. 367.

³ *Ибн Хишам*. Сира, с. 331–332.

⁴ *Пиотровский*. Южная Аравия, с. 111.

⁵ Из надписей храма самудян II–III вв. в ар-Раввафе: «Это храм, который построило общество самуда, первенствующие его общества, чтобы был он воздвигнут руками их и служить в нем вечно» (CIS, II, 3641, стк. 4); «Это дом, который построил Ша'удат, жрец Аллаха, сын Магиду, что из робату, Аллаху – богу самуда, попечением господина нашего... заместника» (CIS, II, 3642a). См. *Шифман*. Надпись из Раввафы.

⁶ Например, поэтесса аль-Ханса' (*ал-Ханса'*. Диван, с. 63), мудрый и рассудительный Лабид (*Лабид*. Диван, с. 25), воин Мутаммим б. Нувайра (*Мутаммим*. Диван с. 83), безымянный поэт из племени кивда (*ал-Бухтури*. Хамаса, с. 82). См.: *Horovitz*. Untersuchungen, с. 103–106.

⁷ *Зухайр*. Диван, с. 20. В *му'аллаке*, самом знаменитом стихотворении этого поэта, упоминают некий рыжий (красный — *акмар*) адит. Однако комментаторы дружно отмечают, что имя народа 'ад поставлено ради соблюдения размера и по смыслу должно было стоять «самуд», поскольку имеется в виду «рыжий самудянин», который зарезал знаменитую верблюдицу. У нас, конечно, нет полной уверенности в справедливости этого уточнения, однако другого объяснения этому стиху нет, рыжего (красного) адита ни комментаторы, ни мы не знаем. В любом случае сам комментарий уже свидетельствует о существовании отдельной от коранической легенды, где фигурировали некоторые подробности о человеке, убитом верблюдицу. Видимо, именно такой вариант легенды отразился в стихотворении Умаййи ибн Аби-с-Сальта, где рассказано о гибели самудян, убивших верблюдицу, посвященную Аллаху. Однако там нет упоминания о Салихе или вообще о каком-либо пророке. Наказание обрушивается на людей после того, как к небесам вознесся жалобный крик осиротевшего верблюжонка. Вместе с тем назван человек, убивший верблюдицу. Это тот же «Рыжий». Употреблена уменьшительная формула его прозвища — Ухаймар. См.: *Умаййа*. Диван, с. 215—217.

⁸ *Ат-Табари*. Тафсир, т. 8, с. 158.

⁹ *Ephal. Ancient Arabs*, с. 105—107; *Bowersock. Roman Arabia*, с. 96—98; *Branden. Thamoud*; *Шифман*. Надпись из Раввафы.

«Опрокинутый» город

¹ Рассказы о Луте в Коране: 6:86; 7:80/78—84/82; 9:70/71; 11:69/72—82/84; 15:57—77; 21:71, 74—75; 22:43; 25:40/42; 26:160—175; 27:54/55—58/59; 29:26/25, 28/27—35/34; 37:133—138; 38:13/12; 50:13; 51:31—37; 53:53/54—54/55; 54:33—39; 66:10; 69:9. И. Ю. Крачковский переводит *ал-му'тафика* в 53:53/54 как «опрокинутые», т. е. множественным числом. Это возможно. Однако единственное число здесь более вероятно, так как в двух других случаях стоит форма именно множественного числа — *ал-му'тафикат* (9:70/71; 69:9). В пространственных же рассказах обычно фигурирует один город (селение).

² В этом, как и во многих других случаях, я считаю соседство этих аятов не случайным. Оно определено аллюзиями, которые ощущали Мухаммад или же передатчики и составители текста Корана.

³ Например, Второзаконие 29:22 (23 — в рус. пер.) — *махнеха*, букв. «истребленные», «опрокинутые». См.: *Speyer*, с. 156; *Grünbaum. Neue Beitrage*, с. 134.

⁴ *Grünbaum. Neue Beitrage*, с. 133—134.

Посланник к «владельцам роши» — Шу'айб

¹ О Шу'айбе в Коране см. 7:85/83—93/91; 11:84/85—95/98; 15:78—79; 26:176—191; 29:36/35—37/36; 38:13/12; 50:14/13.

² *Paret. Kommentar*, с. 166—167.

³ *Sabaic Dictionary*, с. 47.

⁴ *Ephal. Ancient Arabs*, с. 61.

⁵ *Speyer*, с. 253.

⁶ *Harding. Index*, с. 349.

² Лисан, т. 1, с. 479. Для разъяснения одного из значений корня *ш'б* в качестве синонима употреблен как раз термин *ислах*.

⁸ Коран (Крачковский), с. 596.

«Друз Аллаха» Ибрагим

¹ Тексты Корана об Ибрахиме: 2:124/118–132/126, 258/260, 260/262; 3:65/58–68/61, 95/89–97/91; 4:125/124; 6:74–84; 11:69/72–76/78; 15:51–60; 16:120/121–123/124; 19:41/42–49/50; 21:51/52–73; 22:26/27–29/30; 26:69–89; 29:16/15–32/31; 37:83/81–113; 43:26/25–28/27; 51:24–34.

² *Paret. Ibrahim; Horovitz. Untersuchungen*, с. 86. Об эволюции образа Ибрахима в связи с полемикой с йасрибскими иудеями особо см.: *Moubarac. Abraham; Speyer*, с. 120–186; *Beck. Gestalt*.

³ *Horovitz. Untersuchungen*, с. 86–87. Имя Ибрахим было известно в преисламской Аравии, видимо, преимущественно в христианской среде. Ибрахим ибн Аййуб – так звали в V в. одного из предков хирского арабского поэта 'Ади ибн Зайда. Отец Аййуба, происходивший из племени тамим, покинул пустыню и поселился в Хире. В связи с этим именем Ибн аль-Кальби замечает, что имена Ибрахим и Аййуб не были распространены до ислама среди арабов-язычников и, следовательно, упомянутые лица, Аййуб и Ибрахим, – христиане (Тадж, т. 1, с. 151). Другая христианская форма того же имени встречается в Южной Аравии. Эфиопского наместника, а потом царя Йемена (вторая половина VI в.) надписи называли 'brh, арабское предание – Абраха. Ибрахимом (ибн Худжром) звали одного из членов посольства южного племени кинда к Мухаммаду. См.: *Caskel – Kalbi. Bd. 1, с. 352, 310* (Аййуб). В доисламских надписях на севере и юге встречается и другая форма этого имени – brhm (Бархум?). См.: *Harding. Index*, с. 11, 103.

⁴ См.: *Кашгалева*. О термине «ханиф».

Существуют две противоположные точки зрения исследователей по проблеме ханифства. Согласно одной, в Аравии накануне ислама сложилось вполне отчетливое религиозное движение ханифов-единобожников, развитием которого и стал ислам. Другая точка зрения, основанная на критике недостаточности и неоднозначности данных источников, слабости интерпретаций, предлагаемых сторонниками существования ханифской религии, отрицает существование особого ханифского движения или учения, отличного от иудаизма или христианства.

Сведения источников действительно можно толковать по-разному. С одной стороны, нет оснований говорить о каком-либо определенном движении или учении, с другой – нет основания сомневаться в наличии определенного течения мысли, определенных форм поведения, рожденных влиянием организованного единобожия, но не идентичных ему. Этот религиозный настрой был частью той духовной атмосферы, в которой и из которой родился ислам. Ханифство – часть той же культурной ситуации, слагаемым которой являются аравийские сказания, где идеи и сюжеты, пришедшие извне, слились с собственно аравийскими и стали общим достоянием всех аравийцев, в той или иной степени отделенным от своих истоков. Ср.: *Bell. Introduction*, с. 16; *Watt. Hanif*.

⁵ *Bell. Introduction*, с. 55. К примеру, в суре «Аль 'Имран» («Семейство 'Имрана», 3: 19/17) канонический текст гласит:

«Поистине, религия пред Аллахом — ислам». В неканоническом чтении Ибн Мас'уда якобы стояло: «Поистине, религия пред Аллахом — ханифийа (ханифство)».

⁶ *Horowitz. Untersuchungen*, с. 86; *Ибн Хишам*. Сира, с. 152.

⁷ См.: *Старкова*. «Странствие Авраама». Описание странствия содержится в Апокрифе книги Бытия из 1-й пещеры Кумрана. Его нет ни в каноническом библейском тексте, ни в послебиблейской литературе. Когда Авраам поселился в Вефиле, Бог приказал ему подняться на гору Рамет-Хацор, осмотреть земли, где будут жить его потомки, а затем обойти эти земли. Среди маршрутов Авраама был и путь от Евфрата к Нилу, видимо, через Аравию. В связи с этим путешествием особо упоминаются и те сыновья Авраама, с которыми связывается происхождение различных арабийских племен, — Исма'иль сын Сары и сыновья Кетуры (Хеттуры) (см. там же, с. 71).

⁸ Известно, что многие идеи и представления кумранского круга какими-то путями проникли в Аравию, получили там некоторое распространение и отразились в Коране. См.: *Rabin. Studies*, с. 112—130; *Philonenko. Expression*.

⁹ *Speyer*, с. 131—132, 135—138, 162.

¹⁰ Там же, с. 193; *Paret. Kommentar*, с. 75.

¹¹ У И. Ю. Крачковского: «...а в потомстве их — и добродетельной и несправедливый к самому себе явно». Ср.: Коран (Крачковский), с. 599. Я предлагаю более простой вариант, созвучный принимаемому мной толкованию.

Прекрасный рассказ о красавце Йусуфе

¹ Перевод мой. У И. Ю. Крачковского: «Мы расскажем тебе лучшим повествованием, открыв тебе этот Коран».

² Хариджиты из секты маймунийа даже позволяли себе сомневаться в ее божественном происхождении. См.: *аш-Шахрастани*, с. 129; *аш-Шахрастани*, пер., с. 119; *Bell. Introduction*, с. 46; *Nöldeke. Geschichte*, Bd. 1, с. 94.

³ *Speyer*, с. 223—224. Согласно преданию, иудеи задавали Мухаммаду вопросы о Йусуфе — любимом герое иудейского религиозного предания. См.: *ал-Байдави*. Тафсир, т. 1, с. 452; *Мукатил*. Тафсир, т. 2, с. 319.

⁴ *Speyer*, с. 195.

⁵ *Paret. Kommentar*, с. 247; *Torrey. Terms*. Так, в Коране говорится: «И продали они его за малую цену отсчитанных дирхемов. И были они умеренны в этом» (12 : 20). «Отсчитанные дирхемы» легко понять как образное выражение, призванное наряду с выражениями «малая цена» и «были они умеренны в этом» подчеркнуть ничтожность суммы, уплаченной за Йусуфа. Однако А. Бистон убедительно толкует его как техническое выражение из торгового лексикона мекканцев, являющееся калькой с греческого торгового термина, означающего «сосчитанные монеты», «монеты, которые пересчитывают», в противоположность «монетам, считаемым по объему». См.: *Paret. Kommentar*, с. 248.

⁶ У И. Ю. Крачковского: «О радость, это — юноша».

⁷ *Schapiro. Elemente*, с. 43.

⁸ Ср. там же, с. 44; *Speyer*, с. 205; *Paret. Kommentar*, с. 250.

⁹ *Schapiro. Elemente*, с. 41; *Speyer*, с. 201.

¹⁰ *Schapiro. Elemente*, с. 55—56; *Speyer*, с. 214.

¹¹ Speyer, с. 210–211.

¹² Там же, с. 209.

Муса — волшебник и вероучитель

¹ Основные варианты рассказа о Мусе в Коране: 2: 51/48–73/68; 4: 153/152–154/153; 5: 20/23–26/29; 7: 103/101–162; 10: 75/76–93; 11: 96/99; 14: 5–8; 17: 101/103; 20: 9/8–98; 23: 45/47–49/51; 25: 35/37–36/38; 26: 10/9–68; 27: 7–14; 28: 3/2–46; 37: 114–120; 40: 23/24–46/49; 43: 46/45–56; 51: 38–40; 79: 15–26. Отдельные упоминания: 2: 87/81, 92/86, 108/102, 136/130, 246/247, 248/249; 3: 84/78; 4: 164/162; 6: 84, 91, 154/155; 11: 17/20, 110/112; 17: 2; 21: 48/49; 29: 39/38; 32: 23; 33: 7, 69; 40: 53/56; 41: 45; 42: 13/11; 46: 12/11, 30/29; 53: 36/37; 61: 5; 87: 19. Рассказ о Мусе и «рабе Аллаха» — 18: 60/59–82/81.

² См., например: Фусус, с. 259–264; *Кныш*. Та'вил.

³ Описание видения Бога у дерева или куста на небесах — Коран 53: 13–18;

И увидел он Его при другом нисхождении
у лотоса крайнего предела.

У Него — сад прибежища.

Когда покрывало лотос то, что покрывало.

Не уклонилось его зрение и не зашло далеко:

он действительно видел из знамений своего

Господа величайшее.

Словом «лотос» традиционно, но не очень удачно И. Ю. Крачковский переводит арабское слово *сидра*. Сидром в Аравии называют высокое развесистое дерево с колючими ветвями — *Zizyphus spina Christi* или колючий кустарник *Zizyphus hamur engl.*

⁴ Мусу и гибель войск Фараона в Красном море упоминает популярный арабский поэт-иудей VI в. Самав'аль (*Hirschberg, Lehgen*, с. 62). В стихах современника Мухаммада Умаййи ибн Аби-с-Сальта есть некоторые неясные намеки на историю Мусы. Есть у него и стихотворение, восхваляющее силу и могущество единого бога и излагающее речь Мусы и Харуна перед Фараоном (*Умаййа*. Диван, с. 369–370). Текст этот, однако, вызывал у исследователей большие сомнения и тем, что слишком близок к кораническому рассказу, и тем, что приписывается другим поэтам, считавшимся монотеистами, — Ади ибн Зайду, Вараке б. Науфалю. См.: *Horovitz. Untersuchungen*, с. 143. Однако я склонен согласиться с И. Хиршбергом, который показал, что характер изложения и его стиль отличны от коранического. Стихотворение, возможно, действительно возникло уже после «ниспослания» Корана, но оно отражает некое предание, независимое от коранического. См.: *Hirschberg. Lehgen*, с. 61. Не совсем совпадает с кораническим сообщением и другой, приписываемый Умаййе фрагмент, описывающий гибель Фараона в водах Красного моря. См.: *Умаййа*. Диван, с. 218; ср.: *Hirschberg. Lehgen*, с. 61–62.

⁵ *Paret. Kommentar*, с. 228; *Paret. Le corps*.

⁶ *Speyer*, с. 329–331. Форма имени предполагает скорее христианскую сирийскую среду как источник, из которого почерпнута эта до сих пор не ясная для нас фигура.

⁷ *Paret. Kommentar*, с. 336.

⁸ *Spreyer*, с. 241, 242–243, 246–247.

⁹ Бытие 24; имя см.: Бытие 15:2. См.: *Spreyer*, с. 249–251.

¹⁰ См.: *Пиотровский*. Предание, с. 75, 98, 106.

¹¹ См.: *Aarne – Thompson*, с. 262–263, № 759; *Андреев*. Указатель, с. 55, № 7956. Одна из параллелей – иудейская легенда об Илии и рабби Иисусе бен Леви. Интересно, что сюжет о навязчивом и непонятливом спутнике героя как композиционный стержень рассказа и по сей день сохранился в арабийском фольклоре в Омане. См.: *Johnstone*. St. George.

¹² См.: *Lichtenstädter*. Origin.

¹³ Об идентичности аль-Хадира и «раба Аллаха» и о его связи с эволюцией образца библейского Илии см.: *Палаян*. Аль-Хидр.

«Слово от Аллаха» – «Иса

¹ *Wansbrough*. *Quranic Studies*, с. 38–43.

² Об этом споре см. специальное исследование: *Massignon*. *Mu-bahala*.

³ Разделение фраз и пунктуация – мои. Я попытался более резко отделить полемическую направленность текста.

⁴ Коран предлагает тут специфическое толкование реальных христианских текстов. В Евангелии от Иоанна Иисус, беседуя с апостолами, говорит: «И я умолю Отца, и даст Он вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (14:16, ср. 26). «Когда же придет Утешитель, Которого я пошлю вам от Отца, Дух истины, который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать обо мне» (15:26); «...дела, которые творю я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (14:12). Это представление о приходе еще одного посланца Бога было воспринято Мухаммадом и приложено к самому себе. Дополнительным стимулом такого отождествления был характер одного из имен пророка ислама. Его звали Ахмад, что значит «преславный» и является изначально формой превосходной или сравнительной степени прилагательного «славный» (*хамид*). Это – сокращение от древнего теофорного имени типа: «Бог – самый славный». В одной из приведенных выше евангельских фраз тоже есть сравнительная степень: «...дела, которые творю я, и он сотворит, и больше сих сотворит». Какие-то предания и пересказы этой и подобных евангельских фраз и были восприняты при арабской передаче как имя будущего посланника.

В востоковедной науке было распространено мнение, что греческое слово *параклитос* («утешитель») было ошибочно передано как *периклитос* («преславный»), что было затем переведено на арабский и неверно истолковано как имя. Эта схема с ошибками несколько сложновата, да и неверна по существу. Наличие такого типа искажений в греческом тексте не подтверждается историей передачи и перевода Евангелия, да и *периклитос* не употреблялось в современном Мухаммаду греческом языке. См. об этом: *Paret*. *Kommentar*, с. 476–477; *Schacht*. *Ahmad*. Вернее будет говорить не о прямом заимствовании через ошибки, а о восприятии общей идеи и некоторых толкований и пересказов, об их влиянии на сложение у Мухаммада идеи преемственности от Иисуса.

⁵ *Paret*. *Kommentar*, с. 64–65.

⁶ Коранический рассказ, собственно, не утверждает, что христиане делают Марию частью троицы, а говорит, что они обоже-

ствляют 'Ису и Мар'ям, ссылаясь при этом на заветы самого 'Исы. 'Иса же отрицает, что он мог говорить такое, уверяет, что его слова исказили. Тут налицо стандартный для Корана мотив об искажении христианами и иудеями первоначальных учений своих пророков.

У Мухаммада были некоторые основания для того, чтобы обвинять некоторых христиан в обожествлении Марии. Он мог слышать об экзотической женской секте коллиридианок, поклонявшихся Марии и приготовлявших в ее честь специальные хлебцы. Епифаний Кипрский (IV в.) в своей книге о ересьх рассказывает, что эта секта распространилась также и в Аравии (*Eph. Naeg.* 78 : 23, 79 : 1; *Parrinder. Jesus*, с. 135). Он же сообщает о том, что в бывшей столице арабов-набатеев Петре существовал особый праздник поклонения Деве, родившей бога, которого набатеи отождествляли со своим древним божеством Душарой (*Eph. Naeg.* 51 : 22; *Шифман. Nabateйское государство*, с. 95). В секте самсеев говорили о Святом духе, являющемся сестрой Иисуса (*Eph. Naeg.* 53 : 1).

В одном из дошедших до нас текстов из Евангелия от Евреев (II в.) Иисус говорит: «Взяла меня мать моя, Святой дух, за один из моих волосок и отнесла меня на гору великую Фавор» (*Los Evangelios*, с. 35; *Dunkerley. Gospels*, с. 105; *Parrinder. Jesus*, с. 136; Апокрифы, с. 68). Древнееврейское слово *ruah*-дух — женского рода. Образ Святого духа, духа-матери, встречается в библейской литературе. Он порой считался идентичным мудрости (др.-евр. *хома*, греч.—*софия*) и у иудеев, и у христиан-гностиков (см.: *Gerock. Versuch*, с. 76, примеч. 1). За этими словами не стояло представления о том, что Святой дух — это Мария, но со стороны в V—VI вв. они, уже анахронизмы, могли восприниматься именно так (см. также «Песнь о Невесте» и «Песнь о Жемчужине» в Деяниях апостола Фомы: От берегов Босфора, с. 147, 150, 328, 329).

Почтительное и доброе общее отношение Корана к Марии соответствует все нараставшей христианской тенденции. Мария является главным персонажем многих «исусовых» сюжетов Корана. Сами сюжеты восходят к кругу преданий, отразившихся в апокрифических евангелиях рождества и детства, одной из внутренних задач которых было — оправдать и восславить Марию, защитить ее образ от нападок иудеев.

⁷ Существует вполне правомерное, хотя и не безусловно справедливое мнение, что Коран критикует не вообще христианство, но еретические воззрения с точки зрения ортодоксальных христиан (*Bell. Introduction*, с. 158). Однако порой кажется, что еретические взгляды представлялись Мухаммаду более древним, неискаженным христианством (см. примеч. 8 к данной главе).

⁸ *Parrinder. Jesus*, с. 109—111. Вполне докетически, казалось бы, звучит кораническое выражение (о распятии и смерти): «...но это только представилось им...» (4 : 157/156). Однако докетическое отрицание человеческой материальности Иисуса оказывается в противоречии с общей концепцией Корана об 'Исе как о человеке и пророке (*Bell. Origin*, с. 154; *Gerock. Versuch*, с. 58). Основной смысл коранического аята — подчеркнуть, что пророк избежал смерти. Бог обманул иудеев и спас этого пророка, как спасал до него всех остальных.

Поэтому представляется, что Коран отразил более конкретную идею, тоже близкую докетам, — идею о замене Иисуса на кре-

сте другим человеком. Именно она отразилась в мнении, которого, согласно Иринею (IV в.), придерживался знаменитый гностик Василид (середина II в.). Впрочем, принадлежность Василиду идеи о замене Иисуса Симоном из Кирены оспаривается. Сам Василид собственно докетом не считается (*Fortescue. Docetism*, с. 832—833), но несомненно примыкает к кругу докетически мыслящих христианских гностиков.

Средневековые комментаторы тоже склонны были именно к такому объяснению. Человеком, заменившим Иисуса, они обычно называют кого-либо из апостолов, чаще всего — Иуду. См., например: *ar-Табари*. Тафсир, т. 6, с. 9—13; *Мукарим*. Тафсир, т. 1, с. 420.

⁹ См.: Коран (Крачковский), с. 537; *Parrinder. Jesus*, с. 110—111; *Gerock. Versuch*, с. 58, примеч. 1; ср.: *Rudolph. Die Abhängigkeit*, с. 82.

Манихейство, возможно, само восприняло докетические взгляды. Оно же могло послужить их передатчиком в мир, окружавший Мухаммада. Надо заметить, что место манихейства в этом мире и его отражение в Коране изучено еще очень мало, хотя именно тут видятся весьма многообещающие перспективы.

¹⁰ *Honigmann. Evêques*, с. 131; *Пиотровский*. Южная Аравия, с. 166.

¹¹ Протоевангелие Иакова, или «История Иакова о рождении Марии», повествует о годах детства Марии, рождении Иисуса и избииении младенцев. Оно является одним из произведений, условно объединяемых в цикл евангелий рождества. Именно в нем рассказывается о посвящении Марии в храм по обету родителей, о том, что пищу девочке, пока она жила в храме, приносили ангелы. Этот мотив чудесного появления пищи отразился в Коране. В Коране Закария участвует в жеребьевке с помощью «письменных тростей» и, выиграв, становится опекуном Марьям. В Протоевангелии Иакова рассказано, что, когда Марии исполнилось 12 лет, в храме собрали всех вдовцов народа. Каждый из них должен был явиться с посохом. Из посоха Иосифа вылетел голубь. Это было сочтено знаком от бога, и девочку передали ему на воспитание. В доме Иосифа Мария и ткала пурпурную завесу для храма. Она всплывает в Коране в виде не очень ясного мотива: «Вот она удалилась от своей семьи в место восточное и устроила себе перед ними завесу» (19: 16—17). См.: *Жебелев*. Евангелия, с. 87—90; *Los Evangelios*, с. 126—176, гл. 1—5, 8—10; Апокрифы, с. 101—129; *Parrinder. Jesus*, с. 65; *Paret. Kommentar*, с. 67. Существует довольно старый (самая старая рукопись — X в.) арабский вариант Протоевангелия Иакова, что может служить, хотя и косвенным, свидетельством его бытования на арабском языке и до ислама. См.: *Garitte. Protoevangelii Iacobi*.

¹² Ребенок Иисус нарушил субботу, слепив из глины фигурки воробьев. Когда призванный благочестивым прохожим Иосиф стал ругать мальчика, Иисус захлопал в ладоши, крикнул воробьям: «Летите!», и они полетели. См.: *Жебелев*. Евангелия, с. 91—92; *Los Evangelios*, с. 285—286, гл. 2: 1—5; Апокрифы, с. 130—150; *Parrinder. Jesus*, с. 84; *Paret. Kommentar*, с. 69.

¹³ Арабское Евангелие детства, видимо переведенное с сирийского, сохранилось в нескольких вариантах (одна рукопись иллюстрирована). В нем рассказано, как мальчик Иисус делал фигурки животных, которые заставлял ходить и прыгать. Он делал также глиняные фигурки птиц, которые заставлял летать. См.: *Los Evangelios*, с. 333, гл. 36; см. также: *Редин*. Миниатюры.

Об оживлении глиняных фигурок рассказывается также в средневековом еврейском жизнеописании Иисуса — «Толдот Йешу». См.: *Parrinder. Jesus*, с. 84. Есть мусульманское предание, что об оживлении Иисусом глиняных фигурок птиц рассказывали в Медине приехавшие из Наджрана (Южная Аравия) христиане. См.: *Ибн Хишам. Сира*, с. 414.

Приписка в одной из рукописей арабского Евангелия детства содержит еще один отраженный Кораном мотив. Там сказано, что Иисус заговорил, будучи еще в колыбели. Он сказал матери: «Я Иисус, сын Божий, слово, которое ты родила, как объявил тебе ангел Гавриил». См.: *Parrinder. Jesus*, с. 78.

¹⁴ Евангелие от псевдо-Матфея сохранилось в латинском варианте, возможно VII в. Там есть эпизод, как во время бегства в Египет Мария и Иосиф сели отдохнуть под пальмой. Иисус приказал пальме наклониться и накормить своими плодами его мать и Иосифа. Затем по приказу младенца из-под пальмы забил источник (*Los Evangelios*, с. 177–242, гл. 20 : 1–2; *Parrinder. Jesus*, с. 1965; *Paret. Kommentar*, с. 323). В арабском Евангелии детства сохранился рассказ об отдыхе Марии с младенцем под деревом (сикомором-платаном) в Матарии в Египте (*Los Evangelios*, с. 323, гл. 24).

Тут нет оснований говорить о каких-либо прямых заимствованиях. Латинский апокриф указывает лишь на существование мотива пальмы в циклах сказаний о детстве Иисуса, Коран — на возможность существования апокрифического рассказа о рождении под пальмой. Ведь есть же неканонический рассказ о рождении в пещере (Протоевангелие Иакова, гл. 18–19). Коранический рассказ не восходит к каким-либо конкретным текстам, а черпает из того же моря устных и письменных преданий, из которого выплеснулись тексты евангелий рождения и евангелий детства.

Праведники-страстотерпцы

¹ *Paret. Kommentar*, с. 314.

² *Harding. Index*, с. 658–659. Созвучие с сирийской и еврейской формой имени Елисей — Элиша¹ — возникает, если считать определенный артикль *аль-* неверно понятой начальной частью имени. Что же касается имени Иаса², то для устной передачи в Аравии переход *џ* в *с* допустим, хотя чаще встречается переход *џ* в *т*.

³ Коран (Крачковский). с. 577.

⁴ *Spreyer*, с. 406.

⁵ Там же, с. 412.

⁶ Там же, с. 408, 409.

⁷ Об 'Узайре см.: *Heller. 'Uzayr*. Эзра (Езра), по имени которого названо несколько библейских канонических и апокрифических книг, — одна из главных фигур в истории иудаизма. С его именем связано восстановление иудаизма и еврейской общины после вавилонского плена в V в. до н. э.

Возможно, что Коран не осуждал некую секту поклонников Эзры, напротив, повторял упреки официальному иудаизму со стороны иудеев-«староверов». Есть основания считать, что какая-то часть аравийских иудеев была враждебна тому почитанию и высокому авторитету Эзры, которым он пользовался в иудаизме. Предания иеменских иудеев сохранили легенду о том, что их предки вступили в конфликт с Эзрой, отвергнув его призыв вернуться в

Палестину к возрожденному храму. Последовал якобы обмен проклятиями. Из-за проклятия Эзры йеменские иудеи были обречены на жалкое и униженное существование. Из-за проклятия йеменцев Эзра оказался после смерти похороненным вне пределов земли обетованной. Есть также предположение, что в своих письмах в Йемен средневековые иудеи Египта избегали упоминать стандартные формулы, содержавшие прославление Эзры. Эти косвенные свидетельства, возможно, отражают разногласия в иудаизме в отношении особого почитания Эзры. См.: *Ahroni. Jemenite Jewry*, с. 4–8; *Goitein. Von den Juden*, с. 12.

Возможно, что воззрения именно таких иудеев, для которых и сама деятельность Эзры, и его почитание были вредными новшествами, и были восприняты Мухаммадом как остатки истинного моисеевского единобожия, с позиций которого он и критикует современных ему приверженцев иудаизма.

⁸ См.: *Abel. Barsisa*.

⁹ См., например: Коран (Крачковский), с. 527; *Speyer*, с. 425.

¹⁰ Перевод мой. У И. Ю. Крачковского: «Не говори ни о чем: „Я это сделаю завтра“ — без того, что пожелает Аллах, и вспомни твоего Господа, когда ты забудешь». Я хотел выделить «проступок» Мухаммада в соответствии с принимаемой мной трактовкой аята.

¹¹ Об этой знаменитой легенде существует обширная литература. Самое полное исследование на русском языке — *Крымский. Семь спящих*. Одно из новейших исследований — *Jourdain. La tradition*. Тщательный анализ мусульманской легенды см.: *Massignon. Les «Sept Dormants»*.

Герои и мудрецы

¹ *Speyer*, с. 366. Примером может служить, в частности, перешительность части мединцев, возглавлявшихся 'Абд Аллахом ибн Убайем. Перед сражением при Ухуде «лицемеры» сначала согласились, а потом отказались выступить из города навстречу слишком многочисленной, по их мнению, армии мекканских язычников (*Ибн Хишам. Сира*, с. 583–584).

В аяте 246/247 есть прямые параллели к словам о мекканцах-мусульманах. Пророку, спрашивающему, будут ли они сражаться, сыны Исра'ила отвечают: «А почему бы нам не сражаться на пути Аллаха, раз мы изгнаны из наших жилищ и от наших детей?» Ср., как говорится о мусульманах: «...тем, которые изгнаны из домов своих без права» (22: 40/41) — или: «...беднякам, выселившимся, которые изгнаны из своих земель» (59: 8).

Коранические упреки трусам, не верящим в победу, отразились и в пушкинских «Подражаниях Корану»:

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

² См.: *Speyer*, с. 377; *Paret. Kommentar*, с. 344.

⁵ Например, 'Амр ибн Ма'дикариб (*ал-Анбари*. Шарх, с. 415), Абу Зу'айб (*ас-Са'алиби*. Симаар, с. 56). См. также: *Horovitz. Untersuchungen*, с. 109–111; *Hirschberg. Lehren*, с. 62–63, 134–135.

⁶ (Хвалите Господа от земли...)

Горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры,
Звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые.

⁷ См.: *Paret. Kommentar*, с. 421; *Speyer*, с. 398–399.

⁸ Согласно комментариям, ангелы, обучавшие (хоть и с предостережениями) людей магии и тайным наукам, были заточены в колодец в Вавилоне за страшные преступления. Живя на небе, они вместе со всеми другими ангелами порицали людей за их греховную жизнь. Аллах же упрекал их тем, что неизвестно, как бы они сами повели себя среди тех соблазнов, которыми окружены люди. Чтобы это проверить, Харут и Марут были посланы на землю. Однако они согрешили с первой же встретившейся им красивой женщиной, а потом убили человека, ставшего свидетелем их падения. Предсказание Аллаха сбылось, ангелы были устыжены, а виновникам – Харуту и Маруту – Бог предложил выбрать наказание – в аду или на земле. Они выбрали землю и с тех пор томятся в глубоком колодце в Вавилоне. Люди и шайтаны, жаждущие овладеть тайными силами магии, пробираются к ним, и они их наставляют. Предупреждения, которыми они сопровождают свои советы, означают, что и это греховное дело совершается под контролем и по воле Аллаха. Так он проверяет людей.

Сюжет об ангелах, спустившихся на землю, восходит к библейскому мотиву о сыновьях Божьих, спустившихся на землю и бравших в жены дочерей человеческих (Бытие 6: 1–4). Он был развит в иудейских и христианских преданиях в связи с историями о падших ангелах. Кораническая история отражает некоторый самостоятельный вариант, прямого источника которого мы не знаем. Одно из объяснений происхождения имен ангелов возводит их к именам зороастрийских «ангелов» из Авесты (см.: *Wensinck. Harut*). Слияние элементов иудео-христианских преданий с зороастрийскими в принципе вполне вероятно именно на аравийской почве, где сходились и сливались элементы культур разных религий. Зороастрийские элементы, в частности, были достаточно сильны в культуре доисламской Аравии. Это отразилось и в Коране. Однако, к сожалению, зороастрийские связи ислама изучены пока лишь приблизительно (см., например: *Бертельс. Райские девы*).

Другое объяснение тоже уводит нас в живую среду аравийских преданий. Как и многие другие пары имен в коранических сказаниях, имена Харут и Марут появились для любимого Кораном созвучия. Значимым же является только второе имя – Марут, которое до-сирийски означает «мощь», «сила» и изначально вполне могло быть именем какого-либо ангела в христианском или иудейском предании, откуда попало в предание аравийское, а затем в Коран. См.: *Vajda. Harut; Speyer*, с. 388–389.

⁹ *Speyer*, с. 383–402.

¹⁰ *Horovitz. Untersuchungen*, с. 116–119; *Hirschberg. Lehren*, с. 63, 135–137.

¹¹ См.: *Schedl. Sulaiman*.

¹² См. реконструкцию огромных каменных тронов, выполненную Ж. Пиренн на основе изучения часто находимых в Южной

Аравии каменных деталей с изображениями элементов зданий. Именно они и собираются в монументальные троны (*Pirenne. Notes*).

¹¹ О божестве Шамс см.: *Fahd. Le panthéon*, с. 150–153; *Лундин. Шамс*.

¹² См.: *Schedl. Sulaiman*. Общую историю и варианты легенд о царице Савской см. в специальном сборнике исследований нескольких авторов – *Solomon and Sheba* и в двух красочных изданиях – *Daum. Die Königin*; *Philby. The Queen*.

¹³ *Бергельс. Роман*; *Nöldeke. Alexanderroman*; *Friedlaender. Chadirlegende*.

¹⁴ См.: *Horovitz. Untersuchungen*, с. 11–112. Прозвищем Зул-Карнайн наряду с Александром называли некоторых аравийских царей из рода иракских Лахмидов, а иногда и какого-то химйаритского царя Йемена.

¹⁵ *Horovitz. Untersuchungen*, с. 132–136.

¹⁶ См., например, их собрание в книге «Долгожители и завещания» Абу Хати́ма ас-Сиджистани (ум. в 863 г.) или в приписываемом разным авторам своде «Завещания царей». См.: *ас-Сиджистани. Ал-Му‘аммарун*; *Пиотровский. Предание*, с. 28–29.

¹⁷ *Ат-Табари. Та’рих*, 1, с. 1208. Мухаммад якобы предложил поэту Сувайду принять ислам. «Сувайд сказал: „Может быть, то, что у тебя, – то же самое, что и у меня?“ Посланник Аллаха сказал: „А что же у тебя?“ Он ответил: „Свиток (*маджалла*) Лукмана“, имея в виду „Мудрость Лукмана“. И сказал ему Посланник Аллаха: „Это добрые слова, но у меня – лучше, чем это, Коран, который ниспослан мне, верный путь и свет!“ И Посланник Аллаха читал ему Коран и призвал принять ислам. И тот не отошел от него и сказал: „Это добрая речь!“».

¹⁸ См.: *Heller, Stillmann. Lukman*; *Пиотровский. Лукман*.

Недавняя история Аравии

¹ См.: *Пиотровский. Предание*.

² *Пиотровский. Южная Аравия*, с. 134–138.

³ *Paret. Kommentar*, с. 77–78.

⁴ Коран (Крачковский), с. 626.

⁵ *Paret. Kommentar*, с. 313.

⁶ *Spreyer*, с. 434.

⁷ См., например, Евангелие от Луки 12 : 16–21.

⁸ *Пиотровский. Южная Аравия*, с. 21–22; *Лундин. Южная Аравия*, с. 17–60.

⁹ *Пиотровский. Южная Аравия*, с. 164–165.

¹⁰ Например, Ру 506. Перевод с комментарием см.: *Пиотровский. Южная Аравия*, с. 176–177; *Лундин. Южная Аравия*, с. 73–84.

¹¹ См.: *Пиотровский. Поход слона*.

Мухаммад и «истории первых»

¹ *Paret. Kommentar*, с. 295–296. Проблема эта далеко не только текстологическая. Признание того, что в Коране упомянут именно Иерусалим, является важнейшим аргументом в пользу исконной святости этого города для мусульман, что порой оспаривается в полемике по поводу исторических прав разных народов на владение Палестиной.

² Из различных коранических текстов видно, что аравийцам было знакомо и близко известное ближневосточное представление о небесной лестнице, по которой можно установить связь с Богом на небесах. См. Коран 6 : 35: «...если бы ты мог отыскать расселину в земле или лестницу на небо и пришел бы к ним со знамением»; 52 : 38: «Или у них есть лестница, на которой они подслушивают?»; см. также 15 : 18.

³ Предание об *аль-исра' ва-ль-ми'радж* в разных самых старых вариантах см.: *Ибн Хишам*. Сира, с. 268–276.

⁴ См.: *Винников*. Легенда.

⁵ См.: *Пиотровский*. Мухаммад; он же. Пророческое движение.

⁶ *Ибн Хишам*. Сира, с. 125.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 'Абд ал-Хаким. Маусу'а.— Шауки 'Абд ал-Хаким. Маусу'ат ал-фулклур ва-л-асатир ал-'арабийя. Бейрут, 1982.
- 'Абид б. ал-Абрас. Диван.— The Diwans of Abid al-Abras, of Asad, and Amir ibn at-Tufail, of Amir ibn Sa'sa'ah. Ed. by Ch. Lyall. Leyden-London, 1913.
- 'Ади б. Зайд. Диван.— Диван 'Ади ибн Зайд ал-'Ибади. Тахкик Мухаммад ал-Му'айбид. Багдад, 1965.
- ал-Анбари. Шарх.— Ал-Анбари. Шарх ал-каса'ид ас-саб' ат-тивал ал-джахилият. Тахкик 'Абд ас-Салам Харун. Каир, 1969.
- Андреев. Указатель.— Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Апокрифы.— Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М., 1989.
- Ахбар 'Абид.— Ахбар 'Абид ибн Шарийа.— Китаб ат-тиджан. Сана, 1979, с. 323—499.
- ал-Байдави. Тафсир.— Beidhawii commentarius in Coranum. Ed. H. Fleischer. Vol. 1—2. Lipsiae, 1846.
- Бартольд. Сочинения, 6.— Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966.
- Бертельс. Райские девы.— Бертельс Е. Э. Райские девы (гурип) в исламе.— Бертельс Е. Э. Избранные труды: Суфизм и суфийская литература. М., 1965, с. 84—102.
- Бертельс. Роман.— Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л., 1948.
- Большаков. История.— Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1. Ислам в Аравии: 570—633. М., 1989.
- ал-Бухтури. Хамаса.— Ал-Бухтури. Китаб ал-хамаса. Тахкик Л. Шайху. Бейрут, 1910.
- Винников. Коранические заметки.— Винников И. Н. Коранические заметки.— Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.-Л., 1960, с. 301—312.
- Винников. Легенда.— Винников И. Н. Легенда о призвании Мухаммада в свете этнографии.— Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. Л., 1934, с. 125—146.
- Грязневич. Коран в России.— Грязневич П. А. Коран в России (изучение, переводы и издания).— Ислам: религия, общество, государство. М., 1984, с. 76—82.

- Грязневич.** Развитие.— *Грязневич П. А.* Развитие исторического сознания арабов (VI—VIII вв.).— Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982, с. 75—155.
- Жебелев.** Евангелия.— *Жебелев С. А.* Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919.
- Зави.** Мекорот.— *Зави Шалом А.* Мекорот йехудийим ба-Коран. Иерусалим, 5743 (1983).
- Зухайр.** Диван.— Шарх диван Зухайр ли Са'лаб. Каир, 1944.
- Ибн ал-Калби.** Аснам.— *Китаб ал-аснам 'ан Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калби.* Тахкик Ахмад Заки. Каир, 1965.
- Ибн ал-Калби.** Аснам, пер.— *Хишам ибн Мухаммад ал-Калби.* Книга об идолах. Пер. с араб., предисл. и примеч. Вл. В. Полосинова. М., 1984.
- Ибн Хишам.** Сира.— *Ибн Исхак, Ибн Хишам.* Сират ан-наби. Тахкик Мухаммад 'Абд ал-Хамид. Каир, 1963.
- Ислам.**— Ислам: Словарь атеиста. М., 1988.
- Ислам.** Словарь.— Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1990.
- Ислам.** Справочник.— Ислам: Краткий справочник. М., 1983; 2-е изд. М., 1986; азерб. пер. Баку, 1985; каз. пер. А.-А., 1988.
- Кашгалева.** О термине «ханиф».— *Кашгалева К. С.* О термине «ханиф» в Коране.— Доклады Академии наук СССР. Серия В. 1928, № 8, с. 157—162.
- Кашгалева.** Подражания.— *Кашгалева К. С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник.— Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л., 1930, т. 5, с. 243—270.
- ал-Киса'и.** Кисас.— *Muhammed ben Abdallah al-Kisa'i.* Vita prophetarum. Ed. I. Eisenberg. Lugduni Batavorum, 1922.
- Китаб ат-тиджан.**— *Китаб ат-тиджан 'ан Вахб ибн Мунаббих.* Сана, 1979.
- Кныш.** Та'вил.— *Кныш А. Д.* Та'вил.— Ислам. Словарь, с. 218—219.
- Коран (Крачковский).**— *Коран.* Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.
- Коран (Николаев).**— *Коран Магомета.* Новый перевод, сделанный с арабского текста М. Казимирским. Пер. с франц. А. Николаева. М., [б. г.].
- Коран (Саблуков).**— *Коран.* Перевод с арабского языка Г. С. Саблукова. 3-е изд. Казань, 1907.
- Коран (Bell).**— *Bell R.* The Qur'an. Translated, with a critical re-arrangement of the Surahs. Vol. 1, 2. Edinburgh, 1937, 1939.
- Коран (Blachère).**— *Blachère R.* Le Coran. Traduction nouvelle. Vol. 1—2. P., 1949—1950.
- Коран (Hamidullah).**— *Hamidullah M.* Le Coran. Traduction intégrale et notés. P., 1939.
- Коран (Paret).**— *Der Koran.* Übersetzung von R. Paret. Stuttgart, 1963.
- Коран (Pickthall).**— *The Meaning of the Glorious Koran.* An Explanatory Translation by Mohammed Marmaduke Pickthall. N. Y., 1953.
- Крачковский.** Поэтическое творчество.— *Крачковский И. Ю.* Поэтическое творчество Абу-л-'Атахи.— *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. 2. М.— Л., 1956, с. 14—51.
- Крачковский.** Таха Хусейн.— *Крачковский И. Ю.* Таха Хусейн о доисламской поэзии арабов и его критики.— *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. 3. М.— Л., 1956, с. 189—222.

- Крымский*. Семь спящих.— *Крымский А.* Семь спящих отроков эфесских. М., 1914.
- Куделин*. Арабская поэзия.— *Куделин А. Б.* Равняя арабская поэзия: опыт историко-функционального анализа.— Классические памятники литератур Востока (в историко-функциональном освещении). М., 1985, с. 10–30.
- ал-Кутами*. Диван.— *Ал-Кутами*. Диван. Тахкик Ибрахим ас-Самарра'и, Ахмад Матлуб. Бейрут, 1960.
- Лабид*. Диван.— Диван Лабид. Тахкик ал-Халили. Вена, 1880.
- Лисан*.— *Ибн Манзур*. Лисан ал-'араб. Т. 1–18. Каир, 1300–1303 гг. х.
- Лундин*. Аллах.— *Лундин А. Г.* Аллах.— Мифы народов мира, т. 1, с. 61.
- Лундин*. Вадд.— *Лундин А. Г.* Вадд.— Мифы народов мира, т. 1, с. 207.
- Лундин*. Шамс.— *Лундин А. Г.* Шамс.— Мифы народов мира, т. 2, с. 639.
- Лундин*. Южная Аравия.— *Лундин А. Г.* Южная Аравия в VI веке. М.— Л., 1961 [Палестинский сборник. 8(71)].
- Мифы народов мира.— Мифы народов мира. Т. 1, 2. М., 1980, 1982; 2-е изд. М., 1987, 1988.
- Мукатил*. Тафсир.— Тафсир Мукатил ибн Сулайман. Тахкик 'Абд Аллах Шахана. Т. 1–4. Каир, 1979–1987.
- Мутаммим*. Диван.— Малик ва Мутаммим ибна Нувайра ал-Йарбу'и. Та'лиф Ибтисам ас-Саффар. Багдад, 1968.
- Муфаддалият.— *The Mufaddaliyat: An Anthology of Ancient Arabian Odes*. Ed. Ch. Lyall. Vol. 1–2. Oxf., 1918–1921.
- От берегов Босфора.— От берегов Босфора до берегов Евфрата. Пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М., 1987.
- Папаян*. Аль-Хидр.— *Папаян А. А.* Аль-Хидр и Илия: Мифические истоки аналогии.— Палестинский сборник. Л., 1986, 28(91), с. 89–97.
- Пиотровский*. Лукман.— *Пиотровский М. Б.* Лукман.— Мифы народов мира, т. 2, с. 77.
- Пиотровский*. Мухаммад.— *Пиотровский М. Б.* Мухаммад, пророки, лжепророки, кахины.— Ислам в истории народов Востока. М., 1981, с. 9–18.
- Пиотровский*. О природе.— *Пиотровский М. Б.* О природе власти Мухаммада.— Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах: История и современность. М., 1984, с. 6–18.
- Пиотровский*. Поход слона.— *Пиотровский М. Б.* «Поход слона» на Мекку (Коран и историческая действительность).— Ислам: религия, общество, государство. М., 1984, с. 28–35.
- Пиотровский*. Предание.— *Пиотровский М. Б.* Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле. М., 1977.
- Пиотровский*. Пророческое движение.— *Пиотровский М. Б.* Пророческое движение в Аравии VII в.— Ислам: религия, общество, государство. М., 1984, с. 19–35.
- Пиотровский*. Южная Аравия.— *Пиотровский М. Б.* Южная Аравия в раннее средневековье: Становление средневекового общества. М., 1985.
- Птолемей*.— *Geography of Claudius Ptolemy*. Translated into English and edited by E. L. Stevenson. N. Y., 1932.
- Редин*. Миниатюры.— *Редин Е. К.* Миниатюры апокрифического арабского Евангелия детства Христа Лаврентцианской библио-

- теки во Флоренции.— Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1895, т. 7, с. 55—71.
- Резван*. Адам и бану Адам.— *Резван Е. А.* Адам и бану Адам в Коране (к истории понятий «первочеловек» и «человечество»).— Ислам: религия, общество, государство. М., 1984, с. 59—68.
- Резван*. Исследования.— *Резван Е. А.* Исследования по терминологии Корана: сура; 'абд ('ибад, 'абид) [Аллах]; умма — 16: 121/129.— Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М., 1987, с. 219—231.
- ас-Са'алиби*. Симар.— *Ас-Са'алиби*. Симар ал-кулуб. Тахкик Мухаммад Ибрахим. Каир, 1965.
- ас-Са'лаби*. Кисас.— *Ахмад б. Мухаммад ас-Са'лаби*. Китаб кисас ал-анбийа' ал-мусамма би-л-'ара'ис. Каир, 1324 г.х.
- ас-Сиджистани*. Ал-Му'аммарун.— *Ас-Сиджистани*. Ал-Му'аммарун ва-л-васайа. Тахкик 'Абд ал-Мун'им Амир. Каир, 1961.
- Соловьев*. Магомет.— *Соловьев В.* Магомет, его жизнь и религиозное учение. СПб., 1902.
- Старкова*. «Странствие Авраама».— *Старкова К. В.* «Странствие Авраама».— Палестинский сборник. Л., 1986, 28 (91), с. 69—73.
- ат-Табари*. Та'рих.— *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje. Series 1—3. Lugduni Batavorum, 1879—1890.*
- ат-Табари*. Тафсир.— *Ат-Табари*. Джами' ал-байан фи тафсир ал-Кур'ан. Т. 1—30. Каир, 1323—1329 г.х.
- Таббара*. Анбийа'.— *Таббара 'Афиф*. Ма' ал-анбийа' фи-л-Кур'ан ал-карим. Бейрут, [б.г.].
- Тадж.— *Аз-Забиди*. Тадж ал-'арус. Т. 1—10. Каир, 1307 г.х.
- Умаййа*. Диван.— *Ал-Хадиси Бахджат*. Умаййа ибн Аби-с-Салт: хайатуху ва-ши'руху. Багдад, 1975.
- Фусус*.— Шарх ал-Кашани 'ала фусус ал-хикам ли Ибн ал-'Араби. Каир, 1321 г.х.
- Хамаса.— *Namasae carmina. Ed. O. Freytag. Bonnae, 1828.*
- ал-Хамдани*. Ал-Иклил, 1.— *Al-Hamdani. Al-Iklil. Bch 1. N. 1, 2. Hrsg. von O. Löfgren. Uppsala, 1965.*
- ал-Ханса'*. Диван.— Шарх диван ал-Ханса'. Тахкик Л. Шайху. Бейрут, 1896.
- Хассан б. Сабит*. Диван.— *Diwan of Hassan b. Thabit. Ed. by N. Hirschfeld. Leyden—London, 1910.*
- аш-Шахрастани*.— *Аш-Шахрастани*. Китаб ал-милал ва-н-нихал. Тахкик Мухаммад Килани. Т. 1—2. Каир. 1961.
- аш-Шахрастани*, пер.— *Аш-Шахрастани*. Книга о религиях и сектах. Ч. 1. Ислам. Пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова, М., 1984.
- Шифман*. Исторические корни.— *Шифман И. Ш.* Исторические корни коранического образа Аллаха.— Проблемы арабской культуры. М., 1987, с. 232—237.
- Шифман*. Набатейское государство.— *Шифман И. Ш.* Набатейское государство и его культура: Из истории культуры доисламской Аравии. М., 1976.
- Шифман*. Надпись из Раввафы.— *Шифман И. Ш.* Надпись из Раввафы.— Эпиграфика Востока. Л., 1988, 24, с. 29—36.
- Aarne—Thompson*.— *Aarne A.* The Types of the Folktale. Transl. and enlarged by Stith Thompson. 2d revision. Helsinki, 1964.
- Abel*. Barsisa.— *Abel A.* Barsisa, le moine qui défia le Diable. Bruxelles, 1959.

- Ahroni*. Jemenite Jewry.—*Ahroni R.* Jemenite Jewry: Origins, Culture and Literature. Bloomington, 1986.
- Beck*. Gestalt.—*Beck E.* Die Gestalt des Abraham am Wendepunkt der Entwicklung Muhammeds.—Le Muséon. Louvain, 1932, vol. 64, c. 73–94.
- Bell*. Introduction.—*Bell's* Introduction to the Qur'an. Completely revised and enlarged by W. Montgomery Watt. Edinburgh, 1970.
- Bell*. Origin.—*Bell R.* Origin of Islam in its Christian Environment. L., 1926.
- Beltz*. Sehnsucht.—*Beltz W.* Sehnsucht nach dem Paradies: Mythologie des Korans. B., 1979.
- Blachère*. Introduction.—*Blachère R.* Introduction au Coran. P., 1947.
- Blachère*. Le problème.—*Blachère R.* Le problème de Mahomet. P., 1932.
- Bowersock*. Roman Arabia.—*Bowersock G. W.* Roman Arabia. L., 1983.
- Branden*. Thamoud.—*Van den Branden A.* Histoire de Thamoud. Beyrouth, 1960.
- Caskel*. Das Schicksal.—*Caskel W.* Das Schicksal in der altarabischen Poesie. Lpz., 1926.
- Caskel—Kalbi*.—*Caskel W.* Gamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišam b. Muhammed al-Kalbi. Bd. 1–2. Leiden, 1966.
- Cook*. Muhammad.—*Cook M.* Muhammad. Oxf., 1983.
- Daum*. Die Königin.—Die Königin von Saba: Kunst, Legende und Archäologie zwischen Morgenland und Abendland. Hrsg. W. Daum. Stuttgart—Zürich, 1988.
- Dunkerley*. Gospels.—*Dunkerley R.* Beyond the Gospels. L., 1961.
- Eichler*. Die Dschinn.—*Eichler P. A.* Die Dschinn: Teufel und Engel im Koran. Lpz., 1928.
- Eickmann*. Angelologie.—*Eickmann W.* Die Angelologie und Dämonologie des Korans. N. Y.-Lpz., 1908.
- Ephal*. Ancient Arabs.—*Ephal I.* The Ancient Arabs. Leiden, 1982.
- Epiph. Haer.*—*Epiphantus.* Adversus haereseos. Hrsg. K. Holl. Lpz., 1915–1932.
- Los Evangelios.—Los Evangelios Apócrifos: Collección de textos griegos y latinos, versión crítica, estudios introductorios y comentarios por Aurelio de Santas Otero. Madrid, 1984.
- Fahd*. Le panthéon.—*Fahd T.* Le panthéon de l'Arabie Centrale à la veille de l'Hégire. P., 1968.
- Fortescue*. Docetism.—*Fortescue A.* Docetism.—Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. 4. Edinburgh, 1911, c. 832–835.
- Friedlaender*. Chadirlegende.—*Friedlaender J.* Die Chadirlegende und der Alexanderroman: Eine Sagengeschichte und literaturhistorische Untersuchung. Lpz.-B., 1913.
- Garitte*. Protoevangelii Iacobi.—*Garitte G.* Protoevangelii Iacobi versio arabico antiquior.—Le Muséon. Louvain, 1973, vol. 86, c. 377–396.
- Gaudefroy-Demombynes*. Mahomet.—*Gaudefroy-Demombynes M.* Mahomet. P., 1962.
- Geiger*. Was hat Mohammed.—*Geiger A.* Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? 2. revidierte Aufl. Lpz., 1902.
- Gerock*. Versuch.—*Gerock G. F.* Versuch einer Darstellung der Christologie des Koran. Hamburh—Gotha, 1839.
- Goitein*. Von den Juden.—*Goitein S.* Von den Juden Jemens: Eine Anthologie. B., 1934.

- Grohmann*. Arabien.—*Grohmann A.* Arabien. München, 1963.
- Grünbaum*. Neue Beiträge.—*Grünbaum M.* Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde. Leiden, 1893.
- Hamidulla*. Le Prophète.—*Hamidulla M.* Le Prophète de l'islam. P., 1939.
- Harding*. Index.—*Harding Lankester C.* An Index and Concordance of Preislamic Arabian Names and Inscriptions. Toronto, 1971.
- Heller*. 'Uzayr.—*Heller B.* 'Uzayr.—EI, Bd. 4, c. 1150–1151.
- Heller, Stillmann*. Lukman.—*Heller B., Stillmann N.* Lukman.—EI², vol. 5, c. 811–813.
- Hirschberg*. Lehren.—*Hirschberg J. W.* Jüdische und Christliche Lehren im vor- und frühislamischen Arabien. Krakow, 1939.
- Hitti*. History.—*Hitti Ph.* History of the Arabs. L., 1946.
- Honigmann*. Evêques.—*Honigmann E.* Evêques et évêchés monophysites d'Asie antérieure au VI siècle. Louvain, 1931.
- Horovitz*. Untersuchungen.—*Horovitz J.* Koranische Untersuchungen. B.-Lpz., 1926.
- Ibn Ishaq* (Guillaume).—*Guillaume A.* The Life of Muhammad, a Translation of [Ibn] Ishaq's «Sirat rasul Allah». L., 1955.
- Johnstone*. St. George.—*Johnstone T. M.* A St. George of Dhofar.—Arabian Studies. L., 1978, vol. 4, c. 59–65.
- Jourdain*. La tradition.—*Jourdain F.* La tradition des Sept Dormants. P., 1983.
- Khoury*. Les légendes.—*Khoury R.* Les légendes prophétiques dans l'islam. Wiesbaden, 1978.
- Kister*. Legends.—*Kister M. J.* Legends in tafsir and hadith Literature: The Creation of Adam and Related Stories.—Approaches to the History of the Interpretation of the Qur'an. Oxf., 1988, c. 88–114.
- Klijn*. Seth.—*Klijn A. F. J.* Seth in Jewish, Christian and Gnostic Literature. Leiden, 1977.
- Künstlinger*. Sura 95.—*Künstlinger D.* Sura 95 — Orientalische Literaturzeitung. Lpz., 1936, № 1, c. 1–3.
- Lichtenstädter*. Origin.—*Lichtenstädter I.* Origin and Interpretation of some Koranic Symbols.—Arabic and Islamic Studies in Honor of Hamilton A. R. Gibb. Leiden, 1965, c. 426–436.
- Lings*. Muhammad.—*Lings M.* Muhammad: his life based on the earliest sources. L., 1983.
- Massignon*. Mubahala.—*Massignon L.* La Mubahala de Médine et l'Hyperdulie de Fatima. P., 1935.
- Massignon*. Les «Sept Dormants».—*Massignon L.* Les «Sept Dormants», Apocalypse de l'islam: Étude sur la sourate XVIII du Qur'an.—Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1950, vol. 68, c. 245–260.
- Monroe*. Oral Composition.—*Monroe J. T.* Oral Composition in Pre-Islamic Poetry.—Journal of Arabic Literature. Leiden, 1972, vol. 3, c. 1–32; рус. пер.—Арабская средневековая культура и литература. М., 1978, c. 93–142.
- Moubarac*. Abraham.—*Moubarac J.* Abraham dans le Coran. P., 1938.
- Mustansir*. Adam.—*Mustansir M.* Adam in the Qur'an.—Islamic Culture. Hyderabad, 1988, vol. 62, № 1, c. 1–11.
- Noja*. Maometto.—*Noja S.* Maometto profeta dell'islam. Fossano, 1974.
- Nöldeke*. Alexanderroman.—*Nöldeke Th.* Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans (Denkschrift der Wiener Akademie der

- Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 1890, Bd. 38, Abh. 5).
- Nöldeke*. Geschichte.— *Nöldeke Th.* Geschichte des Corans. 2. Aufl. bearb. von F. Schwally, G. Bergsträsser und O. Pretzl. Bd. 1–3. Lpz., 1909, 1919, 1938.
- Paret*. Le corps.— *Paret R.* Le corps de Pharaon signe et avertissement pour la postérité (Sourate X, 92).— *Études d'Orientalisme dédiées à la mémoire de Lévi-Provençal*. P., 1962, c. 235–237.
- Paret*. Geschichtsquelle.— *Paret R.* Der Koran als Geschichtsquelle.— *Der Islam*. B., 1961, Bd. 37, c. 24–42.
- Paret*. Ibrahim.— *Paret R.* Ibrahim.— *EI*², vol. 3, c. 1002–1004.
- Paret*. Kommentar.— *Der Keran*. Kommentar und Konkordanz von Rudi Paret. 2. Aufl. Stuttgart, 1977.
- Paret*. Mohammed.— *Paret R.* Mohammed und der Koran. Stuttgart, 1957.
- Parrinder*. Jesus.— *Parrinder G.* Jesus in the Qur'an. L., 1965.
- Pedersen*. Adam.— *Pedersen J.* Adam.— *EI*², vol. 1, c. 181–183.
- Philby*. The Queen.— *Philby St. J.* The Queen of Sheba. L., 1981.
- Philonenko*. Expression.— *Philonenko M.* Une expression quomrânienne dans le Coran.— *Atti del 3. Congresso di Studi Arabi e Islamici*. Naples, 1966, c. 553–556.
- Pirenne*. Notes.— *Pirenne J.* Notes d'archéologie sud-arabe. 5.— *Syria*. Beyrouth, 1965, vol. 42, c. 311–341.
- Rabin*. Studies.— *Rabin Ch.* Qumran Studies. Oxf., 1957.
- Robin*. Two Inscriptions.— *Robin Ch.* Two Inscriptions from Qaryat al-Faw Mentioning Women.— *Araby the Blest: Studies in Arabian Archaeology*. Ed. P. T. Potts. Copenhagen, 1988, c. 168–175.
- Rodinson*. Mahomet.— *Rodinson M.* Mahomet. P., 1961.
- Rudolph*. Die Abhängigkeit.— *Rudolph W.* Die Abhängigkeit des Qurans von Judentum und Christentum. Stuttgart, 1922.
- Sabaic Dictionary*.— *Beeston A., Ghul M., Müller W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary. Louvain-Beyrouth, 1982.
- Schacht*. Ahmad.— *Schacht J.* Ahmad.— *EI*², vol. 1, c. 267.
- Schapiro*. Elemente.— *Schapiro J.* Die haggadischen Elemente im erzählenden Teil des Korans. T. 1. Lpz., 1907.
- Schedl*. Sulaiman.— *Schedl C.* Sulaiman und die Königin von Saba: Logotechnische und religionsgeschichtliche Untersuchung zu Sure 27, 17–44.— *Al-Hudhud*. Festschrift Maria Höfner. Graz, 1981, c. 305–324.
- Sidersky*. Les origines.— *Sidersky D.* Les origines des légendes musulmanes dans le Coran et dans les vies des Prophètes. P., 1933.
- Solomon and Sheba*.— *Solomon and Sheba*. Ed. J. Pritchard. L., 1974.
- Speyer*.— *Speyer H.* Die biblischen Erzählungen im Coran. Gräfenhainichen, [6.r.]; Nachdruck-Hildesheim, 1961.
- Streck*. Djudi.— *Streck M.* Djudi.— *EI*², vol. 2, c. 573–574.
- Torrey*. Terms.— *Torrey Ch.* The Commercial-Theological Terms in the Koran. Leyden, 1892.
- Vajda*. Dhu-l-Kifl.— *Vajda G.* Dhu-l-Kifl.— *EI*², vol. 2, c. 242.
- Vajda*. Harut.— *Vajda G.* Harut wa-Marut.— *EI*², vol. 3, c. 243–244.
- Walker*. Characters.— *Walker J.* Bible Characters in the Koran. Paisley, 1931.
- Wansbrough*. Quranic Studies.— *Wansbrough J.* Quranic Studies. Oxf., 1977.
- Watt*. Hanif.— *Watt W. M.* Hanif.— *EI*², vol. 3, c. 169–170.

- Watt*. High God.— *Watt W. M.* The Quran and Belief in a High God.— *Der Islam*. B., 1979, Bd. 56, c. 265–271.
- Watt*. Medina.— *Watt W. M.* Muhammed at Medina. Oxf., 1936.
- Watt*. Mekka.— *Watt W. M.* Muhammad at Mekka. Oxf., 1953.
- Weil*. Legenden.— *Weil G.* Biblische Legenden der Musulmänner. Frankfurt, 1845.
- Wensinck*. Harut.— *Wensinck A. J.* Harut und Marut.— *EI*, Bd. 2, c. 289.
- Wensinck*. Iblis.— *Wensinck A. J.*, (Gardet L.) Iblis.— *EI*², vol. 3, c. 690–691.
- Widengren*. Muhammad.— *Widengren G.* Muhammad, the Apostle of God and his Ascension. Uppsala, 1955.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- ‘Абд Аллāх б. Убайй 187
‘Абд аль-Мутталиб 9
Абкариб Ас‘ад аль-Кāмиль 152,
153, 158
Абраха (Авраам) 160, 180
Абӯ Бакр 14, 19, 164
Абӯ Зу‘айб 188
Абӯ Лахаб 13
Абӯ Сумāма 175
Абӯ Суфйāн 17
Абӯ Талиб 12, 64, 74
Авель см. Хāбийль
Авраам см. Ибрāхйм
Адам 36—41, 52, 98, 109, 116,
122, 163, 172
‘Адй б. Зайд 39, 120, 176,
180, 182
‘Адхумав 178
Азар 80
Аййуб (Иов) 128—131
Александр Македонский 111,
126, 148, 149, 189; см. также
Зу-ль-Қарнайн
‘Алй 65
Аллāt 13, 97
Аллāх passim
Амон 148
‘Амр б. Луҳайй 175
‘Амр б. Ма‘дйкариб 188
Андреас 126
Андрей 126
аль-Асвад 65
‘Асйм 20
Ахвад 57
Ахвад‘иль 57
Ахикар 151
Аҳмад 183; см. также Муҳам-
мад
аль-А‘шā 52, 176
Ба‘ал 127
Барсйса 132
Бархум 180
Бистон А. 181
Богоматерь 122
Бурāқ 163
Вадд 46, 50, 174, 175
Валаам 151
Варақа б. Науфаль 86, 166,
182
Василид 123, 185
Винников И. Н. 169
Гавриил см. Джибрйль
Гассаниды 120
Гедеон 139
Гейгер А. 173
Гог и Магог см. Йāджудж и
Мāджудж
Голиаф см. Джалūt
Давид см. Да‘уд
Даджжāль 120
Да‘уд (Давид) 12, 128, 138—
142, 151
Деций 137
Джалūt (Голиаф) 138

- Джибрїль, Джабрә'їль (Гавриил) 8, 9, 114, 120, 163, 165, 172, 186
 Душара 184
 Ева см. Ҷаввә'
 Евер 157
 Елисей, Элиша' 126, 186
 Енох 124
 Епифаний Кипрский 184
 Ефрем Сирин 100
 Закария (Захария) 114, 115, 117—119, 124, 128, 177, 185
 Захария 126
 Зү-ль-Калә' 174
 Зү-ль-Қарнайн 104, 139, 147—149, 151, 189
 Зү-ль-Кифль 126, 132
 Зү Нувас см. Йусуф Ас'ар
 Зү Ру'айн 174
 Зубайр 76
 Зулайка 91
 Зухайр б. Абї Сульма 65
 Иаков см. Йа'қуб
 Иблис 35, 36, 39, 41, 42, 64, 156, 172
 Ибн 'Араби 108
 Ибн аз-Зибә'ра 60
 Ибн Исхак 169
 Ибн аль-Кальби 180
 Ибн Хишам 169
 Ибн Мас'уд 181
 Ибрахїм (Авраам) 12, 16, 39, 68, 69, 71, 74, 76, 80—89, 108, 114, 115, 118, 122, 125, 134, 159, 163, 180, 181
 Ибрахїм б. Аййуб 180
 Ибрахїм б. Ҷуджр 180
 Идрис 82, 112, 114, 125, 126, 163
 Иезекииль 126, 132, 134
 'Изра'їль, 'Азра'їль 172
 Исус см. 'Исә
 Исус бен Леви 183
 Илия см. Ильяс
 Ильяс, Илийас (Илия) 126—128, 183
 'Имрән 115, 121, 122
 Иона см. Йунус
 Иосиф 185, 186
 Иосиф см. Йусуф
 Иофор 76
 Ираклий 17
 Ириней 185
 'Исә (Иисус) 11, 12, 41, 112—125, 128, 163, 164, 177, 183—186
 Исав 89
 Исаия 77
 Исма'їль 81—83, 87, 88, 114, 125, 128, 181
 Исра'їль 43, 89, 103, 104, 106, 115, 116, 119, 138; см. также Йа'қуб
 Исрафиль 172
 Исхак (Исаак) 81, 82, 86—89, 122
 Иуда 185
 Йагус 46, 50, 174, 175
 Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог) 139, 148, 149
 Йа'қуб (Иаков) 86—92, 94, 96, 98, 99, 103, 111, 122
 аль-Йаса' 126, 128, 186
 Йаса' 'амар 126
 Йа'уқ 46, 50, 174, 175
 Йахья (Иоанн) 114, 118, 124, 128, 177
 Йоханан 53
 Йунус (Иона) 128, 130, 131
 Йусуф (Иосиф) 89—100, 107, 109, 128, 163, 181
 Йусуф Ас'ар зү Нувас 158
 Қабиль 43, 95
 Қабйса б. Джабир 60
 Каин см. Қабиль
 Қайль 59
 Қарун (Корей) 101
 Кетура (Хеттура) 181
 Крачковский И. Ю. 168, 170, 177, 178, 181, 182

- аль-Қутāmī 52
 Лабїд 178
 Лахмиды 120, 189
 Лот см. Лўт
 Лубад 150
 Лукмāн 60, 149—151
 Лўт (Лот) 44, 55, 60, 63, 67—
 71, 73, 74, 78, 81, 82, 128,
 129, 152, 179
 Магиду 178
 Македа 146
 Мāлик 172
 Манāt 97
 Мария 110
 Мария см. Марйам
 Марйам (Мария) 113—119,
 121—124, 177, 183—186
 Мārут 188
 аль-Махдї 120
 Микāль 172
 Мирйам (Мирямь) 121
 Моисей см. Мўса
 Мубāрак б. Муҳаммад
 Мункар 172
 Мўса (Моисей) 10—12, 16, 22,
 29, 76, 80, 82, 101—112, 114,
 118, 119, 121, 125, 126, 128,
 138, 149, 163, 164, 166, 170,
 177, 182
 Мутаммим б. Нувайра 178
 Муҳаммад rassim
 Муҳарриқ 177
 Набонид 77, 178
 ан-Надр б. аль-Ҳāриқ 166
 Накїр 172
 Наср 46, 50, 174, 175
 Нāфи‘20
 Неemia 134
 Нельдеке Т. 171
 Ной см. Нўх
 Нўх (Ной) 44—55, 60, 62—
 64, 69, 71, 73, 78, 122, 125,
 127, 129, 153, 174—177
 Осия 126
 Осман, ‘Усмāн 19
 Парет Р. 28
 Пиренн Ж. 188
 Птолемей 178
 Пушкин А. С. 31, 81, 132, 134
 Рахиль 111
 Раҳмāн 11, 25, 86
 Ревекка 111
 Родинсон М. 169
 Саблуков Г. С. 170
 Савская царица 23, 143—147,
 189
 Сāлих 40, 45, 55, 62—69, 73—
 76, 78, 178, 179
 Сальмāн 16
 Самав’аль 86, 182
 ас-Сāмирї 104, 110
 Самуил 138
 Сара 181
 Сатана см. Шайтан
 Саул см. Ғалўт
 Сет (Сиф) 52
 Сиддїқ 99
 Симон из Кирены 123, 185
 Соловьев В. С. 170
 Соломон см. Сулаймāн
 Сува‘ 46, 50, 174, 175
 Сувайд 189
 Сулаймāн (Соломон) 12, 23,
 128, 141—147, 151, 153, 172
 Ғалўт (Саул) 138, 139
 Ғарафа 51, 176
 Тубба‘ 152—153
 Убайй б. Ка‘б 139
 ‘Узайр 131, 186
 аль-‘Уззā 9, 97, 177
 Умаййа б. Абї-Ҷ-Сальт 51, 145,
 179, 182
 Урия 141
 Уҳаймар 179
 Фараон см. Фир’аун
 Фир’аун (Фараон) 29, 101—
 103, 106, 108, 110, 152, 153,
 170, 182
 Хāбїль 43, 95
 Хавад’иль 57

- Ҳаввā' (Ева) 39, 42
Хавид 57
Ҳадйджa 9, 13, 54, 168
аль-Ҳадир 112, 182
Ҳā' 53
Хāмāн 101, 103
аль-Ҳансā' 178
Хārūн (Аарон) 102, 104, 107,
121, 125, 128, 163, 182
Хārūt и Mārūt 145, 188
Ҳассāн б. Сāбит 177
Ҳафс 20
Хиршберг Й. 182
Хосров II 17
Хубаль 9
Хӯд 45, 55—59, 63, 69, 73, 78,
176, 177
Худат 57
Ша'иб 76
Шайтан (Сатана) 35, 36, 38—
41, 80, 93, 94, 97, 110, 128,
129, 132, 146, 172, 174
Шамс 146, 189
Ша'удат 178
Шпейер Х. 28
Шу'айб 45, 55, 63, 72—78, 179
Эberman В. А. 170
Эзоп 151
Эзра (Ездра) 132, 134, 186,
187; см. также 'Узайр
Элизер (Елеазар) 111
Элиша' см. Елисей

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ

- Азия Средняя 18, 149
аль-Айка 72, 152
'Акаба 14
Амман 137
Аравия Северная 60, 61, 66, 153
Аравия Северо-Западная 61
Аравия Центральная 178
Аравия Южная 60, 61, 153,
154, 160, 178, 186, 188—189;
см. также Йемен
Арал 50
Арафат 39
'Арим 155
Африка Северная 18, 20
аль-Ахкаф 55, 57, 58, 60, 177,
178
Бадр 15, 170, 174
Бахрейн 111
Бе'ер Шеба (Вирсавия) 76, 77
Бир Хамад 124
Вавилон 145, 147, 188
Вефиль 181
Византия 158, 159
Гоморра 67, 71
Дедан 77
Джидда 39, 175
аль-Джуди 47, 50, 52
Джураш 174
Дильмун 111
Думат аль-Джандаль 175
Евфрат 111, 181
Египет 17, 67, 76, 92, 94, 96,
98, 99, 101—103, 186, 187
«Железные ворота» 149
Заиорданье 137
Зу Райдан 160
Иерусалим 16, 162—164, 189
Индия 154, 159
Ирак 18, 147
Ирам 61, 67
Иран 18, 159, 160
Испания 18
Иаманат 160
Иасриб 13, 14, 106, 158
Йемама 160
Йемен 146, 147, 153—158, 160,
175, 180, 189
аль-Ка'ба 9, 16, 17, 39, 59,
83, 85, 87, 88, 162, 163, 175
Кавказ 149
Красное море 170, 182
Кумран 181
Курдистанские горы 50
Мада'ин Салих 66
Мад'ян, Мид'ян 75, 76, 102,
111
Мазхидж 174
Мариб 154, 155, 157
Матарийа 186
Медина, аль-Мадина, Мадина w
ан-наби 14—17, 25, 34, 85,
106, 113, 138, 139, 166, 186
Мекка 8, 9, 12—17, 34, 39,
40, 48, 58, 59, 65, 74, 75,

85, 147, 150, 153, 158, 160,
162, 166, 175
аль-Муздалифа 39
Набатейя, Набатейское царство
66, 67
Наджран 116, 158, 174, 186
Нахля 177
Нил 181
Оман 182
Палестина 66, 100, 137, 155,
162, 189
Персидский залив 111
Петра 67, 137, 184
ар-Раввафа 66, 178
ар-Разм 174
ар-Рахим 134, 137
Рамет-Хацор 181
ар-Рамм (Ирам) 61
ар-Расс 63
Рухат 174
Саба' 144, 153, 156, 157, 160
Синай, Синайский полуостров
39, 40, 75, 102, 103
Сирия 18, 66, 67, 137, 155,
175
Содом 67, 71

Средиземноморье 155, 159
Таиф 13, 17
Тайма 60, 178
Тауд 160
Тигр 111
Тихама 160
Тува 102, 108
Указская ярмарка 9
Ухуд 15, 187
Фавор 184
Филадельфия (Амман) 137
Хадрамаут 60, 124, 160, 178
Хайван 174
Хиджаз 9, 34, 89, 77, 100,
153, 155, 160
Хиджаз Северный 61, 62, 66,
71, 77, 175
аль-Хиджр (Хегра) 62, 63,
66
Хира 120, 180
Хира' 8, 9, 108
Худайбия 16
Цейлон 39
Эфес 137
Эфиопия 12, 96, 113, 158,
159

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ И РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕЧЕНИЙ

- 'ад, адиты 45, 55—63, 68, 150,
152, 176—179
аус 13, 95
аусанцы 174
гностики 28, 29, 35, 41, 42,
54, 122, 184
джурхум, джурхумиты 60
докеты 123, 184, 185
евреи 101, 102
египтяне 102
исмаилиты 164
иудеи, иудаизм 11, 14—16,
74, 85, 87, 88, 99, 106, 107,
109, 110, 139, 153, 159,
160, 174, 180, 181, 183, 184
иудео-христиане 28, 29, 122
қайнуқа' 13
кинда, киндиты 120, 178
коллиридианки 184
қурайза 14
қурайш, курайшиты 13, 16,
60
мадйән, мадйаниты 45, 60,
72—77, 152
мазҳидж 174
маинцы 174
маймүнйя 181
манихеи, манихейство
монофизиты 123, 158
набатей 184
надйр 14
нахд 124
сабейцы 153
самаритяне 104, 110
сампсеи 184
самӯд, самудяне (thamydeni)
45, 56, 60, 62—68, 73, 152,
177—179
сарацены (saraceni) 178
себяне 52
скиниты (scenitae) 178
тамйм 180
фихр 60
қазрадж 13, 95
хамдән 174
ханифы 9, 54, 86—88, 180—181
хариджиты 181
хәшим, хашимиты 13, 74
химйариты 174
христиане, христианство 11, 16,
54, 74, 85, 87, 88, 109, 122,
134, 135, 159, 160, 180, 183,
184
қузә'а 175
хузайл 174
эвиониты 122
юлианиты 123
язычники 74, 85

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

- Авеста 188
Аггада 99
Апокалипсис Авраама 88
Апокриф книги Бытия 181
«Библейские истории в Коране» Х. Шпейера 27
Библия 71, 76, 98, 110, 111, 121, 130, 153
 Ветхий завет 15, 27, 29, 76, 106, 108, 138, 141
 Бытие
 3:4—7 с. 42, 178
 3:15 с. 42, 173
 3:22 с. 42, 178
 6:1—4 с. 188
 6:9—9:28 с. 54
 7:11 с. 54
 8:2 с. 54
 8:7 с. 53
 13 с. 69
 15:2 с. 183
 15:5 с. 86
 18:17—33 с. 69
 19 с. 69
 21:33 с. 77
 24 с. 183
 32:32 с. 89
 37—50 с. 100
 Исход
 2:15—25 с. 76
 4:6—7 с. 110
 15:20 с. 121
 23:11 с. 100
 Числа 19 с. 110
 Второзаконие 29:22 с. 179
 Книга Судей 7:5—7 с. 139
 Вторая книга Самуила 12:1—10 с. 141
 Первая книга Царей 10 с. 147; 18 с. 128
 Вторая книга Хроник 9 с. 147
 Книга Есфирь (Эстер) 147
 Псалмы 35, 140
 148:9—10 с. 142
 Книга пророка Исаии 21:13 с. 77
 Книга пророка Иезекииля 38:2 с. 149
 Книга пророка Даниила 159
 Новый завет 27, 29
 Евангелие, Инджиль 83, 106, 120, 142, 158
 Евангелие от Луки 124
 12:16—21 с. 189
 Евангелие от Иоанна

- 14:16, 26; 15:26; 14:
12 с. 183
- Деяния святых Апо-
столов 78
- Откровение Иоанна
20:7, 9 с. 149
- «Божественная комедия» Данте
163
- Деяния апостола Фомы 184
- «Долгожителю и завещания»
Абу Хатима ас-Сиджистани
189
- Евангелие детства 124, 185
- Евангелие от Евреев 184
- Евангелие от псевдо-Матфея
124, 186
- Евангелие от псевдо-Фомы 123
- Евангелие рождества 185
- «Жизнеописание посланника
Аллаха» («Сира») Ибн Исха-
ка—Ибн Хишама 163, 168,
169
- «Завещания царей» 189
- Зависимость Корана от иудаиз-
ма и христианства» В. Ру-
дольфа 26
- Инджиль см. Евангелие
- «Ислам» В. В. Бартольда 169
- «История» ат-Табари 168
- «История Корана» Т. Нёльдеке
и Ф. Швалли 24
- «История Халифата» О. Г.
Большакова 170
- «Кабрэ Нагэст» 146
- «Книга разрядов» Ибн Са'да
168
- Книга юбилеев 88
- «О трех обманщиках» 164
- «Пещера сокровищ» 41
- «Подражания Корану» А. С.
Пушкина 31, 187
- Протоевангелие Иакова 121.
122, 185, 186
- Роман об Александре 111, 126,
148
- «Голдот Йешу» 186
- Тора 83, 106, 115, 142
- «Что взял Мухаммад из иуда-
изма» А. Гейгера 26

**УКАЗАТЕЛЬ
КОРАНИЧЕСКИХ ЦИТАТ**

1. «Сӯрат аль-Фātiҳа» 21
2. «Сӯрат аль-Бақара» 21, 22,
106
 - 30/28 с. 36
 - 36/34 с. 42
 - 61/58 с. 104
 - 67/63 — 73/68 с. 110
 - 87/81 с. 119
 - 97/91 с. 172
 - 102/96 с. 145
 - 125/119 с. 83
 - 246/247—251/252 с. 138,
187
 - 251/252 с. 139
 - 253/254 с. 119
 - 255/256 с. 25, 33—34
 - 258/260 с. 81
 - 259/261 с. 133
 - 268/271 с. 172
3. «Сӯрат Аль 'Имрāн» 118
 - 19/17 с. 180
 - 33/30 с. 115
 - 33—34/30 с. 122
 - 35/31 с. 121
 - 42/37 с. 115
 - 44/39 с. 51
 - 45/40 с. 115, 119
 - 48/43 с. 115
 - 52/45—53/46 с. 119
 - 59/52 с. 41
 - 93/87 с. 89
 - 117/113 с. 157
4. «Сӯрат ан-Нисā'»
 - 157—158/156 с. 117, 184
 - 163/161 с. 45, 128, 131
 - 172/170 с. 172
5. «Сӯрат аль-Мā'ида»
 - 17/19 с. 115
 - 20/23—26/29 с. 109
 - 27/30—32/35 с. 43
 - 75/79 с. 119
 - 110/109—118 с. 118, 119,
172
 - 115 с. 117
 - 116 с. 122
6. «Сӯрат аль-Ан'ām»
 - 6 с. 54
 - 25 с. 166
 - 35 с. 190
 - 50—52 с. 49
 - 76—79 с. 84
 - 84 с. 90, 128
 - 152/153 с. 74
 - 161/162 с. 87
7. «Сӯрат аль-А'рāф»
 - 10/9—27 с. 37
 - 20/19 с. 42, 173
 - 28/27 с. 37
 - 54/52 с. 31
 - 65/63, 70/68 с. 56
 - 71/69 с. 55, 97
 - 73/71 с. 62
 - 73/71—79/77 с. 63
 - 74/72 с. 62, 67

- 75/73 с. 62
 77/75, 78/76, 79/77 с. 63
 80/78—81/79, 82/80 с. 68
 85/83 с. 72, 74
 86/84—87/85 с. 75
 89/87 с. 75
 91/89 с. 73
 93/91 с. 73
 94/92—101/99 с. 78
 157/156 с. 106, 109, 169
 158/157 с. 169
- 8.** «Сӯрат аль-Анфаль»
 17 с. 170
 30 с. 70
 31 с. 166
- 9.** «Сӯрат ат-Тауба»
 26 с. 139
 30 с. 131
 36 с. 34
 37 с. 34
 40 с. 70
 70/71 с. 69, 179
- 10.** «Сӯрат Йӯнус»
 72/73 с. 48
 76/77 с. 119
 87 с. 106
 98 с. 131
- 11.** «Сӯрат Хӯд»
 25/27 с. 45
 27/29—29/31 с. 49, 97
 32/34 с. 49
 35/37 с. 51
 36/38, 38/40, 40/42 с. 46
 42/44 с. 51
 46/48 с. 46
 49/51 с. 50
 50/52, 57/60 с. 56
 61/64—68/71, 67/70—
 68/71 с. 63
 78/80—79/81 с. 68
 82—83/84 с. 69
 84/85—85/86, 87/89
 с. 72
 88/90 с. 76
 91/93—92/94 с. 74
- 93/95—96 с. 75 —
 94/97—95/98 с. 73
- 12.** «Сӯрат Йӯсуф» 25
 1—2 с. 90
 3 с. 91
 8—9 с. 96
 14 с. 98
 18, 19 с. 98
 20 с. 92, 181
 21 с. 96
 24 с. 99
 31 с. 92
 33, 38—40 с. 97
 44 с. 98
 49 с. 100
 83 с. 98
 84 с. 98
 100/101 с. 94
 102/103 с. 51, 95, 109
 110 с. 94
- 13.** «Сӯрат ар-Ра'д»
 2 с. 31
- 14.** «Сӯрат Ибрāхīm»
 35/38, 37/40 с. 87
- 15.** «Сӯрат аль-Ҳиджр»
 18 с. 190
 26 с. 36
 61, 80 с. 68
 80—84 с. 63
- 16.** «Сӯрат ан-Наҳль»
 102/104 с. 120
 120/121 с. 87
- 17.** «Сӯрат аль-Исрā'»
 1 с. 162
 3 с. 45
 35/37 с. 74
 52/54 с. 134
 76/78 с. 70
 94/96—95/97 с. 97
- 18.** «Сӯрат аль-Қаҳф» 104
 6/5, 11/10 с. 134
 19/18 с. 137
 25/24 с. 136
 32/31—44/42 с. 157

- 82/82 с. 105
83/82—98/97—98 с. 147,
148
19. «Сӯрат Марйам»
10/11, 16 с. 114
16—17 с. 185
17 с. 172
19, 20 с. 114
28 с. 121
30/31, 33/34 с. 114
34/35—35/36 в. 115
37/38 с. 123
44/45, 45/46 с. 86
54/55—55/56 с. 82
56/57—57/58 с. 123
20. «Сӯрат Ға хā»
12 с. 108
38—40/41 с. 102, 121
95/96 с. 110
103 с. 134
21. «Сӯрат аль-Анбиййā»
5 с. 98
52/53 с. 84
56/57 с. 86
69 с. 81
71 с. 68
79—80 с. 140, 141
81—82 с. 142
83—84 с. 129
85 с. 125, 126
87—88 с. 130
96 с. 148
22. «Сӯрат аль-Ҳадждж»
5 с. 37, 40
40/41 с. 187
23. «Сӯрат аль-Му'минйн»
25 с. 49
27 с. 46
31/32 с. 56
35/37—37/39, 38/40 с. 58
50/52 с. 117
112/114—114/116 с. 134
24. «Сӯрат ан-Нӯр»
35 с. 40
25. «Сӯрат аль-Фурқāн»
5/6 с. 166
38/40 с. 63
40/42 с. 69
41/43 с. 70
59/60 с. 80
26. «Сӯрат аш-Шу'арā»
14/13, 18/17—19/18
с. 107
70 с. 84
105, 123, 176 с. 68
107 с. 45
111—114 с. 49
116 с. 45, 48
137 с. 58
141 с. 68
148 с. 62
153 с. 64
155 с. 62
181—183 с. 72
187, 189 с. 73
27. «Сӯрат ан-Намль» 23, 143
17—44/45 с. 144
45/46—53/54 с. 63
47/48—50/51 с. 62
48/49—49/50 с. 64
91/93 с. 48
28. «Сӯрат аль-ҚаҶаҶ»
7/6—13/12 с. 101, 121
8/7 с. 107
15/17—21/20 с. 107
48 с. 106, 109
76—82 с. 101
29. «Сӯрат аль-Анкабӯт»
39/38—40/39 с. 101
61, 63 с. 171
31. «Сӯрат Луқмāн»
12/11, 13/12, 16/15
с. 149
25/24 с. 171
34. «Сӯрат Саба'»
10 с. 140
12/11—13/12 с. 142
15/14—17/16, 18/17—
20/19 с. 155
43/42 с. 119

36. «Сӯрат Йā сйн»
13/12—29/28 с. 77
37. «Сӯрат ас-Сāфāt»
79/77, 81/79 с. 45
85/83 с. 84
102/100—102, 103—
107 с. 82
123—130 с. 127
137—138 с. 71
139—148 с. 130
38. «Сӯрат Сād»
18/17—19/18, 21/20
25/24, 26/25 с. 140
31/30—33/32 с. 142
34/33, 36/35—39/38
с. 143
41/40—44/43 с. 128
48 с. 126
39. «Сӯрат аз-Зумар»
38/39 с. 171
40. «Сӯрат аль-Му'мин»
24/25 с. 101
28/29—34/36 с. 108
34/36 с. 90
41. «Сӯрат Фуссилат»
9/8—12/11 с. 31—32
13/12 с. 63
13/12—16/15 с. 57
17/16 с. 62
42. «Сӯрат аш-Шӯрā»
13/11 с. 108
43. «Сӯрат аз-Зуҳруф»
9/8 с. 171
26/25 с. 84
30/29, 61 с. 119
44. «Сӯрат ад-Духāн» 77, 172
17/16—33/32 с. 106
37/36—37 с. 152
38 с. 35
46. «Сӯрат аль-Аҳқāф»
7/6 с. 119
21/20 с. 57
24/23, 25/24, 26/25 с. 56
29/28—32/31 с. 172
47. «Сӯрат Муҳаммад»
13/14 с. 70
48. «Сӯрат аль-Фатҳ»
1 с. 75
50. «Сӯрат аль-Қāф»
12 с. 63
13—14/13 с. 152
38/37 с. 33
51. «Сӯрат аз-Зāрийāt»
44, 45 с. 63
47 с. 35
52. «Сӯрат ат-Тӯр»
30—31 с. 49
38 с. 190
53. «Сӯрат ан-Наджм»
13—18 с. 182
23 с. 97
53/54 с. 69
54. «Сӯрат аль-Қамар»
11—12 с. 54
13 с. 47
15 с. 53
18—21 с. 57
19 с. 56
25, 26 с. 62
28 с. 62
29, 31 с. 63
55. «Сӯрат ар-Раҳмāн» 32—33
7/6—9/8 с. 74
59. «Сӯрат аль-Ҳашр»
8 с. 187
16 с. 132
60. «Сӯрат аль-Мумтаҳана»
1 с. 70
61. «Сӯрат ас-Сафф»
6, 14 с. 119
66. «Сӯрат ат-Таҳрīm»
10 с. 46, 69
68. «Сӯрат ал-Қалам»
15 с. 166
17—33 с. 156
48—50 с. 130, 131
69. «Сӯрат аль-Ҳāққа»
6 с. 158
7 с. 56, 61

- 9 с. 179
11—12 с. 47, 53
71. «Сӯрат Нӯҳ» 47, 50
5—23 с. 45—46
26/27—28/29 с. 46, 49
72. «Сӯрат аль-Джинн»
1—20 с. 172
74. «Сӯрат аль-Мудассир»
30 с. 172
83. «Сӯрат аль-Мутаффифӣн»
1—3 с. 74
13 с. 166
85. «Сӯрат аль-Бурӯдж»
4—9, 10 с. 159
89. «Сӯрат аль-Фаджр»
6/5—8/7 с. 56
91. «Сӯрат аш-Шамс» 63
95. «Сӯрат ат-Тин» 39
4 с. 36
96. «Сӯрат аль-‘Алақ»
1—2 с. 40
1—5 с. 8
18 с. 172
105. «Сӯрат аль-Фйль» 161
112. «Сӯрат аль-Иҳлāс» 21
114. «Сӯрат ан-Нāс» 21, 40

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- 'абд шажӯр 45
 'адл 74
 амр 30
 аль-анҷар 14
 асәтӣр аль-аввалӣм 58, 166
 асафа 98
 аслама 83
 аслъ 155
 асҳаб аль-айка 72, 76
 аз 64
 аят 14, 20
 аят аль-курсӣ 25, 33
 бе'ёр 76
 буйӯт 67
 бурҳан 99
 валӣ 64
 васваса 40
 гӯль (қуртуб) 172
 джинн 12
 диаболос 41
 Забӯр 140
 закӣ 137
 зӣт аль-вад'а 176
 исләм 86, 181
 исләҳ 76, 180
 аль-исрā' ва-ль-ми 'рāдж 162,
 163
 'ифрīt 144, 172
 йаум аз-зулма 73
 йахӯд мн. ч. хӯд 57
 Ҷаумун хӯдун 176
 кāхин 9
 Ҷибла 16, 106
 Ҷиҷаъ аль-анбийā' 171
 Ҷиҷса 90
 Китāб 108
 кифль 126
 қушӯр 67
 маджалла 189
 мақām Ибрāхӣм 83
 малā' 48, 55
 малак мн. ч. малā'ика 172
 малакӯт 30
 масвад 146
 масджид 135
 аль-масджид аль-ақсā 162
 аль-масджид аль-Ҷарām 162
 махнеҳа 179
 миллат Ибрāхӣм 83
 му'аллақа 179
 му'аммар 150
 мубāхала 116
 муқаррабӯн 172
 аль-мунāфиқӯн 15, 139
 мурсалӣн 68
 мусаҳҳар 64, 75
 аль-му'тафикат 71, 179
 аль-мухāджирӯн 14
 набӣ 45
 ан-набий аль-уммӣ 169
 назӯр мубӣн 45
 наср 174
 параклитос 183
 периклитос 183
 рабб 127
 расӯл 68

расул амйн 45
рахт 72
рйхун сарсарун 158
рйхун фйхā сиррун 158
руағ 184
рўх аль-қудус 119
сабр 150
сабрун джамйлун 98
садж' 23
сакйна, шехина 139
салаға 64
сāхиб 63
сидр 155
сидра 182
си'лат 172
софия 184
сўра 20
Сухуф 108
сухуф Ибрāхїм 80
та'вāль 95
тā'ифун 156
Таура 108

тубба' 152, 153
укуль хамт 155
умма 14
уммй 169
фатҳ 75
Фурқāн 108
Ха-Цаддиқ 99
аль-хавāрййўн 114, 119
хāда 57, 177
хāджж 16
хā'ид 177
халїл Аллāх 83, 86
халїф 19
халїфа 140
халқ 30
ханїфййа 86, 181 .
хиджра 14
хотма 184
хўд 57, 176
шайтāн 39, 41
шарикат 66

SUMMARY

M. B. Piotrovsky. *Quranic Stories*. The book deals with the narrative parts of the Quran—the Holy Scripture of Islam. It brings together the fragments of stories about the prophets and righteous men scattered throughout the text. Unlike similar studies, this one interprets these stories not in the context of their foreign sources but in terms of legends as rendered in the teaching of Prophet Muhammad and related to the culture of pre-Islamic Arabia, which was the cradle of Islam.

We learn from individual legends that nearly all that the Prophet recounted of the Biblical characters was familiar to his fellow-tribesmen. The Biblical and post-Biblical legends constituted the stuff of "mass culture" which provided Muhammad with historical argumentation in his prophecies. Even in pre-Islamic epoch the Biblical characters were seen in Arabia as being of a piece with local history. The study singles out the body of stories of the disasters, where the legends of Noah (Nuh) and Lot (Lut) combine with those of the demise of the early Arabian peoples. The tales of the adites, thamudites, and madyanites hark back to the collapse of Nabathean culture. Of a later date in the Quran are Arabian legends proper, including those of the Marib Dam, "the people of the ditch", and "campaign of the elephant".

The study elucidates the use of these "historical" subjects for propagating Islam. Their traditional and exciting nature appealed to the audiences. The new interpretation offered by the Quran presented historical events as manifestations of Allah's will and omnipotence. The example of ancient prophets also provided moral support to Muhammad in his hours of desperation.

There is overlapping of the past and present in the Quranic stories. Ancient prophets pronounced the exhortations with which the Quran harangued the Meccans. Within the Quranic stories there was another Quran, producing a specifically framed narrative (Quran inside the Quran). Ancient prophets acted much as Muham-

mad did, and were as much harassed. In the Quran they are paraded as his "doubles", a point recurringly stressed. We find these Quranic stories useful in probing the psychological undercurrents of the Prophet's actions and feelings.

The Quranic stories were the main vehicle for the idea of a linear, progressive evolution of history as a succession of prophets and disasters leading to the Day of Judgement. At the same time, they indicated that the history of human race was moving in circles.

The book possesses the following chapters: Muhammad; The Quran; The Creation of World and Man; The Prophets of Great Catastrophies (Nuh and the Deluge, Hud—the Brother of the Adites; A Camel of Prophet Salih; The Toppled City; Shu'aib—Messenger to the "Owners of the Grove"); Ibrahim the "Friend of Allah"; A Beautiful Story of the Handsome Yusuf; Musa the Magician and Teacher; A Word from Allah—'Isa; The Righteous Martyrs; Heroes and Wise Men; Recent History of Arabia; Muhammad and Stories of the First Ones,

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Мухаммад	8
Коран	19
Творение мира и человека	30
Пророки великих катастроф	44
Нух и потоп	44
Худ — «брат адитов»	55
Верблюдица пророка Салиха	62
«Опрокинутый» город	68
Посланник к «владельцам рощи» — Шу‘айб	72
«Друг Аллаха» Ибрахим	80
Прекрасный рассказ о красавце Йусуфе	90
Муса — волшебник и вероучитель	101
«Слово от Аллаха» — ‘Иса	113
Праведники-страстотерпцы	125
Герои и мудрецы	138
Недавняя история Аравии	152
Мухаммад и «истории первых»	162
Примечания	168
Цитированная литература	191
Указатели	199
Указатель имен	201
Указатель топонимов	205
Указатель этнонимов и религиозных течений	207
Указатель названий сочинений	208
Указатель коранических цитат	210
Указатель терминов	215
Summary	217

Научное издание

Пиотровский Михаил Борисович
КОРАНИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

*

Заведующий редакцией С. С. Цельникер
Редактор Л. В. Негря
Младший редактор Н. Е. Серегина
Художник А. Г. Яковлев
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор Р. Ш. Чемерно

*

ИБ № 16820

*

Сдано в набор 14.05.90
Подписано к печати 12.11.90
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2
Гарнигура обыкновенная новая. Печать высокая
1-й лист отпечатан по офсету
Усл. п. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,285
Уч.-изд. л. 12,39. Тираж 100 000 экз. Изд. № 6983
Зак. 165. Цена 4 р.

*

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51. Цветной бульвар, 21

*

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ВЫХОДИТ КНИГА

Хрестоматия по исламу. Переводы с арабского, введения и примечания. 21 л.

Хрестоматия заключает в себе материалы, сгруппированные в следующие разделы: I. Мухаммад и начало ислама. II. Коран и его толкования. III. Хадисы. Сунна Пророка. IV. Догматика. Идеиные расхождения в исламе. V. Суфизм. VI. Мусульманское право. В приложении даются глоссарий, указатели, список использованной литературы.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117393, МОСКВА, ул. АКАДЕМИКА ПИЛЮГИНА, 14, КОРП. 2, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ»,

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ВЫХОДИТ КНИГА

Ислам. Историографические очерки. 15 л.

«Очерки» представляют собой труд, посвященный наиболее актуальным и перспективным направлениям в исламоведении. Книга содержит три раздела: 1. Коран и коранистика; 2. Хадисы и хадисная литература; 3. Суфизм. Каждый из разделов снабжен списком использованной литературы. В «Приложении» даны указатели (именной, географических названий, названий сочинений, терминов).

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117393, МОСКВА, ул. АКАДЕМИКА ПИЛЮГИНА, 14, КОРП. 2, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».

Книги
Главной редакции восточной литературы
издательства «Наука»
можно предварительно заказать
в книоторговых
организациях всесоюзной фирмы
«Академкнига».

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Магазины «Книга — почтой»

252208 Киев, пр-т Правды, 80а;
197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7;
117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, кор. 2;
700043 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6.

Магазины «Академкнига»
с указанием отделов «Книга — почтой»

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4 («Книга — почтой»);
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;

- 252142 Киев, пр-т Вернадского, 79;
252025 Киев, ул. Стретенская, 17;
277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр-т Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4;
220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Тверская, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51;
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино, Московская обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино, Московская обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700047 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Газеты «Правда», 73;
700100 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

